

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series
Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included in the Russian Science Citation Index; in the List of State Commission for Academic Degrees and Titles of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the corresponding branches of science are to be published:

- 5.8.1. General pedagogy, History of pedagogy and education (Education sciences)
- 5.8.2. Theory and methods of training and education (area and level related)
(Education sciences)
- 5.3.1. General psychology, Personality psychology, History of psychology
(Psychological sciences)
- 5.3.5. Social psychology, Political and economic psychology (Psychological sciences)
- 5.3.7. Age psychology (Psychological sciences)

The aims and areas of research: the interdisciplinary academic journal is aimed at promoting the study of psychology, pedagogics and education by maintaining high standards of publishing, and by facilitating Russian scholars of the areas to further integrate into the international academic and scholarly community. It is with this purpose in view that the journal launches a certain number of thematically-bound issues of articles, which focus on tackling certain problems from diverse points of view and via the lens of different approaches. Young scholars' pieces of research appear next to the international and local celebrities' investigation. The journal welcomes the studies, methodological, as well as empirical and experimental, in innovative research methods. The full-length articles, together with the 200-word abstracts, are published in Russian and in English with free access.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. The registration certificate is PI No. FS77-61884 of May 25, 2015. The latest changes were made in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of August 3, 2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Tel.: +7 499 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки)
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки)
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки)
- 5.3.7. Возрастная психология (психологические науки)

Цели и области исследования: междисциплинарный научный журнал публикует оригинальные статьи по различным отраслям психологии, педагогики и образования. Цель журнала – объединить ученых, работающих в этих областях. Для этого в журнале создаются тематические выпуски, в которых размещаются статьи, анализирующие определенную проблему с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых в журнале публикуются и работы молодых начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий. С целью распространения материалов, полученных отечественными учеными, статьи, публикуемые в журнале, имеют как русскоязычную, так и англоязычную версию. При этом публикуются как полнотекстовые англоязычные статьи, так и расширенные английские аннотации объемом не менее 200 слов. Доступ к статьям журнала бесплатный.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел.: +7 (499) 973 44 33

Электронный адрес: ip@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

D.A. Khoroshilov, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T. Varis, Doctor of social sciences, professor, University of Tampere, Tampere, Finland (*by agreement*)

I.I. Vorontsova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

L.A. Grigorovich, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.V. Guldán, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Central Clinical Psychiatric Hospital named after F.A. Usoltsev, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

S. Duggan, Vice president of Terawe Corporation, Member of UNESCO IITE Governing Board, Dublin, Ireland (*by agreement*)

T.P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

G.G. Kravtsov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.E. Kriger, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

R.R. Lamprecht, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Potsdam, Potsdam, Federal Republic of Germany (*by agreement*)

A.S. Nelubina, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.M. Mishina, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.V. Ryabova, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.O. Soboleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- I.V. Solodnikova*, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Sh. Tkhostov*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- D.J. Hwang*, Ph.D., professor, Suangkyunkwan University, Seoul, Republic of Korea (*by agreement*)
- A.B. Kholmogorova*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Moscow State University of Psychology and Education, Russian Federation (*by agreement*)
- K.I. Chizhova*, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.K. Schabelnikov*, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

G.R. Khuzeeva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Д.А. Хорошилов, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т. Варис, доктор социальных наук, профессор, Университет Тампере, Тампере, Финляндия *(по согласованию)*

И.И. Воронцова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация *(ответственный секретарь)*

Л.А. Григорович, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гульдан, доктор психологических наук, профессор, Центральная клиническая психиатрическая больница (ЦКПБ) имени Ф.А. Усольцева, Москва, Российская Федерация *(по согласованию)*

С. Дагган, вице-президент корпорации “Teagawe”, член совета управляющих ИИТО ЮНЕСКО, Дублин, Ирландия *(по согласованию)*

Т.П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация *(по согласованию)*

Г.Г. Кравцов, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Р.Р. Ламтрехт, доктор филологических наук, профессор, Потсдамский университет, Потсдам, Федеративная Республика Германия *(по согласованию)*

А.С. Нелюбина, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.М. Мишина, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.Р. Орестова*, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- Т.В. Рябова*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.О. Соболева*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Солод니кова*, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Ш. Тхостов*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.Д. Хван*, Ph.D., профессор, Университет Суангюнкван, Сеул, Республика Корея (*по согласованию*)
- А.Б. Холмогорова*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (МППУ), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- К.И. Чижова*, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.К. Шабельников*, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Г.Р. Хузеева, кандидат психологических наук, РГГУ

CONTENTS

Thematic messages

- Nadezhda V. Solodnikova*
Live Action Role Play as a Social- psychological Phenomenon 10

Empirical research

- Ekaterina D. Sadovskaya, Fedor N. Vinokurov*
Social representations of AI. Useful, emotional, and funny 35

- Galina V. Molchanova, Valeriya D. Snurnitsyna*
The role of the information environment in the formation
of the image of the world of preschool children 54

- Natal'ya A. Gerasimenko*
Stylistic features of activity and the integral individuality
of practical psychologists in the educational system 66

- Ol'ga A. Sorokina, Larisa A. Ivanova*
Age-related features of the development of components
of emotional intelligence in older preschool children 78

- Oksana N. Istratova*
The relationship between students' educational experience
and their subjective well-being 92

- Irina V. Bayer, Anna P. Yarkaeva*
Age specificity of psychological well-being
and self-actualization among employees of a commercial organization 112

- Anna S. Neliubina, Lali M. Kogoniya, Alexandra I. Batrak*
Tolerance to uncertainty and coping in single and family patients
suffering from cancer 124

- Tat'yana P. Avdulova, Anastasiya N. Gorozhankina*
The relationship of child-parent relationships and self-destructive
behavior in adolescents 138

Works of young scientists

- Ol'ga S. Philippova*
Psychological characteristics of people with different preferences
for virtual space in 2021 and 2023 155

СОДЕРЖАНИЕ

Тематические сообщения

- Надежда В. Солодникова*
Рольевые игры живого действия
как социально-психологическое явление 10

Эмпирические исследования

- Екатерина Д. Садовская, Федор Н. Винокуров*
Социальные представления об искусственном интеллекте:
полезный, эмоциональный и смешной 35

- Галина В. Молчанова, Валерия Д. Снурницына*
Роль информационной среды в детской картине мира 54

- Наталья А. Герасименко*
Стилевые особенности деятельности и интегральная индивидуальность
практических психологов системы образования 66

- Оксана Н. Истратова*
Взаимосвязь образовательного опыта студентов
с их субъективным благополучием 78

- Ольга А. Сорокина, Лариса А. Иванова*
Возрастные особенности развития компонентов эмоционального
интеллекта у детей старшего дошкольного возраста 92

- Ирина В. Байер, Анна П. Яркаяева*
Возрастная специфика психологического благополучия
и самоактуализации у сотрудников коммерческой организации 112

- Анна С. Нелюбина, Лали М. Когония, Александра И. Батрак*
Толерантность к ситуации неопределенности
и совладание с болезнью у одиноких и семейных пациентов,
страдающих онкологическим заболеванием 124

- Татьяна П. Авдулова, Анастасия Н. Горожанкина*
Взаимосвязь детско-родительских отношений
и саморазрушающее поведение у подростков 138

Работы молодых ученых

- Ольга С. Филипова*
Психологические особенности людей с разным предпочтением
виртуального пространства в 2021 и 2023 гг. 155

Тематические сообщения

УДК 316.663.5

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-10-34

Ролевые игры живого действия как социально-психологическое явление

Надежда В. Солодникова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nadia.v.solodnikova@yandex.ru*

Аннотация. Данные исследований показывают, что участники ролевых игр в России становятся старше, среди них растет доля женщин. Россияне участвуют в ролевых играх живого действия 5–14 лет, что говорит об их большей опытности по сравнению с американцами (но шведы часто занимаются этим даже дольше). С точки зрения затрат и доходов РИЖД – скорее волонтерство, чем заработок для организаторов. Зарабатывают на ролевых играх в первую очередь бизнесы, непосредственно не участвующие в РИЖД, но находящиеся достаточно близко к игровому процессу (например, места проведения (гостиницы/пансионаты), мастерские по пошиву одежды и пр.). Достаточно новым явлением для РИЖД в России является участие государства в финансировании ролевых игр (на данный момент – только с участием подростков-школьников). Основная мотивация участия в ролевых играх живого действия среди россиян – желание прожить ситуации, с которыми участники не столкнутся в жизни. Американские ролевики больше ценят возможность провести время с друзьями и ставить сложные цели своим персонажам, а шведы больше ценят ощущение жизни в другой реальности.

Ключевые слова: ролевые игры живого действия

Для цитирования: Солодникова Н.В. Ролевые игры живого действия как социально-психологическое явление // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 10–34. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-10-34

Live action role play as a social-psychological phenomenon

Nadezhda.V. Solodnikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nadia.v.solodnikova@yandex.ru*

Abstract. The study data shows that LARP players in Russia are getting older and the number of women among them increases. Russian LARPs participate in it for 5–14 years which is on average longer than Americans do (Swedes have even more experience, though). From the point of view of expenses and income LARP is considered to be more like a form of volunteering for the team's masters. Money on LARP are earned primarily by businesses that are not directly involved in it, but are close enough to the game process (e. g., hotels as venues, tailoring studios that can create clothes, shoes, décor, etc.). A rather new feature for LARP in Russia is the participation of state in the funding – for now that concerns mainly LARPs for teenagers. The main motive for participation among Russians is the wish to experience situations that they will not face in real life. American LARPs value the opportunity to spend time with friends, while Swedes love the feeling of living in another reality.

Keywords: LARP (live action role play)

For citation: Solodnikova, N.V. (2024), “Live Action Role Play as a Social-psychological Phenomenon”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 10–34, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-10-34

Введение

Игра как явление представляет интерес для целого ряда социальных и гуманитарных наук. В философии игра рассматривается в филологическом, культурологическом и социальном (в широком смысле) аспекте [Хейзинга 2022].

В рамках психологии детская игра часто рассматривается как маркер процесса психического развития. В частности, популярную среди психологов и педагогов периодизацию развития такой игры предложил Д.Б. Эльконин, выделив три этапа ее эволюции:

- предметная игра характерна для ребенка в возрасте до трех лет. Основным мотивом выступает желание манипулировать предметом, освоить окружающий мир через соответствующие действия;

- сюжетно-ролевая игра становится преобладающей в возрасте трех–шести лет. Ее сущность заключается в попытках моделировать (на доступном уровне) мир взрослых через освоение ролей, релевантных каждой игре;
- игры с правилами дети чаще осваивают в возрасте шести–семи лет. Они предполагают формирование на основе ролей безличного свода правил, которым необходимо следовать для продолжения игры [Эльконин 1999, с. 117–186].

Игры взрослых также представляют интерес для научного сообщества. В частности, популярным является трансакционный анализ Э. Берна. Согласно этому подходу, в ходе социальных взаимодействий каждый участник активизирует одно из состояний своего Я: ребенка, родителя или взрослого. Ребенок в этом случае характеризуется как эмоциональный элемент в человеке, родитель – как проявление усвоенных социальных норм, этики, морали, требований и запретов. Взрослый же представляет собой способность человека объективно оценивать реальность на основе имеющейся информации и собственного опыта и принимать решения, адекватные ситуации [Берн 1992, с. 7–15].

В современном мире за пределами академической среды словосочетание «ролевые игры среди взрослых» имеет несколько иное значение. В первую очередь это понятие связывают с произведениями Дж.Р.Р. Толкиена¹ и их фанатами.

В общем виде ролевые игры представляют собой моделирование событий в рамках некоего набора правил в течение ограниченного периода времени. Д.Б. Писаревская предложила достаточно универсальное их определение:

...ролевая игра – широкая категория игр развлекательного и профессионального характера, связанного с выбором той или иной роли (модели социального поведения). В более узком смысле – сознательная попытка пожить какое-то время в роли другого человека или существа, производя от его лица какие-то действия, обусловленные обстоятельствами или необходимостью достичь поставленную цель. При этом все действия выполняются, а не проговариваются или моделируются каким-то иным способом [Писаревская 2009, с. 35].

В рамках этой статьи в качестве исходной дефиниции мы будем опираться на нее.

---

¹ Профессор Оксфордского университета, автор книг «Хоббит», «Властелин колец» и «Сильмариллион». Эти книги являются классическими примерами жанра «высокое фэнтези».

Существует несколько классификаций ролевых игр (РИ). В первую очередь они делятся по типу игры:

- вербальные/словесные РИ осуществляются без физической встречи игроков. Они обычно происходят на специализированных интернет-форумах;
- настольные РИ предполагают, что игроки отыгрывают поведение своих персонажей вербально, а ведущий описывает, как изменяется окружающий мир и персонажи в зависимости от принятых решений. При этом все участники находятся в одном помещении;
- РИ живого действия (РИЖД): игроки отыгрывают своих персонажей через действия на специально выделенном для игры физическом пространстве. Отдельно необходимо отметить, что, если не указано иное, в РИЖД принимают участие люди старше 16 или 18 лет. Игроки младше (14–16 лет) могут быть допущены на игры с сопровождающим и некоторыми ограничениями по взаимодействию с другими игроками (например, в правилах для них может быть прописан запрет на участие в боевых взаимодействиях). Дети до 14 могут присутствовать, но обычно не являются игроками².

Кроме того, РИЖД считаются родственными, но не тождественными компьютерным играм (в частности, многопользовательским ролевым онлайн-играм), настольным играм и реконструкторскому движению (см. табл. 1).

РИЖД (LARP, Live-Action Role Play) представляет интерес для научного сообщества уже более 20 лет. Существуют работы, описывающие это движение в рамках различных наук гуманитарного спектра: истории, антропологии, психологии, социологии и других [Писаревская 2009; Савченко, Теславская 2017; Царева 2014; Williams et al. 2018].

Западная академическая традиция [Vanek 2014, с. 6] определяет РИЖД как вид искусства, имеющий следующие параметры: 1) все игроки являются одновременно участниками действия и зрителями; 2) игроки не описывают свои действия, а отыгрывают их или заменяют действие неким эквивалентом в рамках игрового процесса; 3) игроки постоянно корректируют свою роль и все, что с ней связано, в искусственно созданном мире.

---

² Поэтому в дальнейшем говоря о «ролевиках», ролевых играх, ролевом движении или РИЖД мы будем иметь в виду их взрослых участников, за исключением специально оговоренных случаев.

Таблица 1

Виды игр взрослых

Вид игры	Особенности игры
Многопользовательские ролевые онлайн-игры (MMORPG)	Проводятся исключительно онлайн. Одновременно играть могут несколько тысяч человек
Настольные игры	Проводятся исключительно офлайн. Не требуют активного перемещения игроков, дополнительного инвентаря. Рассчитаны на участие ~1–10 игроков
Реконструкторское движение	Посвящено в первую очередь восстановлению материальной и/или духовной культуры конкретной эпохи и/или региона. Присутствует серьезная опора на исторические источники
Квестовые комнаты	Проводятся исключительно офлайн. Количество участников чаще всего варьируется между 3 и 8 чел. Длительность редко превышает 1 час
Ролевые игры живого действия (РИЖД)	Проводятся исключительно офлайн. Участвуют от 10 до нескольких тысяч чел. Длятся от нескольких часов до 4–5 дней. Предполагается, что в рамках игры игрок действует как персонаж во взаимодействии с другими и окружающей средой

Альтернативной точкой зрения является представление о РИЖД как об уникальной гедонистической потребительской деятельности, во время которой потребители осваивают выдуманнный общественный строй, в котором они принимают на себя роли вымышленных персонажей [Orazi, Van Laer 2023, с. 905].

Исследователи РИЖД действия считают, что последние зародились в США в 1970–1980-х гг. на основе системы «Подземелья и драконы» (“Dungeon and Dragons”) – настольной ролевой игры, предполагавшей наличие мастера (ведущего) и игроков. В этой игре каждый участник создавал себе персонажа, обладающего как классовыми (воин, лекарь, маг и т. д.), так и индивидуальными чертами.

Первая РИЖД прошла в 1977 г. (“Dagorhir Battle Games”, в российской адаптации «Дагохир») в округе Колумбия, США. Сейчас мероприятия «Дагохир» проходят практически каждый месяц в разных местах США, численность самых крупных варьирует в пределах 1500–2000 участников³. Кроме того, игры по лицензии

³ Ragnarok XXXVI. URL: <https://dagorhirragnarok.com/default> (дата обращения 10 августа 2023).

«Дагохир» проводятся по всему миру (например, существует подразделение имперской стражи при университете Окленда, Австралия⁴). Со временем РИЖД естественным образом возникли и в других странах.

Специфическим видом РИЖД считается скандинавское ролевое движение. Как видно из названия, оно распространено в первую очередь на территории Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии. Это направление сформировалось приблизительно в 2010 г. Оно описывается в первую очередь как традиция игры, где очень мало правил и игровых механик (символических действий, обозначающих другое действие⁵). Участник не может переключаться между «я-персонаж» и «я-вне-игры». Любое его действие воспринимается как часть игрового дискурса. В скандинавских играх очень мало элементов сценария, т. е. персонажи не выбирают, как действовать из заранее определенных вариантов (так называемых «игровых рельсов»), т. е. преобладает импровизация игроков [Stenros 2013].

Другой особенностью скандинавских РИЖД является отсутствие пиетета перед любым первичным источником (включая романы-фэнтези, компьютерные игры, сериалы) для создания игры. Считается, что участники легко могут сыграть пациентов сумасшедшего дома, жителей маленького американского городка, находящегося под угрозой ядерной бомбардировки во время холодной войны, людей с неизлечимыми болезнями и т. д.

Становление скандинавских РИЖД происходило в конце 1990-х – начале 2000-х гг. в период проведения первых конференций “Knutepunkt”, посвященных РИЖД и их развитию. Эта конференция проводится ежегодно с 1997 г.⁶

После 2020 г. интерес к РИЖД возрос в Азии. В частности, в Китае набирает популярность жанр детективного расследования, где в течение нескольких часов игроки выступают в роли свидетелей преступления или детективов [Li 2021]. Это роднит данный вид игр с квестовыми комнатами (см. табл. 1).

---

⁴ What You Didn't Know About Dagorhir. URL: <https://ourecwell.wordpress.com/2015/03/09/what-you-didnt-know-about-dagorhir/> (дата обращения 10 августа 2023).

⁵ Например, при боевом взаимодействии касание оружия противником означает, что тот получил тяжелое ранение, и оставшуюся часть боя проводит с меньшими ресурсами. А смертельная / заразная / серьезно снижающая качество жизни болезнь обозначается ленточкой определенного цвета, завязанной на видном месте.

⁶ Knutepunkt. URL: <https://nordiclarp.org/wiki/Knutepunkt> (дата обращения 10 августа 2023).

Скорее всего, через 5–10 лет в Азии сформируются локальные особенности РИЖД.

Несмотря на существование различных подходов к их изучению, в отечественной научной традиции РИЖД рассматриваются преимущественно в рамках изучения субкультур [Писаревская 2008; Vanek 2013; Савченко, Теславская 2017, с. 140].

Началом ролевого движения в России считается конец 1980-х – начало 1990-х гг. Более точная хронологическая маркировка затруднена, так как до широкого распространения интернета информация об играх передавалась устно либо через письма [Царева 2014, с. 15]. Основным источником информации о ранних этапах развития ролевых игр в России является прежде всего автобиографическая информация участников и изустно передаваемые рассказы. Формальным началом ролевого движения – РИЖД – принято считать «Хоббитские игрища» 1990 г. (Красноярск), которые проводились с небольшими перерывами на разных площадках вплоть до 2020 г., когда были отменены в связи с объявленной эпидемией коронавируса. На момент написания статьи продолжение игры планируется в августе 2024 г.⁷

По сравнению с американскими ролевыми играми живого действия российские имеют некоторые особенности.

Во-первых, они складывались и развивались под влиянием пионерского движения. В середине 1980-х гг. в Москве работал детский клуб «Торнадо», позже переименованный в «Систему коммунарских организаций “Рассвет”». С 1985 г. на его базе стали проводить сюжетно-ролевые игры для детей на основе исторических событий или литературных произведений [Писаревская 2009, с. 54–55].

Второй особенностью можно назвать влияние советского туризма, приведшего в ролевое движение большое количество туристов-любителей и участников клубов самодетельной песни (КСП). Последние сформировали достаточно заметное менестрельное движение в рамках РИЖД [История ролевых игр]. На ранних этапах ролевые игры воспринимались как способ «бегства от реальности» путем создания своей собственной, фантазийной. На текущем этапе по-прежнему присутствует описание РИЖД как «прогулок в дурацком»⁸.

---

⁷ Перенос игры. URL: https://vk.com/wall-215747534_402?ysclid=lla0avvmk2979183185 (дата обращения 10 августа 2023).

⁸ Отчет о ПРИ «Вархаммер – 2023». URL: https://vk.com/wall85380314_3277 (дата обращения 10 августа 2023).

РИЖД также различаются по количеству участников. На данный момент по этому критерию выделяют:

- кабинетные игры. Они рассчитаны в среднем на ~10–30 участников, их можно провести в квартире. Длительность – от нескольких часов до пары дней;
- небольшие локальные игры. В них участвуют до ~100 человек. Обычно для проведения арендуют помещения в санатории, гостинице или похожем заведении. Иногда проводятся на полигонах. Длительность – ~2–3 дня;
- региональные игры, рассчитанные в среднем на ~100–300 человек. Проводятся на полигонах⁹. Часто организуются только в теплое время года. Длительность ~2–4 дня;
- крупные игры от 1 000 участников и больше. Проводятся на полигонах, длятся ~ 4–5 дней [Веселова 2023].

Кроме того, участники РИЖД делятся на несколько видов в зависимости от исполняемых функций:

- «мастера» – люди, придумывающие правила игры, берущие на себя все организационные моменты (от выбора места проведения до помощи с питанием и транспортом);
- «игротехники» – помощники мастеров. Их основная задача – осуществлять сюжетные идеи мастеров, помогать решать сложные случаи взаимодействия участников в ходе игры;
- рядовые игроки, «ролевики» – участники РИЖД, воплощающие некоего персонажа в рамках игры.

Необходимо отметить, что РИЖД является частью так называемого «ролевого движения». Еще одна его часть – организация/участие в *конвентах*. Они во многом схожи с научными конференциями: на них проводятся семинары и круглые столы, посвященные как обсуждению первоисточников игры (например, книг Дж.Р.Р. Толкиена, А. Сапковского, Дж. Роулинг и других), так и прошедших/планируемых РИЖД, новшеств в области правил, награждения лучшей игры предыдущего сезона и т. д.

РИЖД находят отражение в специализированных журналах и альманахах. Достаточно известным является уже упомянутый скандинавский “Knuterpunkt”. Российским примером может служить журнал толкиенского общества Санкт-Петербурга «Палантир»¹⁰, издаваемый с 1997 г. два раза в год.

---

⁹ Специально отведенное, иногда оборудованное место для проведения крупных РИЖД.

¹⁰ Толкиновское общество Санкт-Петербурга. URL: <http://www.tolkien.spb.ru/palants.php> (дата обращения 12 сентября 2023).

Предмет и методы исследования

Предметом данного исследования являются *ролевые игры живого действия* (РИЖД) взрослых участников в России с учетом международного контекста.

Цель работы – попытка сформировать некое представление о РИЖД и его участниках как с течением времени, так и более глубоко – в области мотивации участия и финансовой стороны игр.

Для вторичного анализа было использовано несколько эмпирических исследований:

- 1) опрос участников конвента «Зиланткон», проведенный в 2002 г. Количество опрошенных – 204, раздаточная анкета участникам конвента. Авторы – Б.В. Куприянов, А.Е. Подобин [Куприянов, Подобин 2003]. Выборка целевая нерепрезентативная (исследование 1);
- 2) опрос участников конвента «Зиланткон», проведенный в 2006 г. Количество опрошенных – 100, раздаточная анкета участникам конвента. Автор – Д.Б. Писаревская [Писаревская 2009]. Выборка целевая нерепрезентативная (исследование 2);
- 3) проект “LARP Census” (перепись участников РИЖД) [LARP Census 2014], проведенная в 2014–2015 гг. Онлайн-опрос более 29 тыс. респондентов. Авторы – А. Ванек, Р. Падди¹¹. Выборка целевая нерепрезентативная (исследование 3).

Результаты и их обсуждение

Попытки посчитать количество «ролевигов» в России предпринимались с середины 2000-х гг. [Писаревская 2009, с. 37]. В 2023 г. был по-прежнему актуален опосредованный подсчет этого показателя.

Если рассматривать участие в играх, то, например, на полигонной РИ «Границы Дозволенного-2023»¹² (Тверская область) по книгам Дж. Мартина присутствовали более 1900 человек¹³ (видео-

¹¹ Приносим благодарность за доступ к базе данных исследования Р. Падди.

¹² Трейлер ПРИ «Границы Дозволенного-2023» по результатам игры <https://www.youtube.com/watch?v=v7YpzWnhw7Q> (с) Рыцарь ЛАРПа, www.youtube.com

¹³ Группа ВК ПРИ «Границы Дозволенного-2023». URL: https://m.vk.com/wall-215921014_3120?from=granicy2023%3Foffset%3D75%26own%3D1&post_bottom=1 (дата обращения 10 августа 2023).

материалы см. в Приложении 2). В ПРИ «Вархаммер-2023: дорога раздора»¹⁴ (Калужская область) участвовали более 1300 человек¹⁵ (видеоматериалы см. в Приложении 3). ПРИ «Ведьмак-2023: Темерский кризис» (Алтайский край) привлекла более 300 участников¹⁶.

Чтобы оценить популярность и/или распространенность РИЖД в России, обратимся к данным проведенных ранее исследований.

Среди мероприятий ролевого движения на один из крупнейших российских конвентов «Зиланткон» (Казань) в 2022 г. зарегистрировалось более 600 чел. За период 2010–2023 гг. регистрационную форму «Зиланткона» заполнили более 17 тыс. чел.¹⁷ Мы затрудняемся определить, сколько из этих аккаунтов активны в ролевой среде на данный момент или сколько человек из этих 17 тыс. сейчас причисляют себя к этому движению, но эти данные дают пищу для размышлений.

На конвент «РубиКОН-2022» (Воронеж) подали заявки около 250 человек¹⁸.

Теперь постараемся более подробно, согласно имеющимся данным, оценить параметры участников РИЖД.

Если обратиться к гендерному составу РИЖД, то агрегированные данные позволяют говорить о росте числа женщин среди участников ролевых игр (рис. 1)¹⁹.

---

¹⁴ Трейлер ПРИ «Вархаммер-2023: дорога раздора» <https://www.youtube.com/watch?v=BzaPwLk3Llo> (с) Светлана Карпова, www.youtube.com

¹⁵ Группа ВК ПРИ «Вархаммер-2023: дорога раздора». URL: https://m.vk.com/wall-44884322_96092 (дата обращения 12 сентября 2023).

¹⁶ Полигон после нашей игры. URL: https://m.vk.com/wall-217874842_940 (дата обращения 12 сентября 2023).

¹⁷ Страница регистрации на «Зиланткон-2022». URL: <https://reg.konvent.ru/zk2022/accounts/?page=25> (дата обращения 10 августа 2023).

¹⁸ Воронежский ролевой конвент «РубиКОН-2022», регистрация участников. URL: <https://base.volk-nn.ru/application/list/rubikon2022> (дата обращения 10 августа 2023).

¹⁹ 2002 г.: анкеты, очное участие, место – «Зиланткон», 204 респондента. 2006 г.: анкеты, очное участие, место – «Зиланткон», 100 респондентов. 2014 г.: онлайн-анкеты, “LARP Census”, 1949 респондентов.

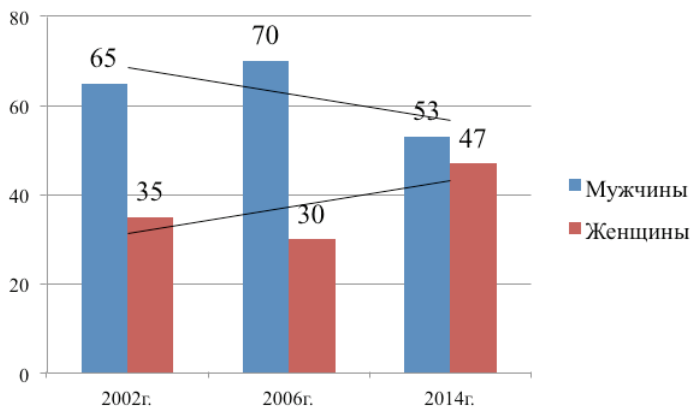

Рис. 1. Распределение участников ролевых игр по полу (2002–2014 гг.), %

Также в рамках ролевого движения увеличивается число игроков старше 30 лет (рис. 2).

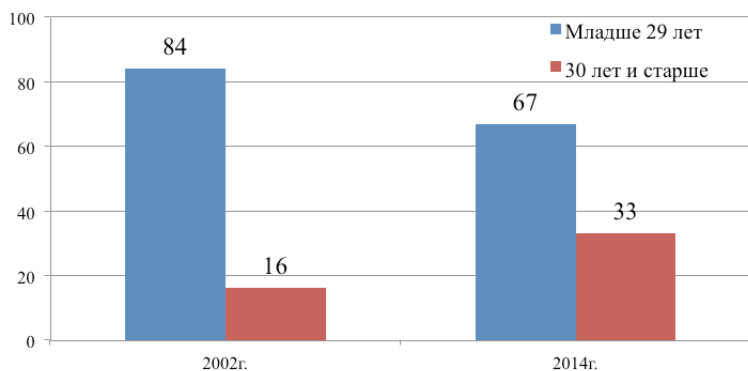

Рис. 2. Распределение участников ролевых игр по возрасту (2002 и 2014 гг.), %

Далее рассмотрим некоторые результаты переписи ролеви-ков²⁰ [LARP Sensus 2014] (см. более подробно: Предмет и методы

²⁰ «Ролевик» в данном исследовании определяется как человек, участвовавший хотя бы в одной РИЖД за предыдущий год.

исследования, исследование 3), проведенной в период с октября 2014 по январь 2015 г. через Фейсбук и другие сайты, где была размещена ссылка на онлайн-анкету. В общей сложности было собрано более 29 000 анкет [Amherst 2017]. Из России в этом проекте участвовали чуть более 3000 респондентов, из которых после чистки базы осталось 1949 анкет, пригодных для анализа²¹.

В рамках данной статьи мы будем сравнивать российские данные с результатами по США (4143 респондента) и Швеции (779 респондентов) как представителей других традиций проведения РИЖД.

Треть российских ролевиков участвуют в этом движении 5–9 лет, что делает их опытнее американских единомышленников, но менее опытными, чем шведы (табл. 2).

Таблица 2

Опыт участия в ролевом движении
(Россия, США, Швеция), %

Кол-во лет участия в ролевом движении	Россия (Ru)	США (US)	Швеция (Se)
0–4 года	23	33 (Ru)	24
5–9 лет	31	20 (Ru)	26 (Ru)
10–14 лет	24	18 (Ru)	22
15+ лет	19	27	26 (Ru)
Отказ от ответа	3	2	2

(Ru)	Статистически значимо выше, чем российские данные ($p \leq 0.1$)
(Ru)	Статистически значимо ниже, чем российские данные ($p \leq 0.1$)

Среди российских участников 17% указали, что они являются мастерами, т. е. организаторами игр, составляющими правила и сетку основных персонажей, занимающимися взаимодействием с подрядчиками; обеспечивающими питание, проживание, безопасность во время игры. Эта цифра оказалась значимо выше, чем в США (11%) и Швеции (12%).

Рассмотрим более подробно РИЖД с точки зрения рядового игрока, не обремененного дополнительными организаторскими

²¹ Доля некачественно заполненных анкет достаточно велика, что в целом характерно для добровольных неоплачиваемых онлайн-исследований.

функциями, на примере одного кейса – РИЖД «Границы Дозволенного-2023», основанной на книгах Дж. Мартина (где действие происходит в мире условного Средневековья).

В ней «жители крепости» принадлежали одной из нескольких «социальных страт»: «благородные», «горожане», «военные» и «гражданские».

Категория «благородных» предполагает большую включенность в так называемую глобальную игру (см. рис. 3). В данной РИЖД эта группа включает в себя, в первую очередь, представителей «дворянских домов». Их представители обычно имеют игровые связи с другими «регионами»/«семьями» в рамках текущей игры, тактические/стратегические интересы/цели, которые к концу игры следует осуществить, «друзей» и «врагов» на основе материалов исходных книг (либо специальных предварительных договоренностей между игроками). Для продвижения интересов своей «семьи» «благородные» могут развивать социальные связи, участвовать в переговорах, распространять слухи по игровому пространству, путешествовать. Но часто для осуществления всех перечисленных действий нужны игровые деньги. Некоторое их количество выдают мастера в начале игры, дальше их нужно зарабатывать.

Рис. 3. Представители одной «семьи» с «вассалами»

На этом этапе становится ясна важность группы «горожан». Они представляют собой так называемых «функциональных персонажей», т. е. созданных для развития города (городских ремесел) в рамках крепости. До начала игры мастера рассылают главам кре-

постей информацию о ресурсах, имеющихся в виртуальном регионе, окружающем крепость (например, соль, древесина, металлы, золото, целебные травы и т. д.). Для зарабатывания денег в городе вызываются игроки, которые будут следить за «сбором ресурсов» в специально созданном месте (т. е. будут находиться в определенном месте крепости в определенное время, когда помощники мастеров будут туда приходить и выдавать эти самые собранные ресурсы). Например, при наличии в регионе металлов имеет смысл «открыть» кузню и заявить персонажа-кузнеца. Для первичного заработка достаточно эти ресурсы собрать, отнести в «банк», не попав в руки «бандитов», и обменять их на игровую валюту. Но эти деньги обычно не слишком серьезные. Например, их недостаточно для покупки виртуальных армий при планах участвовать в войне или желании успешно отражать нападение на крепость. Повышение доходов возможно через развитие «точек ресурса» (необходимые для этого действия также описаны в правилах игры). Так, ресурс «лекарственные травы» при развитии точки становится «алкоголем» (важным для всех «медиков»), в дальнейшем – «алхимическими ингредиентами», участвующими в приготовлении как лекарств, так и магических тинктур. При определенных вложенных усилиях «горожанин» может стать «купцом» и развить торговлю с соседями.

Помимо горожан, зарабатывающих деньги, существуют так называемые «социальные» персонажи – в том смысле, что они отвечают за социальную сферу в рамках игры. На «Границах Дозволенного» таковыми были лекарь, библиотекарь и ученый и религиозный деятель (см. рис. 4).

Рис. 4. Представители различных «социальных сословий крепости»

Лекарь заведует госпиталем, развивает медицину через общение с лекарями в других крепостях, что позволяет как повысить выживаемость раненных в боях, так и противостоять морам/чуме.

Библиотекарь (см. рис. 5) – хранитель знания. К нему обращаются, если нужно проверить информацию/слухи в «древних книгах». Роль предполагает раскрытие тайны/загадки, которая может повлиять на существование/функционирование игрового мира в целом.

Рис. 5. Библиотекарь крепости

Ученый – советник главы крепости «по внешнеполитическим вопросам». Имея серьезное по меркам игрового мира образование и свободу перемещения, может не только приносить вести, но и поверять их. Кроме того, развитие ресурсов города внутри крепости возможно только при участии ученого.

Религиозные деятели отвечают за религиозную составляющую игры. На «Границах Дозволенного» было задействовано четыре религии, каждая со своими особенностями. Задачи их представителей включали в себя сохранение/расширение паствы, проведение обрядов (праздничных/брачных/похоронных), проведение религиозных диспутов, отправление/прием паломников и помощь в решении личностных проблем персонажей (исповедь/наставления).

Биографии «горожан» могут быть самыми разными: от «я младший сын младшего сына благородного дома N, ныне владею пасекой» до «я была монашкой, нашу обитель сожгли бандиты, я прибилась к этой крепости, занимаюсь лечением». Такие роли выбирают игроки, скорее, желающие с удовольствием провести время на полигоне, пообщаться с друзьями, а не развивать глобальный

сюжет игры. Это не отменяет возможности с ходу придумать себе и товарищам мини-квесты на несколько часов и осуществить их (например, создать фальшивый манускрипт, распустить слухи о его уникальности/важности, продать его соседней крепости, а заработанные деньги потратить в таверне).

«Военные» (см. рис. 6) – особая категория, требующая серьезной предварительной подготовки. В правилах прописано, какое оружие (не) допускается на игру, какая защита должна быть у игрока, желающего участвовать в боевых действиях. Все эти элементы необходимо иметь, привезти на полигон, получить чип допуска от «мастера по оружию». Игрок может как совмещать роли (глава благородного дома, собравший отряд для участия в войне; дровосек-ополченец), так и приезжать исключительно с целью повоевать (бандит, пират). Кроме того, важным участником любых боевых действий является лекарь.

*Рис. 6. Представители
«военного социального сословия крепости»*

«Гражданское» население (см. рис. 7) – те, кто не имеет оружия/доспехов, соответственно, не может защититься и имеет серьезные шансы погибнуть при столкновении с армией/бандитами. Существуют различные тактики и стратегии для создания комфортных условий в путешествиях/перемещениях за пределами крепостных стен: найти базу пиратов и уничтожить ее (для «военных»), нанять охрану/завербовать бандитов/откупиться от них (для «купцов»), пытаться договориться/скандалить (для тех, у кого нет достаточно финансового/военного ресурса).

Рис. 7. Представитель гражданского населения «крепости»

В случае смерти персонажа игрок отправляется в специальное место («мертвятник»), где проводит несколько часов с возможностью поучаствовать в местечковых квестах для «мертвых», затем выходит из «мира мертвых» новым персонажем и заново включается в игру.

Вернемся к количественным данным. Попытки посчитать количество мастеров в рамках ролевого движения упираются в те же сложности, что и подсчет игроков в целом: не существует единого сайта, где необходимо зарегистрироваться, чтобы участвовать/организовать игру. Тем не менее на сайте www.allrpg.info, одном из крупнейших на данный момент российских ресурсов для регистрации ролевых игр и игровых конвентов, с 2006 г. зарегистрировано более 5 тыс. мастерских групп²².

Рассмотрим более подробно РИЖД с точки зрения бизнеса.

Доходы и расходы на полигонные ролевые игры – вопрос достаточно запутанный. Каждый игрок оплачивает взнос при участии в каждой игре, при этом считается, что мастерская группа на их проведении не зарабатывает (во всяком случае, с точки зрения рядовых игроков, не должна). При этом систематически случаются попытки выяснить, «куда / на что ушли взносы», особенно в случаях, когда уровень комфорта, антуража и прочие условия на игре не соответствовали заявленному. Необходимо также отметить, что, по мнению мастеров, успешная с финансовой точки

---

²² Мастерские группы. URL: <https://www.allrpg.info/gamemaster/> (дата обращения 10 августа 2023).

зрения игра – это та, где организаторы (мастерская группа) не потратили серьезное количество своих личных денег сверх взносов игроков [Савченко].

В случае, когда расходы мастерской группы значительно превышают сумму игровых взносов, возможен дополнительный сбор добровольных донатов с участников²³.

Треть мастеров в России не получает дохода от организации ролевых игр. Эта цифра значительно ниже, чем в США (63%) и Швеции (60%). Такое положение дел можно объяснить, например, тем, что в России существуют строго коммерческие РИЖД. Они представляют собой некую комбинацию ролевой игры и пионерского лагеря и «заточены» в первую очередь на подростков школьного возраста.

Примером может служить лагерь «Сага»²⁴. Участниками могут быть подростки в возрасте 13–17 лет, каждая смена длится семь дней. У лагеря есть три локации: в Ивановской области, в регионе Кавказские Минеральные Воды и в Горном Алтае. Помимо ролевой игры ее участник может участвовать в коротких походах, попробовать себя в ремеслах и некоторых видах спорта, релевантных ролевым играм (например, фехтование). Стоимость недели пребывания в лагере – 57–59 тыс. рублей на участника.

Другой пример – детский лагерь «Штурмград» в Подмосковье²⁵. Он рассчитан на подростков 13–18 лет, смена также длится 7 дней. Игры проводятся как летом, так и зимой. Ролевая игра направлена на совершенствование социализации личности. Стоимость осенне-зимних игр колеблется между 21 и 37 тыс. руб. на участника.

Новшеством в России являются РИЖД, организованные во взаимодействии с государством (эта черта – одна из отличительных характеристик скандинавского сегмента РИЖД). В июле 2023 г. в Иркутске прошла пробная ролевая игра «Планета Сибирь» при финансовой поддержке организации «Росмолодёжь. Гранты»²⁶. РИЖД проходила на территории Ботанического сада Иркутского государственного университета, длилась ~5 часов, участвовали ~20 человек.

---

²³ Об отрицательном финансовом балансе. URL: https://m.vk.com/wall-975705_3652 (дата обращения 12 сентября 2023).

²⁴ Тематический лагерь «Сага». URL: <https://sagacamp.ru/> (дата обращения 10 августа 2023).

²⁵ Фэнтези-лагерь «Штурмград». URL: <https://drujite.ru/shtormgrad/> (дата обращения 10 августа 2023).

²⁶ Планета Сибирь. URL: <https://m.vk.com/event220946302> (дата обращения 12 сентября 2023).

Тем не менее у 57% российских мастеров игр доходы от их проведения составляют менее четверти всех доходов. Организация игр не является их основным источником дохода, а у подавляющего большинства мастеров есть другая основная работа.

Зарабатывают на организации РИЖД люди и организации, которые находятся в непосредственной близости от действия, но напрямую в нем не участвуют. В этой связи в первую очередь хочется отметить санатории/пансионаты/гостиницы, где проводятся игры, а также «полигоны». По открытым данным о «Хоббитских игрищах-2004», стоимость аренды полигона является второй по объему статей расходов (13% бюджета), больше денег ушло только на обеспечение питания (17%) [Славко 2007, с. 136].

На текущий момент (2023 г.) стоимость полигонной ролевой игры живого действия на 100–150 человек может достигать 750 тыс. рублей²⁷.

Игровые полигоны часто оборудуются в сельской местности, что требует от мастеров получения разрешений на проведение мероприятия от местной администрации. В последние годы в России появляются частные полигоны, т. е. созданные на частной земле, что облегчает процесс организации РИЖД. Примером может быть полигон «Тория», открывшийся в 2023 г. в Тверской области²⁸. Он занимает почти 150 га, предназначен для проведения РИЖД, фестивалей, концертов, а также активного отдыха.

Другой сферой заработка на РИЖД является обеспечение антуража, что в первую очередь включает в себя пошив одежды, декораций и создание оружия. Пошив одежды/антуража происходит чаще всего через частных мастеров, общающихся с заказчиками через социальные сети (например, мастерская «Брисен»²⁹, “D-Craft”³⁰). Стоимость зависит от множества факторов и в открытом доступе не озвучивается.

Крупным ресурсом для покупки или аренды одежды, антуража и оружия является магазин «Донжон»³¹.

---

²⁷ ПРИ «Сталкер» (Новосибирск). URL: https://vk.com/tg_stalker (дата обращения 12 сентября 2023).

²⁸ Парк «Тория». URL: <https://vk.com/toriaworld> (дата обращения 12 сентября 2023).

²⁹ Средневековая одежда. URL: <https://vk.com/brisen> (дата обращения 10 августа 2023).

³⁰ Мастерская ролевого антуража. URL: <https://vk.com/dlarpcraft> (дата обращения 10 августа 2023).

³¹ Магазин средневековых товаров. URL: <https://donjon.ru/> (дата обращения 10 августа 2023).

По данным LARP Census (см. подробнее: описание Исследования 3), 19% российских участников ролевых игр создают вещи на продажу, что серьезно ниже аналогичного показателя среди их иностранных коллег (51% среди американцев и 32% среди шведов).

Если говорить о расходах на ролевые игры среди участников, то две трети россиян в 2014 г. тратили на взносы, проезд, одежду и прочее до €250 (до 12 500 рублей) за год. В США и Швеции до €250 тратили на игры около трети участников переписи. Средние затраты россиян составили €632 (31 000 рублей³²), что меньше американцев (€775), но больше шведов (€588).

Реклама ролевых игр (бесплатная) размещается в основном в сообществах «ВКонтакте» среди недавно завершившихся РИЖД. На некоторых сайтах, связанных с РИЖД (например, магазин «Донжон»), есть возможность купить рекламные места.

Таким образом, РИЖД в России с точки зрения маркетинга обладают определенным потенциалом, но в то же время являются в значительной мере вариантом волонтерской деятельности, не преследующей коммерческие интересы.

Основной мотивацией участия в ролевых играх среди российских участников является возможность пожить в другой реальности, в ситуациях, с которыми не столкнешься в реальной жизни (табл. 3).

Таблица 3

Мотивация участия (Россия, США, Швеция) в РИЖД
(доля ответов – согласен, совершенно согласен), %, ТОП 6³³

Мотив (утверждение)	Россия (Ru)	США (US)	Швеция (Se)
Одна из главных причин участия в играх для меня – прожить ситуации, с которыми я не столкнусь в реальной жизни	83	79 (Ru)	85
Для меня одно из главных удовольствий игр – ощущение, что живешь в другой реальности	81	84 (Ru)	88 (Ru)
Меня раздражает, когда игроки выпадают из роли персонажа	80	59 (Ru)	66 (Ru)

³² По усредненному курсу на 2014 г.

³³ Возможно несколько вариантов ответа.

Окончание табл. 3

Мотив (утверждение)	Россия (Ru)	США (US)	Швеция (Se)
Одна из главных причин участия в играх для меня – возможность проводить время с друзьями	70	87 (Ru)	67 (Ru)
Я предпочитаю игры, где персонажу нужно преодолеть трудности для достижения целей	70	84 (Ru)	60 (Ru)
Иногда я специально позволяю персонажу проиграть, так как в таком случае сцена будет лучше	63	63	83 (Ru)

84 (Ru)	Статистически значимо выше, чем российские данные ($p \leq 0,1$)
79 (Ru)	Статистически значимо ниже, чем российские данные ($p \leq 0,1$)

При этом американские ролевики больше ценят возможность провести время с друзьями и ставить сложные цели своим персонажам, а шведы больше ценят ощущение жизни в другой реальности. Для российских ролевиков важно прожить ситуации, с которыми они не смогут столкнуться в реальной жизни.

Возмущение участников игры вызывают ситуации, когда другой игрок перестает действовать, поступать согласно «легенде» своего персонажа. Это, во-первых, «ломает» игру другим участникам, во-вторых, может привести к межличностным конфликтам за пределами РИЖД.

Таким образом, различные виды игр (включая РИЖД) сопровождают человека на протяжении его жизненного пути, акцентируя его ипостась «человека играющего» [Хейзинга 2022], позволяя в игровой реальности апробировать новые социальные роли и задействуя (литературно-)исторический контекст.

Вместе с тем внутренне активируя эго-состояние Ребенка в РИЖД, участник, взаимодействуя с другими игровыми персонажами, внешне использует состояния Взрослого и Родителя в соответствии с полученной ролью, импровизируя в заданных пределах. Границы роли определяются, с одной стороны, спецификой роли (условно говоря, человек, заявившийся слугой, исчезающе редко получает возможность решать судьбу крепости (принимать политические решения)). С другой стороны, какая бы роль ни была заявлена, игрок имеет возможность осуществить весь спектр взаимодействий, описанных Берном в процессе игры [Берн 1992].

Выводы

С начала 2000-х гг. участники РИЖД стали старше, а также среди них выросла доля женщин/девушек. Эскапизм по-прежнему играет важную роль в мотивации участия в РИЖД. По сравнению с иностранными товарищами российские ролевики с бóльшим удовольствием участвуют в разыгрывании ситуаций, с которыми не столкнулся / не хотели бы столкнуться в реальной жизни.

Для мастеров (организаторов РИЖД) эта деятельность является, скорее, формой волонтерства, досуга, нежели заработка.

С точки зрения маркетинга, РИЖД можно рассматривать как форму внутрироссийского туризма среди относительно небольшой, достаточно обособленной группы, обладающей финансовым потенциалом для обеспечения своего комфорта. Определенным маркетинговым потенциалом обладает индустрия, обеспечивающая существование РИЖД. В первую очередь следует упомянуть места проведения игр, во вторую – создание одежды, декораций и аксессуаров.

В настоящее время в России существуют государственные гранты, направленные на воспитание патриотизма и сохранение исторической памяти³⁴, которые выигрывают клубы исторической реконструкции в разных регионах России. Возможно, создание грантов для разработки сценариев РИЖД будет полезным для усиления роли государства, «продвигающего» актуальные ценности среди взрослых россиян с использованием различных событий истории (в том числе «альтернативной») России.

Изучение РИЖД является достаточно перспективным направлением междисциплинарных исследований. Представляется актуальным проведение «второй волны переписи» ролевиков не только для оценки распространенности / популярности РИЖД, но и для отслеживания социально-демографических трендов среди участников, предпочитаемых (литературно-)исторических сюжетов, мотивации и удовлетворенности от участия, финансовых затрат, каналов медиакommunikации и т. п.

Литература

Берн 1992 – Берн Э. Люди, которые играют в игры. СПб.: Лениздат, 1992. 399 с.
Веселова 2023 – Веселова А. Как стать монстром на ролевых играх. 2023. URL: <https://journal.tinkoff.ru/larp/> (дата обращения 10 августа 2023).

---

³⁴ Клуб исторической реконструкции. URL: <https://xn--80afcdbalic-t6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=867D541C-59E6-44F5-A075-7F004D7496A6> (дата обращения 12 сентября 2023).

- История ролевых игр – История ролевых игр в России. URL: <https://donjon.ru/articles/istoriya-rolevyh-igr-zhivogo-dejstviya-v-rossii/?ysclid=lla05ddrex618013101> (дата обращения 10 августа 2023).
- Куприянов, Подобин 2003 – *Куприянов Б.В., Подобин А.Е.* Очерки общественной педагогики: ролевое движение в России. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2003. 104 с.
- Писаревская 2008 – *Писаревская Д.Б.* Ролевые игры: пример «социализации» субкультуры // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 8–18.
- Писаревская 2009 – *Писаревская Д.Б.* Феномен субкультуры ролевых игр в современном обществе: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 263 с.
- Савченко – *Савченко И.* Ролевая игра: смета и бюджет. URL: http://howto.rpg.by/index.php?title=%D0%A0%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0:_%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0_%D0%B8_%D0%B1%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82 (дата обращения 10 августа 2023).
- Савченко, Теславская 2017 – *Савченко Т.Н., Теславская Т.И.* Ролевое сообщество в современной России // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 140–146.
- Славко 2007 – *Славко М.А.* Ролевое движение в России в 1990–2006 годы: Дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2007. 272 с.
- Хейзинга 2022 – *Хейзинга Й.* Homo Ludens. Человек играющий. М.: Азбука, 2022. 400 с.
- Царева 2014 – *Царева А.В.* Ролевые игры живого действия: определение исследовательского подхода // Социум и власть. 2014. № 3 (47). С. 14–20.
- Эльконин, 1999 – *Эльконин Д.Б.* Психология игры. 2-е изд. М.: Владос, 1999. 358 с.
- Amherst 2016 – *Amherst C.* Representation and Social Capital: What the Larp Census reveals about Community // Larp Realia. Analysis, Design, and Discussions of Nordic Larp. Solmukohta, 2016. P. 120–124.
- LARP Census 2014 – LARP Census. 2014. URL: <https://larp census.org/> (дата обращения 10 августа 2023).
- Li 2021 – *Li H.* LARPing in China: Immersive role-playing game big hit among youths. 2021. URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-01-12/LARPing-in-China-Immersive-role-playing-game-big-hit-among-youths-WZbHsp8ggg/index.html> (дата обращения 10 августа 2023).
- Orazi, Van Laer 2023 – *Orazi D.C., Van Laer T.* There and Back Again: Bleed from Extraordinary Experiences // Journal of Consumer Research. 2023. Vol. 49. P. 904–925.
- Stenros, 2013 – *Stenros J.* What does Nordic larp mean? 2013. URL: https://youtube.com/mL_qvBaxV5k (дата обращения 10 августа 2023).
- Vanek 2014 – *Vanek A.* Cooler Than You Think: Understanding Live Action Role Playing (LARP). 2014. URL: <http://aaronvanek.com/wp-content/uploads/2014/10/UnderstandingLiveActionRolePlayingLAPCCoolerThanYouThink.pdf> (дата обращения 10 августа 2023).

Williams et al. 2018 – *Williams J.P., Kirschner D., Mizer N., Deterding S.* Sociology and Role-Playing Games // Role-playing game studies: A transmedia approach. 2018. April. P. 227–244. URL: https://www.researchgate.net/publication/331746986_Sociology_and_Role-Playing_Games (дата обращения 12 сентября 2023).

References

- Amherst, C. (2016), “Representation and Social Capital: What the Larp Census reveals about Community”, *Larp Realia, Analysis, Design, and Discussions of Nordic Larp*, Solmukohta, pp. 120–124.
- Berne, E. (1992), “Lyudi, kotorye igrayut v igrы” [Games people play], Lenizdat, Saint Petersburg, Russia.
- Elkonin, D.B. (1999), *Psihologiya igrы* [Psychology of play], 2nd ed., VladoS, Moscow, Russia.
- Huizinga, J. (2022), *Homo Ludens. Chelovek igrayushchii* [Homo Ludens], Azbuka, Moscow, Russia.
- Istoriya rolevykh igr v Rossii* [History of LARP in Russia], available at: <https://donjon.ru/articles/istoriya-rolevykh-igr-zhivogo-dejstviya-v-rossii/?ysclid=lla05ddrex618013101> (Accessed 10 August 2023).
- Kupriyanov, B.V. and Podobin, A.E. (2003), *Ocherki obshchestvennoi pedagogiki: rolevoe dvizhenie v Rossii* [Essays on public education. LARP in Russia], KGU im. N.A. Nekrasova, Kostroma, Russia.
- “LARP Census” (2014), available at: <https://larpcensus.org> (Accessed 10 August 2023).
- Li, H. (2021), *LARPing in China: Immersive role-playing game big hit among youths*, available at: <https://news.cgtn.com/news/2021-01-12/LARPing-in-China-Immersive-role-playing-game-big-hit-among-youths-WZbHsp8ggg/index.html> (Accessed 10 August 2023).
- Orazi, D.C. and Van Laer, T. (2023), “There and Back Again: Bleed from Extraordinary Experiences”, *Journal of Consumer Research*, vol. 49, pp. 904–925.
- Pisarevskaya, D.B. (2008), “LARP. An example of ‘socialization’ of a subculture”, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 8–18.
- Pisarevskaya, D.B. (2009), *The subculture of LARP in the modern world*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Savchenko, I. (2023), *Rolevaya igra: smeta i byudzhет* [LARP. Costs estimate and budget], available at: http://howto.rpg.by/index.php?title=%D0%A0%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0:_%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%B0_%D0%B8_%D0%B1%D1%8E%D0%B4%D0%B6%D0%B5%D1%82 (Accessed 10 August 2023).
- Savchenko, T.N. and Teslavskaya, T.I. (2017), “Role community in modern Russia”, *Sociological Studies*, no. 11, pp. 140–146.
- Slavko, M.A. (2007), *LARP movement in Russia in 1990-2006*, Ph.D. Thesis, Cheboksary, Russia.

- Stenros, J. (2013), *What does Nordic larp mean?*, available at: https://youtube.com/mL_qvBaxV5k (Accessed 10 August 2023).
- Tsareva, A.V. (2014), "LARP. Defining research approach", *Society and Power*, no. 3 (47), pp. 14–20.
- Vanek, A. (2014), *Cooler Than You Think: Understanding Live Action Role Playing (LARP)*, available at: <http://aaronvanek.com/wp-content/uploads/2014/10/UnderstandingLiveActionRolePlayingLARPCoolerThanYouThink.pdf> (Accessed 4 August 2023).
- Veselova, A. (2023), *Kak stat' monstrom na rolevykh igrakh* [How to become a monster in LARP], available at: <https://journal.tinkoff.ru/larp> (Accessed 10 August 2023).
- Williams, J.P., Kirschner, D., Mizer, N. and Deterding, S. (2018), "Sociology and Role-Playing Games", *Role-playing game studies: A transmedia approach*, pp. 227–244, available at: https://www.researchgate.net/publication/331746986_Sociology_and_Role-Playing_Games (Accessed 12 September 2023).

Информация об авторе

Надежда В. Солодникова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nadia.v.solodnikova@yandex.ru

Information about the author

Nadezhda V. Solodnikova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; nadia.v.solodnikova@yandex.ru

Эмпирические исследования

УДК 004.8:316.75

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-35-53

Социальные представления об искусственном интеллекте: полезный, эмоциональный и смешной

Екатерина Д. Садовская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, sadovskaiaed@my.msu.ru*

Федор Н. Винокуров

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, vinokurovfn@my.msu.ru*

Аннотация. В 2023 г. технологии на основе искусственного интеллекта (ИИ) стали доступны многим пользователям смартфонов и цифровых услуг. ИИ представлен в виде голосовых помощников (ГП), музыкальных рекомендаций, виртуальных ассистентов и даже в качестве психотерапевтической помощи.

Такое распространение ИИ сказалось и на интересе психологов к теме взаимодействия человек–ИИ. В нашей работе, следуя традиции исследования социальных представлений Московиси [Moscovici 2015], мы рассматриваем ИИ как объект социального представления. На примере ГП мы проводим реконструкцию смыслового поля у пользователей данной технологии и предлагаем описание процесса его формирования. Исследование проходило в три этапа: свободные ассоциации, интервью и опрос.

В интервью выборка составила 15 человек, в свободных ассоциациях – 168 человек (было проанализировано 3329 ассоциаций со словосочетанием «Голосовой помощник»), в опросе по методу семантического дифференциала – 800 человек. В результате анализа были получены следующие результаты:

1. Смысловое поле на данном этапе изучения представления о ГП позитивно-нейтральное; сами ассоциации делятся на две темы: об интеллектуальных способностях и эмоциональных качествах ГП.

2. В ходе анализа методом семантического дифференциала отдельно выделились три фактора: полезность, эмоциональность и юмор. Мы

© Садовская Е.Д., Винокуров Ф.Н., 2024

предполагаем, что именно в категории этих трех факторов происходит формирование представления о конкретном ГП.

3. Описание самого процесса формирования представления предлагается по результатам интервью. Были выделены два основных этапа в «общении» с ГП: формирование образа и взаимодействие с готовым образом.

В продолжении текущей исследовательской работы планируется изучение влияния образа ГП в рамках текущей модели восприятия на различные особенности взаимодействия с ним (например, в рамках экономических решений).

Ключевые слова: теория социальных представлений, искусственный интеллект, голосовой помощник, семантический дифференциал

Для цитирования: Садовская Е.Д., Винокуров Ф.Н. Социальные представления об искусственном интеллекте: полезный, эмоциональный и смешной // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 35–53. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-35-53

Social representations of AI. Useful, emotional, and funny

Ekaterina D. Sadovskaia

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
sadovskaiaed@my.msu.ru*

Fedor N. Vinokurov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
vinokurovfn@my.msu.ru*

Abstract. In 2023, technologies based on Artificial Intelligence (AI) became available to many users of smartphones and digital services all over the world. AI is accessible in the form of Voice Assistants (VAs), music recommendations, Virtual Assistants, and even psychotherapy-bots.

Such spread of AI also influenced the interest of psychologists in the topic of human-AI Interaction (HAI). In our work, following the tradition of social representation research by Moscovici [Moscovici 2015], we consider AI as an object of social representation. Using the VA as a form of AI, we reconstruct the semantic field of VA in a group of its users and offer a description of the process of its formation. The study took place in three stages: free associations, interviews, and survey.

In the interview, the sample consisted of 15 people, in free associations – 168 people (3,329 associations with the phrase “Voice assistant” were analyzed),

in the survey using the semantic differential method – 800 people. As a result of the thematic and frequency analysis, the following results were obtained:

- The semantic field at the present stage of the study of VA is positive-neutral; the associations are divided into two topics: about the intellectual abilities and emotional qualities of the VA.

- With semantic differential analysis, three factors were separately obtained: usefulness, emotionality, and humor. It is assumed that it is in the category of those three factors that the perception of a particular VA is formed.

- The process of forming social representations is outlined with the help of interviews. Two main stages in “communication” with the VA were identified: the image formation and interaction with the finished image.

As future research it was proposed to continue studying the impact of the image of the VA within the current perception model on various features of interaction with it (e.g. within the framework of economic decisions).

Keywords: theory of social representations, artificial intelligence, voice assistant, semantic differential

For citation: Sadovskaya, E.D. and Vinokurov, F.N. (2024), “Social representations of AI. Useful, emotional, and funny”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 35–53, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-35-53

Введение

Для современного человека ИИ перестает быть технологией будущего и становится неотъемлемой частью повседневной жизни: предсказание времени в пробках, подбор музыки по настроению или получение рекомендаций по написанию текста статьи – уже реальность. Помимо бытовых задач, ИИ привлекается для решения задач в области медицины, экономического планирования и беспилотного транспорта. Плотный контакт человека с технологией ИИ в области решения профессиональных задач спровоцировал активное развитие такого научного направления, как Human-AI Interaction (HAI) [Barredo Arrieta et al. 2020]. HAI во многом продолжает традиции Human-Computer Interaction (HCI), изучая особенности работы человека с различным автоматизированными или интеллектуальными системами. Основной задачей этих направлений сейчас является создание человекоцентричных интеллектуальных систем, и одним из основных принципов становится «объясняемость ИИ» – explainable AI (XAI) [Adadi, Berrada 2018; Wang et al. 2019].

Данный принцип возникает как ответ на один из наиболее высоких рисков использования ИИ – непонятность принципов ра-

боты системы. Реакция пользователя на непонимание может быть разной: агрессия, отказ от использования или же достраивание собственного образа происходящего – атрибуция. То, как пользователь понимает для себя те или иные решения, предложенные ИИ, может оказывать большое влияние на результат совместной деятельности. Как показывают исследования, во многих задачах совместная работа с ИИ становится значительно продуктивнее, если пользователь системы ощущает экспертность в своей части задачи и может доверить ИИ знание о другой части. То есть когда задачи человека и ИИ оказываются комплементарны друг другу, а не идентичны [Hemmer et al. 2022; Zhang, Lee, Carter 2022]. Тогда возникает вопрос: что именно в человеческом восприятии ИИ оказывает влияние на подобную закономерность?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, обратимся к определению ИИ, которое позволит нам не упустить из виду отличительные черты именно этой технологии.

В определениях ИИ, как правило, акцент ставится на возможностях его работы с таким типом задач, решение которых ранее считалось возможным только с участием человека.

Например, Толковый словарь по Искусственному Интеллекту дает два определения ИИ:

Научное направление, в рамках которого ставятся и решаются задачи аппаратного или программного моделирования тех видов человеческой деятельности, которые традиционно считаются интеллектуальными;

Свойство интеллектуальных систем выполнять функции (творческие), которые традиционно считаются прерогативой человека [Аверкин и др. 1992, с. 256].

«Очеловечивание» происходит не только в определениях, но и в целой научно-философской дискуссии о возможности «сильного» ИИ. Наиболее ярким примером рассуждений на эту тему является мысленный эксперимент «Китайская комната», предложенный Джоном Серлом в 1980 г. [Searle 1982]. Современные исследования, связанные с бумом Больших Языковых Моделей (LLM), вновь ставят перед психологическим сообществом вопрос: «что такое сознание?» и «как мы можем провести границу его наличия или отсутствия у ИИ?». Например, одно из подобных исследований показывает, что LLM образуют те же пространственно-временные карты, близкие сознанию человека [Gurnee, Tegmark 2023] или чат, основанный на технологии ИИ, способен соответствовать по уровню рекомендаций коучу или психотерапевту [Blyler, Seligman

2023]. Все эти попытки сравнения говорят о возможности восприятия искусственного интеллекта как естественного интеллекта.

Безусловно, сам механизм технологии ИИ предполагает в своей основе данные, либо созданные человеком, либо структурированные им (как, например, LLM). Поэтому удивления такие параллели не вызывают, но требуют изучения, и наше исследование стремится раскрыть чуть больше механизм этих представлений о технологиях на основе ИИ.

Вернемся к вопросу о том, что именно в восприятии человека может влиять на готовность взаимодействовать с технологией на основе ИИ в целях решения какой-либо задачи. Восприятие роботов и технологий в виде антропоморфных существ не является новым эффектом, но что если воспринимаемая антропоморфность может быть дифференцирована и оказывать влияние на процесс взаимодействия с технологией?

Цель исследования

В нашем исследовании мы предлагаем проанализировать состав антропоморфного восприятия технологии на основе ИИ у пользователей данной технологии, попробовать зафиксировать, какими человекоподобными чертами пользователи могут наделять технологию и как происходит процесс формулирования этих черт.

Одним из направлений поисков становится исследование доверия к автоматизированным системам. Доверие как понятие, изначально возникающее в поле взаимодействия людей, становится предметом изучения в контексте отношений человек–автоматизированная система. Сама тема исследования доверия к системе не нова, в 2012 г. Купрейченко предлагает шкалы и показатели для замера уровня доверия технике и социотехническим системам [Купрейченко 2012]: надежность, единство, предсказуемость, приязнь, расчет на определенный результат работы и опасность. Если обратиться к зарубежным работам, то предложенные шкалы по содержанию оказываются очень близки. Например, одна из наиболее популярных методик разработана Cahour-Forzy и точно так же содержит в себе вопросы о воспринимаемой предсказуемости, надежности и эффективности (по аналогии с расчетом на результат). Другие предложенные методики для замера уровня доверия технике также содержат близкие по значениям шкалы [Miller 2022].

Другим, более общим вектором исследований восприятия технологий становятся работы, посвященные отношению к ним. В этом вопросе активные разработки проводятся Т.А. Нестиком,

предлагаются социально-психологические предикторы технофобии и технофилии. Что любопытно, эти два термина предлагается рассматривать не как противоположные полюсы одной шкалы, а как разные шкалы. Концепция Доверия Купрейченко предлагает таким же образом рассматривать и феномен Доверия–Не Доверия [Нестик 2020].

Вывод

Рассматривая подходы к исследованию доверия или отношения к технологиям, можно заметить, что по сути своей они обобщают комплекс ощущений, чувств, восприятия, возникающего в отклике на некий технологический объект. Исходя из предпосылки об антропоморфном восприятии технологий на основе ИИ, мы хотели бы в своем исследовании предпринять попытку проанализировать воспринимаемые антропоморфные черты технологии на основе ИИ, влияющие на уровень доверия ей. И первым этапом в рамках данной статьи описать структуру антропоморфного представления о такой технологии у пользователей технологии.

Выбор объекта исследования и методики исследования

Объект

Технология ИИ используется во множестве форм: от рекомендаций в навигаторе до медицинского ПО для поиска раковых опухолей на снимках. Для выбора конкретной формы мы руководствовались двумя принципами.

Форма технологии должна быть достаточно распространенной и легкодоступной обычному пользователю. Этот критерий позволит собрать больше данных о ее восприятии.

Технология должна позволять решать множество разнообразных задач. Данный критерий позволит в дальнейшем исследовать эффект восприятия в разных сценариях взаимодействия.

Обоим критериям хорошо соответствует форма Голосового помощника (ГП), также иногда называется Виртуальным ассистентом (ВА) или Голосовым ассистентом (ГА) в зависимости от формы взаимодействия.

Таким образом, объектом нашего эмпирического исследования становится восприятие образа ГП пользователями Голосового помощника.

Метод

Для изучения воспринимаемого образа ГП пользователями данной технологии мы обратились к Теории Социальных представлений Московиси [Moscovici 2015]. Данная теория является одной из самых разработанных и активно используемых в области социального познания. Поскольку мы заинтересованы в том, чтобы отразить в нашем исследовании «слепок восприятия» объекта определенной социальной группой, то социальные представления подходят здесь как нельзя лучше.

Практически все современные школы социальных представлений (Женевская, Парижская, Экс-ан-Прованс) подразумевают на первом этапе изучения реконструкцию общего смыслового поля представления [Бовина 2011]. На этом этапе изучения важно попытаться отразить все многообразие возможных представлений. Чтобы достичь этой цели, мы выбрали методы интервью и свободных ассоциаций. Также с помощью интервью мы попытаемся проследить механизмы во взаимодействии с технологией, которые описывают процесс формирования представления.

На третьем этапе, исходя из полученных данных, мы приступили к формированию семантического поля понятия Голосовой помощник. Семантический дифференциал – один из популярных методов исследования в области социальных представлений, который позволяет выйти за пределы отдельных ассоциаций и сформировать объединяющие факторы восприятия исследуемого понятия¹.

Выборка

1. В сборе свободных ассоциаций приняли участие 168 человек.

Возраст – от 18 до 55 лет, соотношение мужчин и женщин 50/50. Участники исследования являлись русскоговорящими жителями России, Беларуси, Украины и Казахстана. Для сбора свободных ассоциаций использовался сервис Яндекс.Толока, где пользователям за вознаграждение предлагалось написать по 20 ассоциаций к словосочетанию «Голосовой помощник». Целью данного этапа было собрать общее поле социальных представлений о ГП и тем самым подготовить материал для дальнейшей разработки частных шкал семантического дифференциала.

2. В интервью приняли участие 15 респондентов.

---

¹ *Фоломеева Т.В.* Социальная психология: Практикум: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2009.

Три диады родитель–ребенок: 3 ребенка (2 девочки и 1 мальчик, возраст от 5 до 10 лет) и 3 родителя (женщины в возрасте от 30 до 45 лет). Все семьи, которые участвовали в исследовании, являлись пользователями хотя бы одного ГП; 6 женщин (возраст от 22 до 43 лет): 2 из них никогда не использовали ГП, остальные имели опыт использования; 3 мужчины (возраст от 30 до 35 лет): 1 из них никогда не использовал ГП, остальные имели опыт использования.

Диадический формат интервью с детьми был обусловлен двумя причинами: необходимостью учесть в интервью как индивидуальный опыт ребенка при взаимодействии с ГП, так и совместный опыт с родителем; комфорт ребенка на интервью. Участвовали жители крупных городов РФ: Москва, Санкт-Петербург. Основной целью на данном этапе было собрать данные о механизмах взаимодействия с ГП, сценариях использования и попытаться установить связь опыта взаимодействия с восприятием тех или иных антропоморфных черт.

3. В опросе приняли участие 800 человек.

Возраст участников – от 18 до 50 лет. Все участники являлись пользователями ГП (на смартфоне или через специальную умную колонку). Среди участников были пользователи Алисы (Яндекс), Маруси (VK, Mail.ru), Салюта (Sber), Siri (Apple), Google ассистента (Google) и Олега (Tinkoff). Все участники оценивали по шкалам только тех помощников, с которыми имели опыт взаимодействия. Принимавшие участие в исследовании жители РФ без ограничения по размеру городов, получали вознаграждение. На этапе опроса целью было структурирование представления о ГП с помощью метода семантического дифференциала.

Обработка результатов

Обработка результатов свободных ассоциаций была выполнена частотным, а затем – тематическим анализом. Для работы с результатами интервью также использовался тематический анализ. Для анализа данных семантического дифференциала использовался факторный анализ с помощью программы SPSS.

Результаты интервью

В интервью были отражены следующие темы:

- 1) основные причины использования голосового помощника;
- 2) сравнение представленных на рынке моделей (Салют, Алиса, Маруся и др.);
- 3) описание опыта взаимодействия с ГП;

- 4) сценарии использования ГП в различных контекстах;
- 5) реакции и эмоции респондентов при разных сценариях взаимодействия с ГП.

В интервью с респондентами, у которых пока не было опыта взаимодействия с ГП, обсуждались представления о ГП, предположения о его функционале и возможностях использования.

Также в ходе интервью респонденты демонстрировали свое поведение при взаимодействии с помощником: строили маршрут, общались с ним, узнавали погоду в городе (респондентам без опыта взаимодействия предлагалось воспользоваться ГП впервые).

Результаты свободных ассоциаций

Всего было получено 3329 слов-ассоциаций, из них неповторяющихся – 1022. Все анкеты респондентов прошли проверку на повтор слов и наличие выдуманных слов (например, если респондент использовал буквы или слоги для формального заполнения поля).

Участников исследования просили написать 20 слов-прилагательных, которые им приходят в голову на словосочетание «Голосовой помощник».

Среди слов, попавших в топ-20, по частотности отсутствуют негативно окрашенные определения. Среди слов с меньшей частотностью встречаются слова: назойливый (4), резкий (3), раздражающий (4), надоедливый (4) и др., но по большей части слова в общем списке окрашены позитивно или нейтрально.

Два наиболее частотных слова-определения – умный и быстрый. Они идут с большим отрывом от следующих по рейтингу слов.

Таблица 1

Слова-ассоциации на словосочетание
«Голосовой помощник» (топ-20).

Всего было собрано 3329 слов, из них неповторяющихся – 1022

№ п/п	Слово	Количество упоминаний
1	Умный	118
2	Быстрый	104
3	Интересный	49
4	Полезный	46
5	Помогающий	44
6	Хороший	41
7	Добрый	40

Окончание табл. 1

№ п/п	Слово	Количество упоминаний
8	Удобный	40
9	Приятный	37
10	Веселый	35
11	Нужный	34
12	Всезнающий	33
13	Понимающий	30
14	Классный	30
15	Современный	28
16	Знающий	27
17	Общительный	27
18	Вежливый	27
19	Смешной	24
20	Внимательный	24

Результаты семантического дифференциала

Для создания шкал были взяты наиболее частотные определения, среди них были отобраны определения, связанные больше с персональными характеристиками, нежели техническими (например, мы отказались от определения «быстрый»). Далее ко всем определениям были подобраны антонимы с помощью словаря антонимов.

Для оценки использовались следующие шкалы, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Шкалы семантического дифференциала,
используемые для оценки респондентами

№ п/п	Определение	Антоним
1	Всезнающий	Ограниченный
2	Умный	Глупый
3	Внимательный	Рассеянный
4	Удобный	Неудобный

Окончание табл. 2

№ п/п	Определение	Антоним
5	Помогающий	Мешающий
6	Интересный	Скучный
7	Понимающий	Безразличный
8	Нужный	Бесполезный
9	Полезный	Вредный
10	Веселый	Грустный
11	Общительный	Замкнутый
12	Добрый	Злой
13	Вежливый	Грубый
14	Смешной	Серьезный

В результате анализа данных с помощью факторного анализа были выявлены три фактора (см. табл. 3).

1. Полезный.
2. Эмоциональный.
3. Смешной.

Таблица 3

Факторные нагрузки для шкал-определений
и процент объясняемой дисперсии для трех факторов:
Полезный, Эмоциональный, Смешной (N = 800)

	Полезный, знающий	Эмоциональный, человечный	Смешной
Процент объясняемой дисперсии	35,98	25,125	7,255
Всезнающий	0,826	0,160	0,058
Умный	0,734	0,371	-0,039
Внимательный	0,704	0,382	0,010
Удобный	0,684	0,445	-0,012
Помогающий	0,679	0,379	0,034
Интересный	0,656	0,472	0,066
Понимающий	0,646	0,453	0,012
Нужный	0,641	0,452	0,004

Окончание табл. 3

	Полезный, знающий	Эмоциональный, человечный	Смешной
Полезный	0,626	0,461	-0,037
Веселый	0,276	0,811	0,129
Общительный	0,394	0,741	0,017
Добрый	0,535	0,645	0,017
Вежливый	0,472	0,628	-0,034
Смешной	0,012	0,059	0,993

Список характеристик с распределением по трем факторам, полужирным отмечены показатели характеристик, вошедших в соответствующий фактор

Обсуждение результатов

На этапе свободных ассоциаций нам важно было собрать общее поле представлений о ГП, из чего оно строится в целом.

*Темы свободных ассоциаций:
интеллект и эмоции*

Среди слов-ассоциаций выделяются две основные тематические группы:

- умственные характеристики: «умный», «всезнающий», «знающий»;
- характеристики ГП, проявляющиеся в «межличностном общении»: интересный, хороший, добрый, приятный, веселый, понимающий, внимательный, общительный.

Негативно окрашенные определения встречались у респондентов крайне редко. Такой феномен может говорить о нереалистично оптимистичных представлениях потребителя цифровых услуг. Такое нереалистичное восприятие созвучно понятию “AI winter”, когда ожидания бизнеса намного более оптимистичные, чем реальные возможности технологии на данном этапе развития, что приводит в дальнейшем к разочарованию в технологии [Тооси et al. 2021].

Таким образом, мы описываем поле представления как позитивно-окрашенные характеристики, разделенные на эмоциональные компоненты образа и интеллектуальные.

Уже далее, в интервью нами была предпринята попытка отразить путь формирования этого образа ГП в процессе взаимодействия с ним.

Построение образа ГП

В ходе интервью все респонденты приглашались к рассуждению о том, как они воспринимают своих ГП, как взаимодействуют с ними. В ходе этих бесед удалось выявить два этапа во взаимодействии с ГП:

Формирование образа. Первый этап взаимодействия с технологией включает «проверку» ее способностей и «прощупывание» типичных реакций. Респонденты предлагают целый спектр таких проверок: от нескольких итераций формулировок до «провокации» со стороны детей, чтобы проверить реакции Алисы:

Думаешь, на какой вопрос как она может ответить. Иногда на самый глупый вопрос. Муж специально задает вопрос, на который она не может ответить, а она всегда выкручивается. У нее очень большой словарный запас, фразы не повторяются. Прикольно (*респондент 1, женщина 25 лет*).

Я делаю вывод, что я неправильно задала вопрос. Либо он глупый или действительно на него сложно ответить. Я бы попыталась перестроить и, если результат такой же, я бы сама залезла в интернет и сама бы посмотрела, что мне нужно (*респондент 1, женщина 25 лет, продолжение*).

Если дети с ней начинают разговаривать, пытаются ее на какие-то глупости навести, она внизу пишет плохое слово, давайте перейдем к другой теме. Она уводит от этой глупости на другой вопрос. Я слышала, они пытались ей какие-то глупости задавать, она сразу: «Давайте другой вопрос». Это мне нравится, такой безопасный режим есть в ней, что не дает возможности какие-то глупости говорить (*респондент 2, женщина 41 год с ребенком 10 лет*).

Отлавливая такие реакции, респонденты могли лучше сориентироваться – какой он, персонаж ГП, строгий, как учительница или шутливый, как одноклассники. Такое понимание уже позволяло вступать в контакт более уверенно, предполагая возможные реакции ГП.

Взаимодействие с «готовым» образом. На втором этапе происходит закрепление образа. Когда респонденты прошли процесс адаптации, они могут представлять себе одушевленного антропоморфного персонажа:

...какого человека я представляю... Молодая девушка, лет 30 с копейками, милая, отзывчивая, приветливая, дружелюбная. Положительный образ (*респондент 1, женщина 25 лет, продолжение*).

Я всегда, когда захожу, представляю себе, что это даже живой человек... Я представляю ее взрослой женщиной. А ассоциации со взрослым человеком, уже каким-то более опытным, более зрелым, всезнающим, как ходячей энциклопедией. И если по цвету, там горит вот этот кружок фиолетовый и белый треугольник. Мне она представляется в сиреневом или фиолетовом платье, халате. Сразу такая картинка (*респондент 4, женщина 30 лет с ребенком 5 лет*).

И когда я говорю, а она отвечает, он всегда поворачивается на ее ответ – там же кто-то есть, он что-то отвечает, он же что-то говорит? Микроволновка, холодильник ничего не отвечают. Иногда кажется, что в этой коробке живет какой-то маленький человечек. Она же там (*респондент 7, женщина*).

Причем, если на первом этапе знакомства взаимодействие ощущается как более скованное: требует либо нападения (как в случае детей, накидывающих вопросы), либо осторожности (как в случае подбора правильной формулировки), впоследствии – более расслабленное, свободное, подобных ограничений в речи респонденты уже не упоминают.

То, что мы наблюдаем в процессе интервью, похоже на описание процесса формирования представления. Поскольку представления сами собой выполняют функцию снижения неопределенности и тревоги относительно неизвестного объекта, то переход к более свободному общению с ГП можно рассматривать как пример действия сформированного представления [Wagner 1993].

Следующим шагом с помощью результатов опроса мы пытаемся воссоздать семантическое пространство процесса восприятия образа ГП: в каких категориях происходит формирование этого представления.

Трехмерное пространство характеристик образа ГП: полезность, эмоции и юмор.

С помощью данных опроса, обработанных по методу семантического дифференциала, были сформированы три фактора:

1. Полезность, интеллектуальность:

Всезнающий	Интересный
Умный	Понимающий
Внимательный	Нужный
Удобный	Полезный
Помогающий	

2. Эмоциональность, человечность:

- Веселый
Общительный
3. Способность к юмору:
Смешной
- Добрый
Вежливый

Все оцененные ГП были распределены по семантическому пространству (см. рис.).

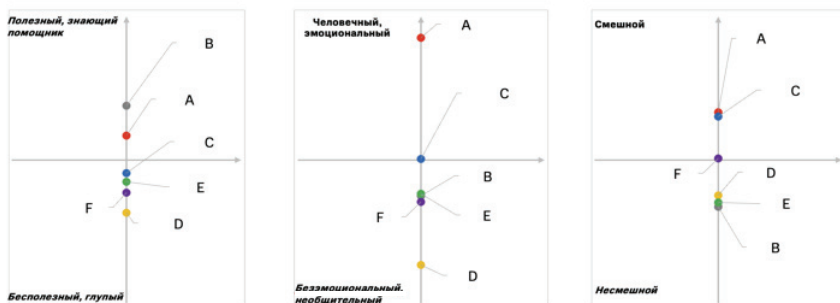

Рис. Распределение ГП по семантическому пространству на основе оценки семантического дифференциала (N = 800)

Отдельным фактором выступили утилитарные качества ГП: его способность выполнять задачи качественно и полезно для пользователя. В этом же факторе разместились интеллектуальные характеристики ГП.

На этом фоне произошло отделение фактора «эмоциональности». Мы можем видеть в примере распределения реальных ГП, что разброс значений по этому фактору больше, чем в других. На рынке представлены как ГП, создающие ощущение человечности, так и более «роботизированные» аналогии.

Важным представляется отделение фактора «юмора» от «эмоциональности». Возможно, умение «смешить» или «подшучивать» не всегда связано с воспринимаемой «эмоциональностью» ГП, как и его «способностями».

Выводы

Целью данного исследования было отразить дискуссию о технологии на основе ИИ у группы пользователей данной технологии. В нашей работе технология на основе ИИ представлена в виде ГП

как одной из самых доступных вариаций технологии на основе ИИ. По результатам трех исследований мы предлагаем общие выводы.

1. Основное смысловое поле на данном этапе изучения представляется оптимистичным и позитивно-нейтральным. Мы предполагаем, что это может быть связано с нереалистично оптимистичными представлениями о ГП, его знаниях и личностных характеристиках.

2. Позитивно-нейтрально окрашенные ассоциации с ГП можно разделить на две основные темы: об интеллектуальных способностях ГП и его возможности к проявлению эмоций. Подобное разделение поддерживается и результатами семантического дифференциала, где основными факторами стали: полезность (включающая в себя интеллектуальные способности), эмоциональность и юмор.

3. Процесс формирования представления о ГП был отражен в ходе интервью. Пользователи ГП описывали начало взаимодействия как требующее некоторой осторожности в формулировках, а последующее «общение» – как более свободное. Таким образом, мы предполагаем наличие двух этапов во взаимодействии с ГП:

- а) формирование образа. Предварительный этап важен для снятия неопределенности при взаимодействии, проверки, как реагирует ГП в различных ситуациях;
- б) взаимодействие с готовым образом ГП. На данном этапе респонденты рассказывают о конкретном антропоморфном образе, который они представляют «за» голосом ГП. На этом уровне общение становится более свободным и раскрепощенным.

Безусловно, социальные представления формируются не только через непосредственное взаимодействие с объектом представления, но и в процессе коммуникации в широком смысле этого слова. В данном исследовании мы ограничиваемся знанием лишь о процессе непосредственного взаимодействия.

Заключение

Исследование социальных представлений об ИИ является актуальным направлением для современной социальной психологии. Популяризация технологии и развитие сообщества специалистов в этой области являются приоритетными задачами на уровне федерального проекта «Искусственный интеллект».

Следующими этапами нашего исследования мы видим изучение наличия и направленности влияния воспринимаемой «персоны» ГП на индивидуальное поведение пользователей при взаимодей-

ствии с ним (например, влияние на готовность доверять финансовые решения, управление умным домом и др.). Важным останется готовность продолжать исследования социальных представлений о других формах ИИ и у других групп, например не-пользователей технологии.

Полученные результаты могут быть использованы для составления программ повышения цифровой грамотности населения, а также для популяризации направления профессионального развития, связанного с ИИ.

Литература

- Аверкин и др. 1992 – *Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А.* Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992. С. 256.
- Бовина 2011 – *Бовина И.Б.* Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5–23.
- Купрейченко 2012 – *Купрейченко А.Б.* Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: обоснование методического подхода // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. 2012. № 4. Т. 4. С. 331–350.
- Нестик 2020 – *Нестик Т.А.* Отношение к новым технологиям и ценностные ориентации россиян // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2020. Т. 5. № 4. С. 54–82.
- Adadi, Berrada 2018 – *Adadi A., Berrada M.* Peeking Inside the Black-Box: A Survey on Explainable Artificial Intelligence (XAI) // IEEE Access. 2018. Vol. 6. Peeking Inside the Black-Box. P. 52138–52160.
- Barredo Arrieta et al. 2020 – *Barredo Arrieta A., Díaz-Rodríguez N., Del Ser J., Bennetot A., Tabik S., Barbado A., Garcia S., Gil-Lopez S., Molina D., Benjamins R., Chatila R., Herrera F.* Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, taxonomies, opportunities, and challenges toward responsible AI // Information Fusion. 2020. Vol. 58. P. 82–115.
- Blyler, Seligman 2023 – *Blyler A.P., Seligman M.E.P.* AI assistance for coaches and therapists // The Journal of Positive Psychology. 2023. P. 1–13.
- Gurnee, Tegmark 2023 – *Gurnee W., Tegmark M.* Language Models Represent Space and Time // arXiv preprint arXiv:2310.02207. 2023.
- Hemmer et al. 2022 – *Hemmer P., Schemmer M., Riefle L., Rosellen N., Vössing M., Kühn N.* Factors that influence the adoption of human-AI collaboration in clinical decision-making // arXiv preprint arXiv:2204.09082. 2022.
- Miller 2022 – *Miller T.* Are we measuring trust correctly in explainability, interpretability, and transparency research? // arXiv preprint arXiv:2209.00651. 2022.
- Moscovici 2015 – *Moscovici S.* La psychanalyse, son image et son public. Presses Universitaires de France, Paris. 2015.

- Searl 1982 – *Searle J.R.* The Chinese room revisited // Behavioral and Brain Sciences. 1982. Vol. 5. No. 2. P. 345–348.
- Toosi et al. 2021 – *Toosi A., Bottino A.G., Saboury B., Siegel E., Rahmim A.* A brief history of AI: how to prevent another winter (a critical review) // PET clinics. 2021. Vol. 4. No 16. P. 449–469.
- Wagner 1993 – *Wagner W.* Can representations explain social behaviour? A discussion of social representations as rational systems // Papers on social representations. 1993. Vol. 2. P. 236–249.
- Wang et al. 2019 – *Wang D., Yang Q., Abdul A., Lim B.Y.* Designing Theory-Driven User-Centric Explainable AI // Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. Glasgow Scotland UK: ACM. 2019. P. 1–15.
- Zhang, Lee, Cartner 2022 – *Zhang Q., Lee M.L., Carter S.* You Complete Me: Human-AI Teams and Complementary Expertise // CHI '22: Proceedings of the 2022 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. April 2022. Article No. 114. P. 1–28. URL: <https://doi.org/10.1145/3491102.3517791> (дата обращения 30 ноября 2023).

References

- Adadi, A. and Berrada, M. (2018), “Peeking Inside the Black-Box: A Survey on Explainable Artificial Intelligence (XAI)”, *IEEE Access*, Vol. 6. Peeking Inside the Black-Box., pp. 52138-52160.
- Averkin, A.N., Gaaze-Rapoport, M.G. and Pospelov, D.A. (1992), *Tolkovyiy slovar' po iskusstvennomu intellektu* [Explanatory dictionary of artificial intelligence], Radio i svyaz', Moscow, Russia.
- Barredo Arrieta, A., Díaz-Rodríguez, N., Del Ser, J., Bennetot, A., Tabik, S., Barbado, A., Garcia, S., Gil-Lopez, S., Molina, D., Benjamins, R., Chatila, R. and Herrera, F. (2020), “Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, taxonomies, opportunities, and challenges toward responsible AI”, *Information Fusion*, vol. 58. Explainable Artificial Intelligence (XAI), pp. 82–115.
- Blyler, A.P. and Seligman, M.E.P. (2023), “AI assistance for coaches and therapists”, *The Journal of Positive Psychology*, pp. 1–13.
- Bovina, I.B. (2011), “Strategies for the study of social representations”, *Sociologicheskij zhurnal*, no. 3, pp. 5–23.
- Gurnee, W. and Tegmark, M. (2023), “Language Models Represent Space and Time”, *arXiv preprint arXiv: 2310.02207*.
- Hemmer, P., Schemmer, M., Riefle, L., Rosellen, N., Vössing, M. and Köhl, N. (2022), “Factors that influence the adoption of human-AI collaboration in clinical decision-making”, *arXiv preprint arXiv: 2204.09082*.
- Kuprejchenko, A.B. (2012), “Trust and distrust in technology and sociotechnical systems. Justification of the methodological approach”, *Aktual'nye problemy psihologii truda, inzhenernoj psihologii i ergonomiki*, vol. 4, no. 4, pp. 331–350.

- Nestik, T.A. (2020) "Attitude toward new technologies and individual values of Russians", *Institut psihologii Rossijskoi akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda*, vol. 5, no. 4, pp. 54–82.
- Miller, T. (2022), "Are we measuring trust correctly in explainability, interpretability, and transparency research?", *arXiv preprint arXiv: 2209.00651*.
- Moscovici, S. (2015), *La psychanalyse, son image et son public*, Presses universitaires de France, Paris, France.
- Searle, J.R. (1982), "The Chinese room revisited", *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 5, no. 2, pp. 345–348.
- Toosi, A., Bottino, A.G., Saboury, B., Siegel, E. and Rahmim, A. (2021), "A brief history of AI: how to prevent another winter (a critical review)", *PET clinics*, vol. 4, no. 16, pp. 449–469.
- Wagner, W. (1993), "Can representations explain social behaviour? A discussion of social representations as rational systems", *Papers on social representations*, vol. 2, pp. 236–249.
- Wang, D., Yang, Q., Abdul, A. and Lim, B.Y. (2019), "Designing Theory-Driven User-Centric Explainable AI", *Proceedings of the 2019 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, ACM, Glasgow, Scotland, UK, pp. 1–15.
- Zhang, Q., Lee, M.L. and Carter, S. (2022), "You Complete Me: Human-AI Teams and Complementary Expertise", April 2022. Article no. 114, pp. 1–28, available at: <https://doi.org/10.1145/3491102.3517791> (Accessed 30 November 2023).

Информация об авторах

Екатерина Д. Садовская, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; sadovskaiaed@my.msu.ru

Федор Н. Винокуров, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; vinokurovfn@my.msu.ru

Information about the authors

Ekaterina D. Sadovskaya, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; sadovskaiaed@my.msu.ru

Fedor N. Vinokurov, Sc.D. (Psychology), Senior researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; vinokurovfn@my.msu.ru

УДК 004:159.922.7

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-54-65

Роль информационной среды в детской картине мира

Галина В. Молчанова

Московский педагогический государственный университет

Российская медицинская академия

непрерывного профессионального образования

Институт развития, здоровья и адаптации ребенка (ИРЗАР)

Москва, Россия, psygvn@gmail.com

Валерия Д. Снурницына

Муниципальное общеобразовательное учреждение лицей № 4

Люберцы, Россия, valera.snurf@gmail.com

Аннотация. Ребенок дошкольного возраста активно формирует у себя ощущение времени на основе режимных, циклических моментов повседневности, что приводит к появлению у него помимо настоящего и первичных представлений о будущем. Информационная среда как одно из пространств детской картины мира включается в жизнь ребенка на уровне режимного компонента (ежедневном проведении досуга в окружении гаджетов, СМИ, видеотрансляций на разных носителях). Информационная среда, включаясь в режимные моменты повседневности ребенка дошкольного возраста, может оказывать существенное влияние на формирование детской картины мира (включая настоящее и ближайшее будущее), окрашивая ее в разные тональности (формируя уверенность в завтрашнем дне или тревожность и страхи). В статье представлены результаты эмпирического исследования специфики детской картины мира под влиянием информационной среды разной степени интенсивности. Показано, что информационная среда высокой степени интенсивности оказывает влияние на формирование у ребенка дошкольного возраста негативно окрашенной картины мира и своего будущего в нем, у таких детей низкий уровень удовлетворенности жизнью и выраженная потребность в стабильности внешнего мира. Мальчики оказались более включенными в информационную среду, чем девочки. Обнаружено, что дети, находящиеся в информационной среде слабой степени интенсивности, уделяют много внимания непосредственной коммуникации с родителями и сиблингами, испытывают позитивные эмоции от взаимодействия с семьей, имеют позитивно окрашенную картину мира и оптимистично смотрят на свое будущее в нем.

© Молчанова Г.В., Снурницына В.Д., 2024

Ключевые слова: детская картина мира, информационная среда, дети дошкольного возраста

Для цитирования: Молчанова Г.В., Снурницына В.Д. Роль информационной среды в детской картине мира // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 54–65. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-54-65

The role of the information environment in the child's image of the world

Galina V. Molchanova

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
psygv@gmail.com*

Valeriya D. Snurnitsyna

*Municipal educational institution Lyceum No. 4, Lyubertsy,
Russia, valera.snurf@gmail.com*

Abstract. Preschool-aged children actively develop their sense of time based on the routine and cyclical moments of daily life, leading to the emergence of not only a present awareness but also primary concepts of the future. The informational environment, as one aspect of a children's image of the world, becomes integrated into their life at the level of routine components (daily leisure activities surrounded by gadgets, media, and video broadcasts on various devices). The informational environment, being a part of the routine moments of a preschooler's daily life, can significantly influence the formation of a child's worldview (including the present and near future), coloring it with different tones (creating confidence in tomorrow or anxieties and fears). The article presents results of an empirical studying the specifics of children's world image under the influence of information environments of varying intensities. It shows that a high-intensity information environment influences the formation of a negatively tinted worldview and future outlook in preschool children, leading to low life satisfaction and a pronounced need for stability in the external world. Boys were found to be more engaged in the informational environment than girls. It was observed that children in low-intensity information environments pay more attention to direct communication with parents and siblings, experience positive emotions from family interactions, have a positively tinted worldview, and are optimistic about their future in it.

Keywords: child's image of the world, information environment, preschool children

For citation: Molchanova, G.V. and Snurnitsyna, V.D. (2024), "The role of the information environment in the child's image of the world", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 54–65, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-54-65

Введение в проблему

Дошкольный возраст является периодом динамичного познания окружающего мира, становления образа мира – особых представлений не только о себе, но и об окружающих людях, природных явлениях, культурных объектах, социальных отношениях и т. д. В дошкольном детстве ребенок чувствителен к систематическому воздействию информационной среды, что оказывает влияние на становление его детской картины мира и ближайшего будущего. Актуальным является описание феноменологии детской картины мира детей дошкольного возраста, находящихся под воздействием информационной среды с разной степенью интенсивности.

Понятие «детская картина мира»

Понятие «образ мира» впервые сформулировано в 1975 г. в работах А.Н. Леонтьева [Степашкина 2016] как результат восприятия окружения через деятельность. Индивидуальный опыт человека встраивается в уникальный образ мира, который в дальнейшем опосредует приобретение и преобразование полученной информации. В современных концепциях образ мира определяется как целостная и многоуровневая система, состоящая из разных представлений: о себе и о своей жизни, о других людях, о мире и явлениях в нем и т. д.

Как и любая другая система, детская картина мира, с точки зрения Ю.А. Савицкой и Л.В. Яркиной, включает четыре видовые картины.

1. Картина предметного мира, состоящая из разнообразных представлений ребенка о неживой природе.

2. Картина живого мира, состоящая из представлений о растениях и животных.

3. Картина социального мира, состоящая из представлений ребенка о разнообразии социальных отношений, о труде взрослых людей и их функций в социуме.

4. Языковая картина мира, состоящая из представлений ребенка о способах коммуникации с окружающими его людьми [Яркина, Савицкая 2018].

Несколько отличен подход к пониманию детской картины мира у Л.В. Шелестовой, согласно которому картина мира состоит из трех компонентов:

- 1) когнитивный компонент, представленный осознанными представлениями человека о закономерностях и взаимосвязях мира природы, культуры, людей и собственного «Я»;
- 2) эмоционально-ценностный компонент, представленный осознанием своего собственного морально-ценностного отношения к миру;
- 3) деятельностный компонент, представленный способностью выстраивать свою деятельность, основываясь на собственном миропонимании и моральной ориентации по отношению к окружающему миру [Ермолина 2020].

Представляется интересным подход В.В. Абраменковой, которая считает, что детскую картину мира можно представить в виде совокупности представлений смысловых отношений в системе пространств, раскрывающих отношения ребенка в системе «Я – мир»:

- 1) физическое пространство отношений к окружающей среде, состоящее из пространства окружающей среды и предметного мира;
- 2) социальное пространство отношений к другим людям, состоящее из социальных отношений с окружающими ребенка людьми;
- 3) моральное пространство норм и ценностей, состоящее из морального и нравственного пространств представлений ребенка;
- 4) личностное пространство отношения к себе, к своему будущему, состоящее из представлений о себе;
- 5) пространство информационной среды, состоящее из пространств, в которых ребенок получает разнообразную информацию о мире.

Формирование и развитие детской картины мира начинается уже в раннем детстве, причем образование представлений у детей об окружающем мире определяются системой установок в обществе. Становление картины мира у детей напрямую зависит от того, как ребенку представлен мир, как он изменяется вследствие объективных трансформаций реальности и развития внутренней позиции личности¹.

---

¹ *Обухов А.С.* Исследование в гуманитарной сфере: субъективный образ мира и становление рефлексии // Исследовательская и проектная деятельность учащихся: Программы и методические разработки гуманитарной направленности. М., 2018. С. 4–6. (Библиотека журнала «Исследователь»/Researcher, Серия «Методические материалы»)

С нашей точки зрения, наиболее интересным является изучение именно пространства информационной среды в рамках детской картины мира. Ребенок дошкольного возраста активно формирует у себя ощущение времени на основе режимных, циклических моментов повседневности, что приводит к появлению у него помимо настоящего и первичных представлений о будущем. Информационная среда как одно из пространств детской картины мира включается в жизнь ребенка на уровне режимного компонента (ежедневного проведения досуга в окружении гаджетов, СМИ, видеотрансляций на разных носителях).

Информационная среда и становление детской картины мира

В широком смысле под информационной средой понимают социальное взаимодействие, затягивающее человека в овладение, использование, обмен и передачу идей, смыслов и информации, которые затем отражаются в поведении [Панов 2020]. Информационная среда очень часто является негативным фактором социальной ситуации развития детей [Андреева 2018]:

- во-первых, у детей дошкольного возраста все чаще диагностируется недоразвитие речи из-за раннего включения гаджетов в обиход детей. Сокращение времени для игры и общения взрослого с детьми приводит к запаздыванию развития речи [Шарафутдинова 2016];
- во-вторых, информационные средства почти полностью вытеснили комментированное чтение. Дети привыкают к формальному восприятию информации на слух, пониманию смысла рассказа лишь наполовину, необязательному вычленению незнакомых слов, что приводит к поверхностному восприятию информации;
- в-третьих, у большинства современных детей дошкольного возраста преобладает более низкий уровень развития сюжетно-ролевой игры из-за приобретения детьми доступа к широкому спектру информационных продуктов разного характера. Сужается сфера совместной деятельности ребенка и взрослого [Батенова 2019];
- в-четвертых, внедрение информационных технологий в образовательную среду хотя и способствует развитию образного мышления детей и стимулированию познавательного интереса к учебе, но не способствует формированию произвольной регуляции деятельности.

В то же время информационная среда может выступать и позитивным условием социализации детей:

- 1) знакомство ребенка с миром культуры;
- 2) введение ребенка в мир социальных ценностей и норм, принятых в обществе;
- 3) помощь ребенку ориентироваться в социальных отношениях, системе межличностных ролей;
- 4) формирование и развитие культуры общения [Карабанова 2018].

Наряду с этим О.А. Карабанова и С.В. Молчанов отмечают деструктивное воздействие на ребенка восприятия сцен насилия в информационной среде. Материалы, изображающие излишнюю агрессию, находят свое отражение в поведении детей, их состоянии и образе мира:

- устойчивое воспроизведение способов агрессивного поведения в жизни по отношению к окружающим;
- высокий уровень тревожности, страхов, дисфории;
- утрата восприимчивости к агрессии и насилию, которые представляются в образе мира ребенка как проявление нормативных взаимоотношений между людьми.

В работах А.В. Спириной показано, что увиденные сцены насилия на экране находят отражение в играх и творчестве детей, а увиденные сцены с проявлением агрессии воспроизводятся в их снах [Спирина 2017]. Степень влияния на детей фильмов со сценами насилия и агрессии находится в прямой зависимости от их культуры потребления медиапродуктов.

Таким образом, информационная среда, включаясь в режимные моменты повседневности ребенка дошкольного возраста, может оказывать существенное влияние на формирование детской картины мира (включая настоящее и ближайшее будущее), окрашивая ее в разные тональности (формируя уверенность в завтрашнем дне или тревожность и страхи)

Эмпирическое исследование роли информационной среды в формировании детской картины мира

Объект исследования: детская картина мира.

Предмет исследования: особенности детской картины мира в условиях воздействия информационной среды различной интенсивности.

Цель исследования: выявление особенностей детской картины мира детей старшего дошкольного возраста в современном информационном пространстве.

Гипотеза исследования: дети, находящиеся в условиях воздействия информационной среды разной степени интенсивности, имеют специфику в своей картине мира и восприятии будущего.

Выборка. В исследовании принимали участие 65 детей в возрасте от 5,5 до 7,1 лет, посещающих подготовительные группы дошкольных отделений образовательных комплексов Москвы.

Методики исследования: «Кинетический рисунок семьи» (Р.Ф. Беляускайте), проективная методика «Моя семья через год» (модификация КРС Р.Ф. Беляускайте), Опросник «Удовлетворенность жизнью» (Г.В. Молчанова, В.Д. Снурницына), «Полуструктурированная беседа: “Как проходит твой вечер?”» (Г.В. Молчанова, В.Д. Снурницына), «Тест тревожности» (Р. Тэмпл, В. Амен, М. Дорки), «Детский апперцептивный тест – САТ» (Л. Беллак).

Результаты эмпирического исследования

В рамках полуструктурированной беседы «Как проходит твой вечер?» детей просили описать типичный вечер дома: чем занимается ребенок и его родители, о чем разговаривают, какие вопросы обсуждают, что смотрят по телевизору, что-то изменилось за последнее время и с чем они это связывают? Контент-анализ ответов детей проводился по критерию – наличие доминанты гаджетов и информационных поводов (из передач телевидения) в повседневном вечере ребенка. На основе контент-анализа выделились три группы детей (с высоким, средним и низким уровнем присутствия доминанты информационной среды), имеющие типичную картину повседневного вечера. Более половины детей дошкольного возраста (52%) находятся в условиях воздействия информационной среды сильной интенсивности: обычно они проводят в одиночестве каждый вечер у экранов телевизоров, планшетов и телефонов. С родителями в основном смотрят фильмы и передачи, которые выбирают взрослые и предназначенные для взрослых. В традиционные игрушки играют в исключительных случаях, когда нет доступа к играм на планшете.

Треть детей (31%) находятся в условиях воздействия среды средней интенсивности, а низкой – 17%. Дети, находящиеся в условиях воздействия информационной среды слабой степени

интенсивности, как правило, по вечерам играют в традиционные игрушки (чаще всего в конструктор, некоторые девочки – с куклами и мягкими игрушками, а мальчики – с машинками и игрушками-персонажами из мультфильмов), проводят время в беседах с родителями или на прогулке. Иногда они смотрят по телевизору передачи и мультфильмы, причем выбирают их сами или делают это вместе со своими родителями. Очень часто, когда родители свободны, вечерами гуляют на свежем воздухе или делают что-то вместе с папой или мамой.

Таблица 1

Статистически значимые различия между группами детей, находящимися в условиях воздействия информационной среды разной степени интенсивности (по критерию Краскела–Уоллиса)

Показатели/степень интенсивности информационной среды	Слабая	Средняя	Сильная	Статистика критерия	Асимптотическая значимость
Позитивная картина мира	31,17	16,59	14,47	15,077	0,001
Удовлетворенность жизнью в настоящем	21,39	15,86	11,75	7,030	0,030
Потребность в стабильности	10,33	18,06	22,09	5,850	0,027
Индекс тревожности	13,17	21,00	21,89	6,853	0,032

Дети, которые находятся в условиях воздействия информационной среды сильной интенсивности, имеют в своих представлениях негативную картину мира и ближайшего будущего, в первую очередь – своей семьи. На вопрос о том, что изменится в твоей семье через год (в проективной методике «Моя семья через год»), самыми распространенными ответами были: «Мои мама и папа сильно постареют», «Моя бабушка уже старенькая, она, наверное, через год умрёт», «Мои мама и папа часто ругаются, они скоро разведутся». Дети склонны прогнозировать предстоящую учебу в школе (в которую еще только пойдут) как «неинтересную, скучную и сложную». Дети данной группы не видят для себя никаких позитивных перспектив в будущем. У них наблюдается высокий индекс тревожности и выраженная потребность в стабильности. Обнару-

жено, что выраженная потребность в стабильности связана с негативной картиной мира у детей (r (Пирсона) = $-0,437$, при $p \leq 0,01$).

Дети, находящиеся в условиях воздействия информационной среды слабой степени интенсивности, транслируют позитивную картину мира и своего будущего, а именно своей семьи, позитивные представления о предстоящей учебе, о будущей профессии, а также ярко выраженную познавательную мотивацию: «Мы поедем на море/на дачу и будем вместе» и «Все будет хорошо, как сейчас». Такие дети, даже находясь в состоянии развода родителей /на грани развода/часто ссорились/отцы находятся в семье, но были вынуждены уехать, на вопрос о будущем семьи отвечали: «Мои мама и папа помирятся и все будет хорошо», «Они сейчас не вместе, но проводят со мной много времени и дальше тоже будут проводить», «Папа к нам приедет и мы будем вместе все время». Также дети данной группы в большей степени удовлетворены своей жизнью в настоящем.

Обратим внимание, что самыми распространенными страхами среди детей дошкольного возраста оказались: агрессия, одиночество и борьба. При этом 11,4% испытывали самый сильный страх, когда их наказывали родители, 12,8% – когда их кто-то обижал, 21,8% – когда остались где-то одни, и 54% детей – сильнее всего испугались, когда увидели что-то страшное по телевизору или на экране телефона (планшета). Таким образом, у большинства детей имелись страхи, культивируемые информационной средой.

При этом наблюдались значимые различия по критерию Манна–Уитни между мальчиками и девочками по степени включенности в информационную среду. Мальчики, как правило, находятся в условиях воздействия информационной среды высокой интенсивности.

Заключение

В результате эмпирического исследования выявилось, что дети, находящиеся в условиях воздействия информационной среды сильной интенсивности, имеют негативно окрашенную картину мира и ближайшего будущего. Мальчики оказались более включенными в информационную среду, чем девочки, у них низкий уровень удовлетворенности жизнью и более выраженная потребность в стабильности внешнего мира. Обнаруженная специфика детской картины мира позволяет осуществлять прицельную психологическую помощь уже на этапе дошкольного детства, разрабатывать программы психологического сопровождения, опирающиеся на методологически обоснованные критерии.

Литература

- Андреева 2018 – *Андреева А.Д.* Информационная среда как фактор социальной ситуации развития современного ребенка // Научный диалог. 2018. № 3. С. 234–252.
- Батенева 2019 – *Батенева Ю.В.* Детство в ракурсе информационной среды визуальной коммуникации // Мир психологии. 2019. № 2 (98). С. 180–193.
- Ермолина 2020 – *Ермолина А.Ю.* К вопросу понятийного потенциала термина «Детская картина мира» // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 24. С. 1149–1153.
- Карабанова 2018 – *Карабанова О.А., Молчанов С.В.* Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 37–46.
- Панов 2020 – *Панов В.И., Патраков Э.В.* Интерференция цифровой и доцифровой сред как предмет психологического исследования // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2020. Вып. 3. С. 531–541.
- Спирина 2017 – *Спирина А.В.* Особенности влияния просмотра видео и телепередач с элементами насилия на психологическое здоровье детей дошкольного возраста // Здоровье и образование в XXI веке. 2017. Т. 19. № 6. С. 164–167.
- Степашкина 2016 – *Степашкина В.А.* Соотношение концептов «Ментальная репрезентация» и «Образ мира» в психологии // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 12. С. 86–88.
- Шарафутдинова 2017 – *Шарафутдинова Ю.И.* Формирование образа мира в норме и при ЗПП // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 706–710.
- Яркина, Савицкая 2018 – *Яркина Л.В., Савицкая Ю.А.* Формирование картины мира у дошкольников // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 2. С. 191–195.

References

- Andreeva, A.D. (2018), "Information Environment as a Factor of Social Situation in Development of a Modern Child", *Nauchnyi dialog (Scientific dialogue)*, no. 3, pp. 234–252.
- Batenova, Yu.V. (2019), "Childhood in the context of the information environment of visual communication", no. 2 (98), pp. 180–193.
- Ermolina, A.Yu. (2020), "Regarding the conceptual potential of the term 'child's image of the world'", *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, no. 24, pp. 1149–1153.

- Karabanova, O.A. and Molchanov, S.V. (2018), "Risks of negative impact of information products of mental development and behavior of children and adolescents", *National Psychological Journal*, no 3 (31), pp. 37–46.
- Panov, V.I. and Patrakov, E.V. (2020), "Interference of digital and pre-digital environments as a subject of psychological research", *The Herzen University Studies: Psychology in Education, Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, 1–2 October 2020*, iss. 3, pp. 531–541.
- Sharafutdinova, Yu.I. (2017), "Forming the worldview in the norm and in case of delayed psychological development", *Koncept*, vol. 39, pp. 706–710.
- Spirina, A.V. (2017), "Features of the influence of viewing videos and television programs with elements of violence on the psychological health of children of preschool age", *Health and Education Millennium*, vol. 19, no. 6, pp. 164–167.
- Stepashkina, V.A. (2016), "Correlation of concepts 'mental representation' and 'image of the world' in psychology", *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 12, pp. 86–88.
- Yarkina, L.V. and Savitskaya, Yu.A. (2018), "Formation of the worldview in preschool children", *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, no. 2, pp. 191–195.

Информация об авторах

Галина В. Молчанова, кандидат психологических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1;

Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования Минздрава России, Москва, Россия; 125993 Россия, Москва, ул. Баррикадная, д. 2/1, стр. 1;

Институт развития, здоровья и адаптации ребенка, Москва, Россия; 119121, Россия, Москва, ул. Погодинская, д. 8, корп. 2; psygvn@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3275-4224>

Валерия Д. Снурницына, Муниципальное общеобразовательное учреждение лицей № 4, Люберцы, Россия; 140005, Россия, Люберцы, Октябрьский пр., д. 118; valera.snurf@gmail.com

Information about the authors

Galina V. Molchanova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991;

Russian Medical Academy of Continuous Professional Education, Moscow, Russia; bld. 2/1, Barirkadnaya Street, Moscow, Russia, 125993;

Institute of Child Development, Health and Adaptation, Moscow, Russia; bld. 8, Pogodinskaya Street, Moscow, Russia, 119121; psygvm@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3275-4224>.

Valeriya D. Snurnitsyna, Municipal Educational Institution Lyceum No. 4, Lyubertsy, Russia; bld. 118, Oktyabrskii Avenue, Lyubertsy, Russia, 140005; valera.snurf@gmail.com

Стилевые особенности деятельности и интегральная индивидуальность практических психологов системы образования

Наталья А. Герасименко

Московский педагогический государственный университет

Москва, Россия, na.gerasimenko@mpgu.su

Аннотация. В работе рассмотрены стиливые особенности деятельности и интегральной индивидуальности практических психологов системы образования. В статье представлены степени развития пяти профессиональных действий (адаптационные, регуляционные, организационные, действия констатации и действия преобразования) и описаны проявления свойств индивидуальности (личностных, психодинамических и свойств нервной системы). Особое внимание уделено выявлению связей стиливых особенностей деятельности и интегральной индивидуальности. Выборка исследования – 74 человека ($N = 74$). Обнаружены корреляционные связи компонентов стиля деятельности с особенностями интегральной индивидуальности. Наибольшее количество связей обнаружил такой компонент стиля деятельности, как организационные действия – эти действия коррелируют с 12 свойствами интегральной индивидуальности, что подтверждает ведущее значение этого компонента в структуре стиля деятельности и интегральной индивидуальности. Реализации профессиональных задач посредством профессиональных действий способствуют как свойства личности в своей значительной части, так и свойства темперамента. Выделены профессиональные действия, на выраженность которых оказывает влияние только личностный уровень индивидуальности. К ним относятся действия адаптации и констатации. Описаны профессиональные действия, на выраженность которых одновременно влияют свойства, относящиеся к разным уровням индивидуальности: свойства личности и свойства темперамента. Свойства нервной системы не оказывают значительного влияния на выраженность профессиональных действий.

Ключевые слова: стиливые особенности деятельности, интегральная индивидуальность, связь стиливых особенностей деятельности и интегральной индивидуальности

Для цитирования: Герасименко Н.А. Стилевые особенности деятельности и интегральная индивидуальность практических психологов системы образования // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 66–77. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-66-77

Stylistic features of activity and the integral individuality of practical psychologists in the educational system

Natal'ya A. Gerasimenko

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
na.gerasimenko@mpgu.su*

Abstract. The work considers the stylistic features of the activities and the integral individuality of practical psychologists in the educational system. The article presents the degree of development of five professional actions (adaptive, regulatory, organizational, ascertainment actions and transformation actions), and describes the manifestations of individuality properties (personal, psychodynamic and properties of the nervous system). Particular attention is paid to identifying connections between stylistic features of activity and integral individuality. The study sample was 74 people ($N = 74$). Correlations between the components of the activity style and the characteristics of the integral individuality were discovered. The most connections were found by such a component of the activity style as organizational actions – those actions correlate with 12 properties of the integral individuality, which confirms the leading importance of the above component in the structure of the activity style and the integral individuality. The implementation of professional tasks through professional actions is facilitated both by personality traits in their significant part, and by temperamental properties. Professional actions are identified, the expression of which is influenced only by the personal level of individuality. They include the actions of adaptation and ascertainment. The article also describes professional actions, that are simultaneously influenced in their expression by properties related to different levels of individuality: personality properties and temperament properties. The properties of the nervous system do not affect the severity of professional actions.

Keywords: stylistic features of activity, integral individuality, connection between stylistic features of activity and the integral individuality

For citation: Gerasimenko, N.A. (2024), “Stylistic features of activity and the integral individuality of practical psychologists in the educational system”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 66–77, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-66-77

Введение: постановка проблемы

В современных условиях основным приоритетом в образовании провозглашен гуманистический подход, при котором основной задачей является развитие личности ребенка, изучение его индиви-

дуальных особенностей. В связи с этим возрастает роль личности психолога образования в процессе формирования индивидуальности детей.

Исследование индивидуальных свойств практических психологов важно в связи с тем, что профессия в настоящее время приобрела массовый характер в системе российского образования. В настоящее время исследователи сосредоточены на изучении особенностей организации и содержания работы практического психолога образования, а также его индивидуальных и профессионально важных качеств, которые способствуют эффективному решению профессиональных задач.

В связи с этим представляется, что выявление индивидуальных свойств и личностных черт психолога образования и их влияние на стилевые характеристики его профессиональной деятельности являются одной из значимых и актуальных проблем, поскольку позволяют выделить факторы, способствующие наилучшему решению профессиональных задач.

Результаты проведенного нами исследования помогают расширить существующие представления о природе индивидуального стиля и особенностей интегральной индивидуальности практических психологов образования.

В своем исследовании мы опирались на системный подход в исследовании интегральной индивидуальности В.С. Мерлина, Б.А. Вяткина [Мерлин 1986; Вяткин, Шукин 2016]. Мы предположили, что стиль деятельности практических психологов образования является многокомпонентным образованием, включающим в себя пять групп действий: адаптационные, регуляционные, организационные, действия констатации и действия преобразования психической реальности. Каждый компонент несет в себе решение определенных задач. Задача создания доверительной атмосферы, налаживания контакта реализуется с помощью адаптационных действий; задача планирования профессиональной деятельности, определение приоритетных направлений, целей, средств их достижения реализуется посредством организационных действий; задача развития процессуальной части деятельности с использованием средств удержания внимания детей реализуется благодаря регуляционным действиям; задача установления особенностей психической реальности реализуется посредством действий констатации; задача изменения признаков психической реальности реализуется с помощью действий преобразования [Герасименко 2018].

*Эмпирическое исследование
стилевых особенностей
профессиональной деятельности
практических психологов образования*

Цель данного исследования – выявление специфических связей стиля деятельности и интегральной индивидуальности.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 74 педагога-психолога с опытом работы в ДОО г. Москвы от 2 месяцев до 8 лет.

Методики исследования. Изучение реализации профессиональных задач проводилось по авторской схеме «Стилевые особенности профессиональной деятельности психолога образования». Наблюдение прошло процедуру стандартизации. «Оценка осуществлялась методом экспертных оценок. 14 независимых экспертов, практикующих в области детской психологии, психологии развития (с профессиональным стажем от 3 до 10 лет) просматривали и анализировали видеозаписи с целью выявления степени выраженности профессиональных действий. Для подтверждения независимости экспертов и надежности исследования применялся коэффициент константности (относительной независимости результатов от личности экспериментатора). Коэффициент константности определялся путем корреляции результатов нескольких наблюдений, проведенных в относительно одинаковых условиях на одной и той же выборке испытуемых, но разными экспериментаторами. Для достаточной надежности коэффициент константности не должен быть ниже 0,80. В нашем случае коэффициент константности был не ниже 0,84 (расчеты проводились с помощью математического программного обеспечения). Показатель свидетельствует о независимости результатов от личности эксперимента» [Герасименко 2018, с. 112].

Для исследования свойств интегральной индивидуальности использовались следующие методики: 16-факторный опросник личности Р. Кеттелла, опросник формально-динамических свойств В.М. Русалова и опросник темперамента Я. Стреляу (характеристики свойств нервной системы).

*Результаты исследования**Таблица 1*

Сформированность компонентов стиля

№ п/п	Компонент стиля деятельности	Представленность компонентов, %
1	Адаптационные действия	52
2	Регуляционные действия	57
3	Организационные действия	76
4	Действия преобразования психической реальности	23
5	Действия констатации психической реальности	48

Анализ стилевых особенностей практических психологов, отраженных в таблице, демонстрирует наибольшую выраженность:

- организационных действий, которые преобладают у 76% выборки. «В связи с этим мы можем говорить о том, что у выборки хорошо развиты действия планирования и контроля, что, на наш взгляд, является первым этапом успешного развития профессиональной деятельности;
- действий регуляции, которые выражены у 57% выборки;
- адаптационных действий, которые преобладают у 52%. Действия адаптации являются важным звеном всего процесса, поскольку от их выраженности зависит возможность дальнейшей работы и достоверность будущих результатов. Однако этот вид действий у молодых специалистов складывается практически стихийно и основывается на первых порах больше на индивидуальных свойствах личности и только со временем обрывает технологическими приемами. Это предположение, на наш взгляд, касается и регуляционных действий. Такая ситуация складывается потому, что формированию этих видов действий фактически не уделяется внимания при обучении;
- действий констатации, которые выражены у 48% выборки. Этот результат можно объяснить как современной ситуацией в системе образования, так и индивидуальными особенностями психологов;

- действий преобразования, которые выражены только у 23% выборки.

Можно предположить, что выборка слабо ориентирована на терапевтическую и коррекционную работу» [Герасименко 2018, с. 156–157].

Свойства интегральной индивидуальности изучены нами в отношении личностных черт, свойств темперамента и нервной системы. На рис. 1 изображен личностный профиль выборки в средних значениях.

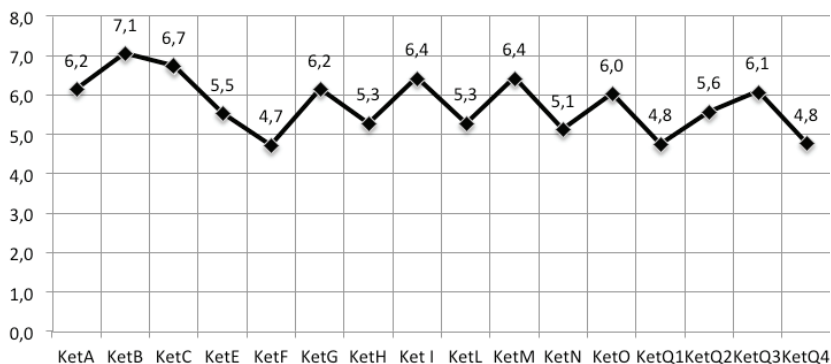

Рис. 1. Личностные черты практических психологов образования (средние значения)

В ходе исследования были получены следующие результаты. Преобладание средних значений, отсутствие резких перепадов графика говорит нам о сбалансированности личностного профиля практических психологов, что подтверждает важность сбалансированности личностных качеств и стабильности личности.

Если характеризовать в целом выборку, то отмечено:

1. Высокий уровень развития фактора В (абстрактность – конкретность мышления) характеризует хороший уровень вербальной культуры, эрудицию, обучаемость. Л.А. Григорович отмечает, что «профессия психолога требует высококвалифицированного труда и длительной подготовки» [Григорович 2004]. Высокие значения были отмечены:

- по фактору А – у 55% выборки. Аффектотимия проявляется в богатстве и яркости эмоциональных проявлений, в чутком и внимательном отношении к людям, в предпочтении работы с людьми. Эти качества хорошо укладываются в профессиограмму практического психолога;

- по фактору С – у 58%, что характеризует эту часть выборки как эмоционально устойчивую, зрелую и уверенную в себе; это, несомненно, является профессионально важным качеством в психограмме психолога. Надо отметить, что 30% выборки по фактору С показали средние значения, что отраднo, так как это говорит нам о сбалансированности выборки по данной черте;
- по фактору I – у 50% выборки, что является показателем чувствительности, мягкости, образного и художественного восприятия мира; 40% выборки показали средние значения, то есть по фактору I отмечается сбалансированность между такими качествами, как «премсия – харрия».

2. Низкие значения отмечены:

- по фактору F (Десургенция) – у 45% выборки, что характеризует эту часть выборки как рассудительную и сдержанную, спокойную и задумчивую, благоразумную, склонную к пессимизму;
- по фактору Q1 – у 43% выборки, что характеризует выборку как консервативную, уважающую принципы, терпимую к традиционным трудностям.

3. Средние значения отмечены по девяти факторам: F, G, H, I, M, O, Q2, Q3, Q4, что говорит о сбалансированности личностного профиля практических психологов ДОУ, что в общем неплохо укладывается в профессиограмму [Герасименко 2021].

Особенности развития интегральной индивидуальности нижележащих уровней отражены в следующих рисунках.

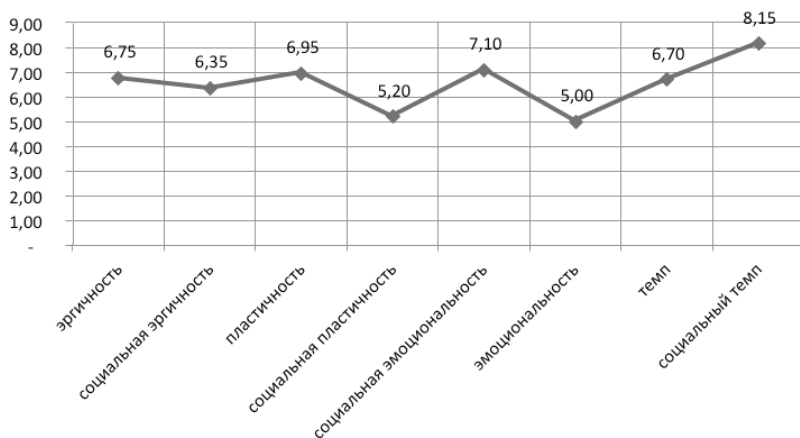
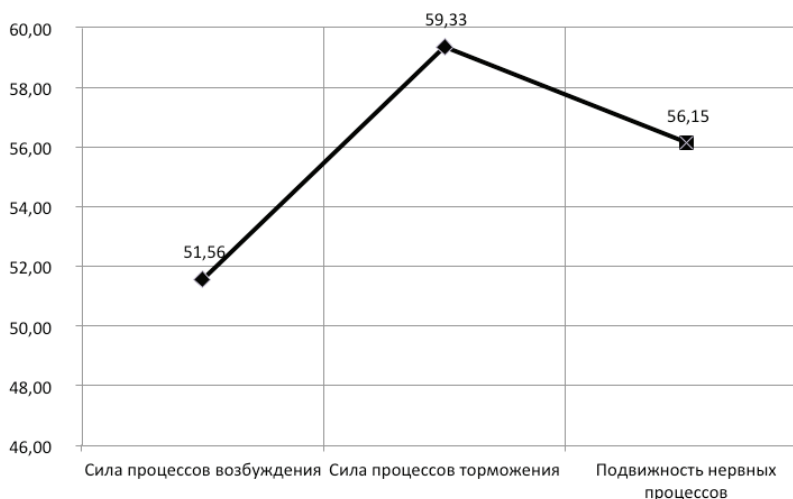

Рис. 2. Психодинамические свойства практических психологов (средние значения)

На рис. 2 мы можем увидеть, что показатели нижележащих свойств интегральной индивидуальности находятся в пределах нормы. Психологи демонстрируют выраженную потребность в социальных контактах, направленность на освоение социальных форм деятельности, быстроту перехода с одного способа мышления на другой в процессе взаимодействия с предметной и социальной средой.

Рис. 3. Свойства нервной системы практических психологов

При изучении свойств нервной системы обнаружено, что по всем параметрам испытуемые демонстрируют высокие баллы. Высокий уровень процессов возбуждения характерен для людей, способных выполнять работу долго без видимого утомления, энергично. Высокие показатели силы процессов торможения характеризуют возможности людей сдерживать нежелательные формы поведения. Высокий уровень подвижности нервных процессов свидетельствует о желании испытывать новые впечатления, ограниченность новой информации может вызывать у них скуку и утомление.

Далее с помощью корреляционного анализа (коэффициент Спирмена) выявлены связи компонентов стиля деятельности с особенностями интегральной индивидуальности.

Связь стилевых особенностей деятельности и свойств интегральной индивидуальности практических психологов образования

Свойства интегральной индивидуальности	Адаптационные действия	Регуляционные действия	Организационные действия	Действия преобразования	Действия констатации
Индекс общей эмоциональности		-0,47	-0,38	-0,44	
Индекс общего темпа			0,38		
Индекс психомоторной активности			0,45		-0,42
Индекс социальной активности					
Индекс общей активности			0,45		
Индекс адаптивности			0,51		
Фактор А: замкнутость – общительность				-0,35	
Фактор В: конкретность – абстрактность	0,40		-0,33		-0,40
Фактор С: эмоциональная стабильность – нестабильность					
Фактор Е: подчиненность – доминантность		-0,33			
Фактор F: сдержанность – экспрессивность			0,31		

Фактор H: робость – смелость						
Фактор I: жесткость – чувствительность	-0,59	-0,39	-0,30			
Фактор L: доверчивость – подозрительность				-0,42		
Фактор M: практичность – мечтательность	-0,30					
Фактор N: прямолинейность – дипломатичность						
Фактор O: спокойствие – тревожность			-0,53			-0,49
Фактор Q1: консерватизм – радикализм			-0,41	0,38		
Фактор Q2: конформизм – nonконформизм				0,33		
Фактор Q3: низкий – высокий самоконтроль	0,37					
Фактор Q4: расслабленность – напряженность		-0,46	-0,43			

Как видно, наибольшее количество связей обнаружил такой компонент стиля деятельности, как организационные действия – эти действия коррелируют с 12 свойствами интегральной индивидуальности, что подтверждает ведущее значение этого компонента в структуре стиля деятельности и интегральной индивидуальности: общей психомоторной активности и организационные действия ($\rho = 0,45$), общего (предметного) темпа и организационные действия ($\rho = 0,38$), общей активности и организационные действия ($\rho = 0,51$), фактор G нормативность поведения ($r = -0,54$), фактор O спокойствие – тревожность ($r = -0,53$), фактор Q1 консерватизм – радикализм ($r = -0,41$), фактор Q4 расслабленность – напряженность ($r = -0,43$).

Итак, можно констатировать, что между стилевыми особенностями профессиональной деятельности психологов образования и уровнями интегральной индивидуальности специалистов отмечаются как положительные, так и отрицательные корреляционные связи. Положительные связи указывают на то, что при изменении одного показателя также будет меняться и другой показатель. Например, если уровень общей психомоторной активности или общего темпа будет расти, то и организационные действия будут в большей степени выраженные.

Также можно было отметить:

- связь между одним уровнем индивидуальности (личностным) и профессиональными действиями. Между действиями адаптации и фактором I (женственность – мужественность); действиями констатации и фактором B (интеллект), фактором O (самоуверенность – чувство вины);
- связь между двумя разными уровнями индивидуальности и одной группой действий;
- между профессиональными действиями и свойствами нервной системы связь не обнаружена.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что реализации профессиональных задач посредством профессиональных действий способствуют как свойства личности в своей значительной части, так и свойства темперамента. Существуют профессиональные действия, на выраженность которых оказывает влияние только личностный уровень индивидуальности. К ним относятся действия адаптации и констатации. Существуют профессиональные действия, на выраженность которых одновременно влияют свойства, относящиеся к разным уровням индивидуальности: свойства личности и свойства темперамента. Свойства нервной системы не оказывают значительного влияния на выраженность профессиональных действий.

Литература

- Вяткин 2016 – Вяткин Б.А., Шукин М.Р. Об интеграции теорий и подходов к целостному познанию человека // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 26. № 2. С. 47–56.
- Герасименко 2018 – Герасименко Н.А. О методике изучения стиливых особенностей профессиональной деятельности психолога системы образования // Психология обучения 2018. № 3. С. 109–115.
- Герасименко 2021 – Герасименко Н.А. Личностный профиль современного психолога образования // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 168–176.
- Григорович 2004 – Григорович Л.А. Введение в профессию «психолог». М.: Гардарики, 2004. 192 с.
- Мерлин 1986 – Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986. 256 с.

References

- Gerasimenko, N.A. (2018), "On the methodology of studying the stylistic features of the professional activity of a psychologist of the educational system", *Psychology of education*, no. 3, pp. 109–115.
- Gerasimenko, N.A. (2021), "Personal profile of a modern educational psychologist", The Herzen University Conference on Psychology in Education, no. 4, pp. 168–176.
- Grigorovich, L.A. (2004), *Vvedenie v professiyu "psikholog"* [An introduction into the profession of "psychologist"], Gardariki, Moscow, Russia.
- Merlin, V.S. (1986), *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [An essay on the integral study of individuality], Pedagogica, Moscow, Russia.
- Vyatkin, B.A. and Shchukin, M.P. (2016), "On the integration of theories and approaches to the holistic human knowledge", *Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*, vol. 26, no. 2, pp. 47–56.

Информация об авторе

Наталья А. Герасименко, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1; na.gerasimenko@mpgu.su

Information about the author

Natal'ya A. Gerasimenko, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bld. 1/1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991; na.gerasimenko@mpgu.su

Особенности образовательного опыта студентов и его связь с их субъективным благополучием

Оксана Н. Истратова

Московский педагогический государственный

университет, Москва, Россия,

Южный федеральный университет,

Ростов-на-Дону, Россия, on.istratova@mpgu.su

Аннотация. Исследование субъективных оснований образовательной успешности и благополучия студентов перспективны в контексте определения внутренних ресурсов студента как активного субъекта образовательной деятельности. В результате эмпирического исследования было выявлено, что большинство студентов воспринимают свою образовательную успешность как среднюю. В группах с благоприятным и неблагоприятным образовательным опытом (ОО), как показателем субъективной образовательной успешности, были обнаружены статистически значимые различия по всем его компонентам. Для студентов с высокой субъективной образовательной успешностью характерна удовлетворенность своей учебой в вузе, они не ограничивают себя только формальным обучением, но открыты и для других форм получения образовательного опыта, что требует большей самостоятельности и самоорганизации. Это они и демонстрируют в таком показателе, как «опыт саморегулируемого обучения». Они больше верят в собственные силы и поддержку окружающих. Исследование субъективного благополучия студентов показало, что студенты, воспринимающие свой ОО как успешный, ощущают умеренный эмоциональный комфорт, больше удовлетворены выполняемой деятельностью, взаимоотношениями с окружающими, активны, для них больше характерен оптимистичный настрой, меньше – чувство напряженности, рассеянности, высокой чувствительности к раздражителям.

Наиболее сильными взаимосвязями образовательной успешности и благополучия студентов оказались взаимосвязи в следующих компонентах: значимость социального окружения и поддержки, изменение настроения, вовлеченность, интенция к расширению опыта.

Ключевые слова: студенты, поколение Z, образовательный опыт, образовательная успешность, субъективное благополучие, эмоциональный комфорт

Для цитирования: Истратова О.Н. Взаимосвязь образовательного опыта студентов с их субъективным благополучием // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 78–91. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-78-91

Features of students' educational experience and its connection with their subjective well-being

Oksana N. Istratova

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
on.istratova@mpgu.su*

Abstract. The study of the subjective foundations of educational success and well-being of students is promising in the context of determining the internal resources of a student as an active subject of educational activity. As a result of the empirical study, it was revealed that the majority of students perceive their educational success as average. In groups with favorable and unfavorable educational experience (EE), as an indicator of subjective educational success, statistically significant differences were found in all of its components. Students with high subjective educational success are characterized by satisfaction with their studies at a university; they do not limit themselves only to formal studying, but are open to other forms of educational experience, which requires greater independence and self-organization. That is what they demonstrate in such an indicator as “experience of self-regulated learning”. They have more faith in their own strengths and the support of others. A study of the subjective well-being of students showed that students who perceive their EE as successful feel moderate emotional comfort, are more satisfied with the activities they perform, relationships with others, are active, they are more characterized by an optimistic attitude, and less by a feeling of tension, absent-mindedness, and high sensitivity to irritants. The strongest relationships between educational success and well-being of students turned out to be relationships in the following components: the importance of the social environment and support, changes in mood, involvement, and intention to expand experience.

Keywords: students, generation Z, educational experience, educational success, subjective well-being, emotional comfort

For citation: Istratova, O.N. (2024), “The relationship between students' educational experience and their subjective well-being”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 78–91, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-78-91

Введение

Современных студентов в полной мере можно назвать типичными представителями эпохи транзитивности, характеризующейся множественностью вариантов существования социального мира при постоянном изменении этих вариантов без определенного содержания и вектора [Марцинковская, Полева 2017]. Обучение в вузе, неопределенность социальных трансформаций, мультикультурность, обусловленная массовыми миграциями населения, требуют эмоциональной устойчивости, толерантности к неопределенности, личностной зрелости от молодых людей, которые все чаще испытывают состояние напряженности, тревоги, депрессии [Иванов, Колоколов 2019].

Студенты, как представители поколения Z, имеют свои особенности, которые сказываются на их жизнедеятельности в целом и образовательной деятельности в частности [Буцык 2018; Марцинковская, Полева 2017; Тарасова 2020]: интегрированность цифрового мира в реальности в их сознании, навыки работы с большими объемами информации (подчас в режиме многозадачности), клиповость мышления, неустойчивость внимания, снижение объема внимания, оперативной и долговременной памяти («гугл-эффект»), краткосрочность целей и планов, настойчивость и целеустремленность в достижении лично значимого результата, доверительность отношений с родителями при одновременном снижении авторитета старших поколений, эгоцентризм и инфантилизм, возбудимость и раздражительность вследствие перегруженности нервной системы в условиях постоянного доступа к любому типу и объему информации, актуализация здорового образа жизни, доминирование материальных ценностей, стремление к самоутверждению, индивидуализм и недостаточность развития навыков командной работы. При этом отмечается, что они более социально зрелы и компетентны. Все это говорит о противоречивости психологического портрета современных молодых людей, что определяет специфику восприятия ими своей жизни и деятельности, которая у студентов реализуется в учебно-профессиональном виде. Успешность учебно-профессиональной деятельности является многомерным понятием, включающим как академические показатели, так и опыт обучающихся. Именно субъективные представления студентов об успешности своей учебы в вузе рассматриваются в психологии через понятия «образовательный опыт», «опыт обучающихся», «студенческий опыт», содержание которых определяется разными авторами по-своему: через удовлетворенность обучением, вовлеченность в учебный процесс, переживание успешности в обучении

(поведенческий и эмоциональный аспекты) [Bunce et al. 2016; Matus et al. 2021; Kuhu 2013] и др.

Переориентация современного высшего образования с понимания студента как потребителя образовательных услуг на видение его субъектом своей учебно-профессиональной деятельности обуславливает актуальность исследования того, как студенты представляют свой образовательный опыт, насколько процесс и результаты их обучения соотносятся с потребностями, интересами, ценностями и жизненными планами, насколько они видят в нем ресурс для дальнейшего своего профессионального и личностного развития.

Студенчество охватывает наиболее активный период жизни молодого человека, в процессе которого происходит становление Я-концепции, личностной и профессиональной идентичности, мировоззрения. В связи с этим следует ожидать, что успешность обучения в вузе будет определять субъективное благополучие молодого человека в различных жизненных сферах. Этот возраст окрашен яркими переживаниями взросления, освоения новых социальных ролей, погружения в новую деятельность, которая, в отличие от учебной деятельности в школе, требует большей самостоятельности, самоуправления, автономии (как в учебе, так и межличностных отношениях). Все это может привести к состоянию эмоционального напряжения, чувству тревоги и эмоционального неблагополучия как компонента субъективного неблагополучия.

Субъективное благополучие рассматривается в науке в разных аспектах, но большинством исследователей понимается через ощущение человеком своей жизни, своего места в ней, степенью удовлетворенности ее различными сферами [Самохвалова, и др. 2021].

Исследования показывают, что субъективное благополучие студентов возрастает от курса к курсу [Козьмина 2013]. Однако обучение в вузе закономерно не проходит гладко: на 1-м и 3–4-м курсах нормативен кризис профессионального самоопределения, проявляющийся у первокурсников в разочаровании в изначальном выборе профессии, а у студентов 3–4-го курсов как изменение отношения к выбранной профессии в результате более глубокого погружения в предметную область. Поэтому само отношение студента к своему обучению, понимание своих ресурсов, продуктивности, перспектив может определить и качество переживаний своей жизни в целом на данном этапе. Изучение взаимосвязи данных конструкторов и определило цель эмпирического исследования.

Эмпирическое исследование

Участниками исследования стали студенты ($n = 479$, 210 юношей и 269 девушек) 1–5-го курсов очной формы обучения из вузов г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, г. Орла, г. Ростова-на-Дону и г. Таганрога.

Был применен метод опроса с использованием опросника образовательного опыта студентов (ООС) Н.А. Лызь, Е.В. Голубевой, О.Н. Истратовой [Лызь и др. 2022] и шкалы субъективного благополучия (А. Перуэ-Баду, адаптация М.В. Соколовой) [Соколова 1996].

Опросник образовательного опыта студентов позволяет выявить их субъективные представления о своей учебно-профессиональной деятельности по пяти компонентам, составляющим шкалы опросника: удовлетворенность, интенция к расширению опыта, самоэффективность и поддержка, опыт саморегулируемого обучения, вовлеченность. Общий показатель ООС отображает субъективные представления студентов об их образовательной успешности.

Шкала субъективного благополучия, согласно авторам методики, отражает эмоциональный компонент благополучия (эмоциональный комфорт) по следующим компонентам: напряженность и чувствительность, психоэмоциональная симптоматика, изменения настроения, значимость социального окружения, самооценка здоровья, удовлетворенность повседневной деятельностью. В исследовании был изучен именно данный компонент, так как на основе теоретического анализа было выяснено, что студенческий возраст характеризуется достаточной эмоциональной нестабильностью и напряженностью молодых людей, значимости социального окружения в новой среде.

Статистический анализ результатов проводился с применением критерия U Манна–Уитни и метода ранговой корреляции Спирмена. Для расчетов был применен статистический пакет SPSS.

По результатам опросника ООС общая выборка была поделена по уровню общего показателя ООС: низкий уровень общего показателя – неблагоприятный ООС – 71 чел. (15%), средний уровень общего показателя ООС – среднеблагоприятный ООС – 345 чел. (72%) и высокий уровень общего показателя – благоприятный ООС – 63 чел. (13%) (рис. 1).

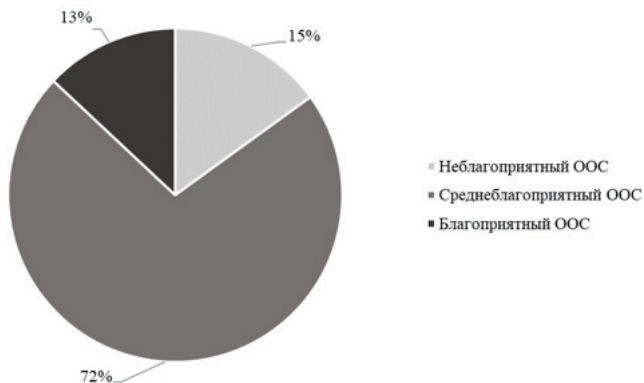

Рис. 1. Распределение респондентов по степени благоприятности образовательного опыта

В дальнейшем анализе результатов был применен метод контрастных групп, при котором сравнивались результаты в двух подгруппах студентов: с неблагоприятным ($n = 71$) и благоприятным ($n = 63$) образовательным опытом.

Рассмотрим, как студенты представляют свое обучение в вузе с точки зрения его успешности (рис. 2).

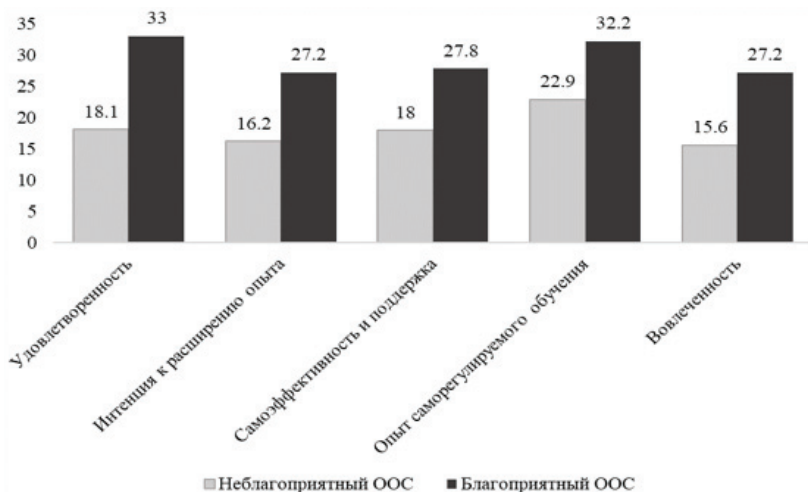

Рис. 2. Показатели образовательного опыта в подгруппах с благоприятным и неблагоприятным ООС

Статистическая обработка полученных результатов показала, что по всем параметрам ООС студенты с благоприятным образовательным опытом в целом на достоверном уровне оценивают его более успешным и по отдельным параметрам:

- 1) они высоко оценивают результаты своего обучения, подчеркивают, что в целом оно соответствует их ожиданиям, потребностям и интересам («удовлетворенность»: $U_{эмп} = 4469,5$; $p = 0,00$);
- 2) они выражают намерение получать опыт не только в рамках предлагаемых вузом форм обучения, но и участвовать в мастер-классах, проходить факультативные онлайн-курсы, практиковаться и стажироваться дополнительно («интенция к расширению опыта»: $U_{эмп} = 4349,5$; $p = 0,00$);
- 3) они уверены в своих силах в решении учебно-профессиональных и коммуникативных задач, причем рассчитывают на благожелательность и поддержку как преподавателей, так и одногруппников («самоэффективность и поддержка»: $U_{эмп} = 4356,0$; $p = 0,00$);
- 4) они лучше справляются с заданиями для самостоятельной работы, могут сами планировать и распределять свое время и силы, контролировать результаты учебы и при необходимости самостоятельно корректировать их («опыт саморегулируемого обучения»: $U_{эмп} = 4346,0$; $p = 0,00$);
- 5) они вовлечены в учебу: осознают цели, готовы вкладывать усилия, проявляют активность и эмоционально положительное отношение к выполняемой деятельности («вовлеченность»: $U_{эмп} = 4414,0$; $p = 0,00$).

Иначе говоря, студенты второй группы оценивают свой образовательный опыт как успешный, отвечающий их мотивации и интересам, они готовы развиваться и личностно, и профессионально, вкладывая свои усилия, грамотно регулируя свою образовательную деятельность, применяя навыки самоуправляемого обучения.

Студенты с низким уровнем общего показателя образовательного опыта (группа 1) демонстрируют низкие показатели образовательного опыта по всем параметрам:

- 1) они не уверены, что в процессе учебно-профессиональной деятельности полностью удовлетворяются их интересы и потребности (возможно, здесь сказывается неадекватность мотивации и кризис выбора профессии, так как в этой группе 44% составляют первокурсники) («удовлетворенность»: $U_{эмп} = 4469,5$; $p = 0,00$);
- 2) они не стремятся расширять свой опыт в других активностях, приобретать компетенции за пределами формального

обучения («интенция к расширению опыта»: $U_{\text{эмп}} = 4349,5$; $p = 0,00$);

- 3) у них низкая уверенность в своих силах в решении учебных и профессиональных задач, в том числе из-за проблем во взаимодействии с преподавателями и одногруппниками («самоэффективность и поддержка»: $U_{\text{эмп}} = 4356,0$; $p = 0,00$);
- 4) они испытывают трудности в планировании, коррекции и в целом – в управлении собственной учебной деятельностью («опыт саморегулируемого обучения»: $U_{\text{эмп}} = 4346,0$; $p = 0,00$);
- 5) у них нет осознания целей своей учебы, а соответственно, и желания вкладывать силы в нее («вовлеченность»: $U_{\text{эмп}} = 4414,0$; $p = 0,00$).

Можно сказать, что студенты данной группы субъективно оценивают свою учебно-профессиональную деятельность как неуспешную, чуждую им, не отвечающую истинным потребностям и интересам.

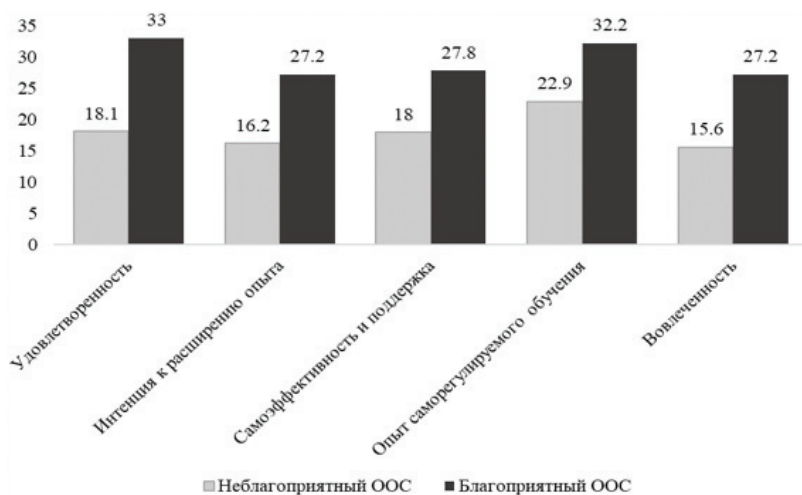

Рис. 3. Показатели субъективного благополучия в подгруппах с благоприятным и неблагоприятным ООС¹

¹ Следует принять во внимание, что шкалы опросника субъективного благополучия имеют обратную интерпретацию: чем выше значение, тем ниже уровень субъективного благополучия по изучаемому параметру.

Субъективная оценка своей успешности в учебно-профессиональной деятельности, которая является ведущей в юношеском возрасте, переходя в профессиональную в молодости, находит свое отражение в психологическом благополучии, эмоциональный компонент которого изучен нами у студентов обеих рассматриваемых групп по компонентам, отражающим эмоциональное состояние, комфорт во взаимоотношениях с социальным окружением, отношение к деятельности и удовлетворенность ею, некоторые физические симптомы (рис. 3).

Статистическая обработка полученных результатов показала, что студенты с благоприятным образовательным опытом достоверно выше оценивают свое благополучие по всем компонентам. Выявлено, что по всем показателям субъективного благополучия студенты с неблагоприятным образовательным опытом находятся на среднем уровне. Также средние показатели демонстрируют студенты с благоприятным образовательным опытом по таким шкалам, как «напряженность и чувствительность», «признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику». Это означает, что, как и для респондентов первой группы, студентам нелегко учиться, от перегрузок им хочется уединиться. Эти переживания сопровождаются чувством беспокойства, состоянием раздражительности и рассеянности. Однако для студентов с благоприятным образовательным опытом эти эпизоды статистически достоверно более редки («напряженность и чувствительность»: $U_{эмп} = 909,0$; $p < 0,001$; «признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику»: $U_{эмп} = 751,5$; $p < 0,001$). Конечно, студенческая жизнь и не должна быть легкой. Исследование, проведенное нами ранее относительно успешности студентов в онлайн-обучении [Истратова, Лызь 2020], показало, что напряженность, эпизоды усталости и рассеянности испытывают как успешные, так и неуспешные обучающиеся. Скорее всего, переживание ими напряженности зависит от мотивации обучения: напряженность вследствие сосредоточенности на решении сложной задачи или как показатель дезорганизации деятельности и неспособности студента справиться с нагрузками.

Большинство показателей субъективного благополучия у студентов с благоприятным образовательным опытом находятся на высоком уровне, статистически достоверно превышающим показатели студентов с неблагоприятным образовательным опытом: они менее подвержены плохому настроению и характеризуются более оптимистичным модусом восприятия («изменения настроения»: $U_{эмп} = 529,0$; $p < 0,001$). Это подтверждают и результаты диагностики их образовательного опыта: они верят в свои силы в решении по-

ставленных задач и в то, что всегда могут рассчитывать на помощь окружающих (шкала «самоэффективность и поддержка»). Они высоко оценивают благополучие во взаимоотношениях в семье и с друзьями, чаще готовы к совместной деятельности («значимость социального окружения»: $U_{\text{эмп}} = 253,0; p = 0,00$). Данный показатель качества жизни сегодня не всеми молодыми людьми понимается как ресурсный: многие считают, что попросить о помощи – значит показать свою слабость. А многие не владеют навыками эффективной коммуникации, недооценивая его как важный гибкий навык для любой профессии.

Для студентов, оценивающих свой образовательный опыт как успешный, также характерна высокая оценка своей физической формы и в целом – своего жизненного тонуса («самооценка здоровья»: $U_{\text{эмп}} = 739,5; p < 0,001$). Важно подчеркнуть, что при статистически достоверных различиях в данном показателе у студентов, оценивающих свой образовательный опыт как неуспешный, оценка своего здоровья находится на границе среднего и высокого уровней. Можно предположить, что направленность современных молодых людей на здоровый образ жизни как одна из характеристик поколения Z может быть реализована не обязательно посредством основного вида деятельности – учебно-профессиональной – и напрямую может и не быть связана с ней.

Еще один показатель субъективного благополучия, на наш взгляд, напрямую связанный с успешностью обучения в вузе, – это «степень удовлетворенности повседневной деятельностью», которая включает в себя не только эмоционально положительное отношение к деятельности и ее результатам, но также и переживание вовлеченности или скуки. Для студентов с благоприятным образовательным опытом этот показатель достоверно выше ($U_{\text{эмп}} = 224,5, p = 0,00$). Если допустить, что все-таки именно учебно-профессиональная деятельность в различных ее формах (занятия в вузе, онлайн-обучение, практики, матер-классы и т. д.) для студента является повседневной, то вовлеченность в нее и удовлетворенность напрямую связаны с образовательным опытом и степенью его успешности.

Для изучения взаимосвязей между компонентами образовательного опыта и субъективного благополучия был проведен корреляционный анализ, который показал, какие компоненты имеют наиболее сильные связи (рис. 4).

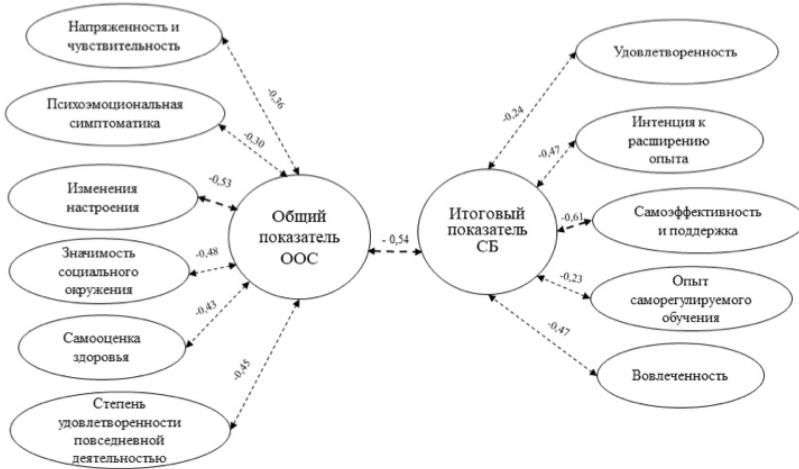

Рис. 4. Корреляции общих показателей образовательного опыта студентов (ООС) и субъективного благополучия (СБ) с их компонентами

В результате корреляционного анализа выявлены достоверные связи между всеми компонентами образовательного опыта и субъективного благополучия, а также их итоговыми показателями ($r = -0,54$; $p \leq 0,01$). Учитывая, что в шкале субъективного благополучия обратная интерпретация, мы получаем подтверждение исходного теоретического положения о том, что образовательный опыт студентов и их субъективное благополучие взаимосвязаны.

Большинство связей средней силы взаимобратны. Наибольшая связь ($r = -0,63$; $p \leq 0,01$), близкая к сильной, обнаружена между общим показателем СБ и таким компонентом ООС, как «самоэффективность и поддержка», что подкрепляется умеренной взаимосвязью общего показателя ООС и подшкалы СБ «значимость социального окружения» ($r = -0,48$; $p \leq 0,01$). Можно сказать, что поколение современных студентов нуждается в поддержке окружения, именно в таких условиях они верят в свои силы, что определяет их эмоциональный комфорт в целом. Недаром поколение Z называют еще и «поколением снежинок», как сомневающееся в своих силах, «опускающее руки» при подчас малейшей трудности, нуждающееся в постоянном подчеркивании достижений. Также стоит обратить внимание на взаимосвязь общего показателя образовательного опыта и подшкалы «измене-

ние настроения» ($r = -0,53$; $p \leq 0,01$): результат демонстрирует эмоциональную окрашенность и значимость учебно-профессиональной деятельности и ее успешности в общем субъективном благополучии молодых людей. Можно сказать, что среди студентов нет равнодушных к своей учебе, она значима для них как в позитивном, так и негативном модусе. Умеренная взаимосвязь общего показателя СБ с такими компонентами ООС, как «вовлеченность» и «интенция к расширению опыта» ($r = -0,47$; $p \leq 0,01$), может быть проинтерпретирована как ресурс студентов, который дает осмысленность выполняемой деятельности и сказывается на чувстве наполненности жизни.

Итак, результаты эмпирического исследования показали, что образовательный опыт студентов как их субъективное представление своей образовательной успешности и субъективное благополучие (в его эмоциональном компоненте) взаимосвязаны. Это подчеркивает значимость учебно-профессиональной деятельности в становлении молодого человека как личности и профессионала.

Стоит отметить, что умеренность и средней степени взаимосвязи между изучаемыми данными показывают, что субъективное благополучие определяется целым спектром жизненных сфер человека, где образовательная деятельность – одна из них. Однако изучение именно поведенческих и эмоциональных проявлений студенческого опыта, помимо удовлетворенности и сформированных компетенций, может наметить пути оптимизации обучения студентов в вузе с опорой на их внутренние ресурсы.

Литература

- Буцык 2018 – *Буцык С.В.* «Цифровое» поколение в вузах и школах российского региона: настоящее и будущее // Стратегические приоритеты. 2018. № 4 (20). С. 136–145.
- Иванов, Колоколов 2019 – *Иванов Д.Е., Колоколов Г.Р.* Влияние учебной нагрузки на уровни депрессии и тревоги у студентов вуза // Медицина труда и промышленная экология. 2019. Т. 59. № 9. С. 634–635. DOI: 10.31089/1026-9428-2019-59-9-634-635.
- Истратова, Лызь 2020 – *Истратова О.Н., Лызь Н.А.* Индивидуальные особенности студентов как фактор эффективности онлайн-обучения // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4 (33). С. 326–330. DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0074.
- Козьмина 2013 – *Козьмина Л.Б.* Динамика психологического благополучия студентов-психологов в период обучения в вузе // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 118–120.

- Лызь, Голубева, Истратова 2022 – *Лызь Н.А., Голубева Е.В., Истратова О.Н.* Образовательный опыт студентов: концептуализация и разработка инструмента оценки качества образования // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 67–98. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-67-98.
- Марцинковская, Полева 2017 – *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1. С. 24–37. URL: <https://gucont.ru/efd/602585>.
- Самохвалова и др. 2021 – *Самохвалова А.Г., Тихомирова Е.В., Вишневская О.Н., Шилова Н.С.* Субъективное благополучие студентов, поступивших в вуз на разные направления подготовки // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 2. С. 32–38. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-32-38>.
- Соколова 1996 – *Соколова М.В.* Шкала субъективного благополучия. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 1996. 12 с.
- Тарасова 2020 – *Тарасова Е.М.* Некоторые психологические особенности студентов поколения Z // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 62–70. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-62-70.
- Bunce et al. 2016 – *Bunce L., Baird A., Jones S.E.* The Student-As-Consumer Approach in Higher Education and Its Effects on Academic Performance // *Studies in Higher Education*. 2016. Vol. 42. No. 11. P. 1–21. DOI: 10.1080/03075079.2015.1127908.
- Kahu 2013 – *Kahu E.R.* Framing Student Engagement in Higher Education // *Studies in Higher Education*. Vol. 38. No. 5. P. 758–773. DOI: 10.1080/03075079.2011.598505.
- Matus et al. 2021 – *Matus N., Rusu C., Cano S.* Student eXperience: A Systematic Literature Review // *Applied Sciences*. Vol. 11. No. 20. Art. no. 9543. DOI: <https://doi.org/10.3390/app11209543>.

References

- Bunce, L., Baird, A. and Jones, S.E. (2016), “The Student-As-Consumer Approach in Higher Education and Its Effects on Academic Performance”, *Studies in Higher Education*, vol. 42, no. 11, pp. 1–21. DOI: 10.1080/03075079.2015.1127908.
- Butsyk, S.V. (2018), “ ‘Digital’ generation in the educational system of the Russian region. The present and the future”, *Strategic priorities*, no. 4 (20), pp. 136–145.
- Ivanov, D.E. and Kolokolov, G.R. (2019), “Influence of academic load on the levels of depression and anxiety among university students”, *Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*, vol. 59, no. 9, pp. 634–635. DOI: 10.31089/1026-9428-2019-59-9-634-635.
- Istratova, O.N. and Lyz', N.A. (2020), “Students’ individual features as a factor of online learning efficiency”, *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 9, no. 4 (33), pp. 326–330. DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0074.

- Kahu, E.R. (2013), "Framing Student Engagement in Higher Education", *Studies in higher education*, vol. 38, no. 5, pp. 758–773. DOI: 10.1080/03075079.2011.598505.
- Koz'mina, L.B. (2013), "Dynamics of psychological well-being of psychology students with major in psychology during their education in higher school", *Theory and Practice of Social Development*, no. 11, pp. 118–120.
- Lyz', N.A., Golubeva, E.V. and Istratova, O.N. (2022), "Students' educational experience: the conceptualization and development of a tool for the assessment of educational quality", *Educational Studies*, no. 3, pp. 67–98. DOI: 10.17323/1814-9545-2022-3-67-98.
- Martsinkovskaya, T.D. and Poleva, N.S. (2017), "Generations of the era of transitivity. Values, identity, communication", *World of Psychology*, no. 1, pp. 24–37. URL: <https://rucont.ru/efd/602585>.
- Matus, N., Rusu, C. and Cano, S. (2021), "Student eXperience: A Systematic Literature Review", *Applied Sciences*, vol. 11, no. 20, art. no. 9543, DOI:10.3390/app11209543.
- Samokhvalova, A.G., Tikhomirova, E.V., Vishnevskaya, O.N. and Shipova, N.S. (2021), "Subjective well-being of students enrolled in different fields of study", *Vestnik of Kostroma State University, Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, vol. 27, no. 2, pp. 32–38. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-32-38>.
- Sokolova, M.V. (1996), *Shkala sub"ektivnogo blagopoluchiya* [Scale of subjective well-being], NPTs "Psikhodiagnostika", Yaroslavl, Russia.
- Tarasova, E.M. (2020), "Some psychological features of generation Z students", *Bulletin of the Moscow region state university. Series "Psychology"*, no. 2, pp. 62–70. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-62-70.

Информация об авторе

Оксана Н. Истратова, кандидат психологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1;

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105, корп. 42, on.istratova@mpgu.su

Information about the author

Oksana N. Istratova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Russia, Moscow; bldg. 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991;

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; bld. 105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Russia, 344006; on.istratova@mpgu.su

УДК 159.922.7

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-92-111

Возрастные особенности
развития компонентов эмоционального интеллекта
у детей старшего дошкольного возраста

Ольга А. Сорокина

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, toiolik@inbox.ru*

Лариса А. Иванова

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, rusaeropit@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основы развития компонентов эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста и практическое исследование этих компонентов. Приводятся основные новообразования дошкольного возраста, исследованные отечественными учеными. Дан анализ современного состояния становления компонентов эмоционального интеллекта у дошкольников разных возрастных групп (5–6 лет и 6–7 лет).

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональное развитие дошкольников, эмоции, эмоциональная сфера дошкольников, особенности развития эмоциональной сферы, эмоциональные новообразования

Для цитирования: Сорокина О.А., Иванова Л.А. Возрастные особенности развития компонентов эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 92–111. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-92-111

Age-related features of the development of components of emotional intelligence in older preschool children

Ol'ga A. Sorokina

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
moiolik@inbox.ru*

Larisa A. Ivanova

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
rusaeropit@mail.ru*

Abstract. The article considers the basics for developing the components of emotional intelligence in older preschool children and the practical study of those components. The main new formations of preschool age studied by Russian scientists are presented. The analysis of the current state in developing the components of emotional intelligence in preschoolers of different age groups (5–6 years and 6–7 years) is given.

Keywords: emotional intelligence, emotional development of preschoolers, emotions, emotional sphere of preschoolers, features of the development of the emotional sphere, new emotional formation

For citation: Sorokina, O.A. and Ivanova, L.A. (2024), “Age-related features of the development of components of emotional intelligence in older preschool children”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 1, pp. 92–111, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-92-111

Относительно недавно психологическая наука знала достаточно мало о природе эмоций. Но сегодня ситуация кардинально изменилась, и изучение человеческих эмоций является осознанной необходимостью.

В последнее время мы часто сталкиваемся с информационными сообщениями о все новых эпизодах, связанных с нарушением безопасности граждан и нарушением их личных границ. Неконтролируемый гнев и агрессия приводят к трагедиям, о которых нам рассказывают средства массовой информации. Но ведь эти новости отражают, в том числе, и наше собственное неумение управлять своими эмоциями, только распространяющееся на общество в целом. Это относится как к конкретной личности, так и к ее окружению: в любое время мы можем встретиться с проявлением аффекта, выражаемого самыми различными способами. И очень важно, как мы можем реагировать на эти эмоциональные вспышки, как можем относиться к ним.

В дошкольном детстве активно формируются личностные качества ребенка, его психические функции и психологические процессы проходят этап серьезного преобразования. У детей активно развивается эмоциональная сфера, идентитет (осознание и оценка самого себя как личности), навык самонаблюдения, умение встать на позицию другого человека, учитывая при этом потребности и чувства этого человека.

Некоторые ученые (Ю.А. Афонькина) отмечают, что с возрастом дети становятся менее чувствительными и снижается их эмпатия. Исследования Ю.А. Афонькиной свидетельствуют о «росте числа детей с нарушениями психоэмоционального развития. У таких детей наблюдаются эмоциональная неустойчивость, враждебность, агрессивность и тревожность», что серьезно затрудняет их социальное взаимодействие [Афонькина, 2014].

В настоящее время федеральный государственный образовательный стандарт в области образования дошкольников делает акцент на сохранении и укреплении эмоционального здоровья детей, в том числе их ментального благополучия. Одним из приоритетных направлений в области социально-коммуникативного развития является развитие эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости, способности к сопереживанию и формированию готовности к совместной деятельности.

Вопросы становления личности дошкольника хорошо изучены в отечественной и зарубежной педагогике и психологии. Многие исследователи (Ю.А. Афонькина, А.А. Бодалев, Л.И. Божович, Г.М. Бреслав, Л.С. Выготский, Ю.Б. Гиппенрейтер, Ч. Дарвин, У. Джемс, М.И. Дьяченко, Н.С. Ежкова, Т.И. Ерофеева, А.В. Запорожец, А.Г. Злобин, К. Изард, Е.И. Изотова, Е.П. Ильин, И.О. Карелина, О.Б. Конева, А.Д. Кошелева, Э. Клапаред, Ф. Крюгер, И.Ю. Кулагина, Г. Ланге, А.Н. Леонтьев, Д.В. Люсин, В.С. Мухина, Я.З. Неверович, Е.В. Никифорова, О.С. Никольская, С.Л. Рубинштейн, Ж.П. Сартр, И.А. Сикорский, П.В. Симон, Е.О. Смирнова, Л.П. Стрелкова, Л. Телегина, Г.А. Урунтаева, Д.И. Фельдштейн, В.В. Холмовская, Г.Х. Шингаров, А.М. Щетинина, П.М. Якобсон и другие) единодушны в том, что эмоции и чувства играют важную роль в становлении личности ребенка, особенно ребенка дошкольника.

По мнению А.М. Щетининой, до сих пор недостаточно изучены особенности восприятия и понимания эмоциональных состояний человека у детей различного дошкольного возраста. Неясны условия и механизмы успешного понимания состояний людей разного возраста детьми, а также уровни этого понимания. Не определено, какие из основных признаков восприятия служат ключом для по-

нимания определенной экспрессии и какие эталоны экспрессии сформированы у детей дошкольного возраста. В связи с этим нужны дальнейшие исследования для понимания этих особенностей и путей их развития [Щетинина 1984b].

Ю.А. Лаптева, изучая развитие чувственной сферы у детей дошкольного возраста, отмечает разнообразие методологических подходов в научных исследованиях на эту тему. Наличие различных концептуальных подходов и противоречивость в их результатах, а также объективные трудности в изучении эмоций делают эту проблему очень сложной для исследования, но важной для практики современного образования [Лаптева 2016а].

Отечественные ученые, такие как И.Н. Андреева, Е.И. Изотова, В. Коврига, Д.В. Люсин, М.А. Манойлова, Э.Л. Носенко, А.С. Петровская, Е.А. Сергиенко и другие, занимаются разработкой проблемы эмоционального интеллекта.

Проанализировав общенаучные данные, мы пришли к выводу, что эмоциональный интеллект является интеграцией особых умений и навыков личности в отношении понимания и управления эмоциями. Данные умения вырабатываются в течение всей жизни человека, и на качество этих умений влияют различные факторы. Он включает в себя несколько компонентов, которые определяют его структуру и функции.

Чувственное развитие ребенка представляет собой комплексное развитие его эмоциональной сферы, и происходит это развитие в процессе его социализации. В ходе исследований выявлено несколько подходов к изучению эмоционального развития детей, каждый из которых имеет свою, обоснованную автором, точку зрения.

В границах общих закономерностей эмоционального развития в период дошкольного возраста Ю.А. Лаптева фокусирует свое внимание на трех векторах этого развития: развитие эмоционально-экспрессивное, развитие социальных эмоций и развитие управления эмоциями в поведении и общении [Лаптева 2017].

С точки зрения онтогенетической в эмоциональном развитии ребенка дошкольного детства выделяют несколько закономерностей, которые определяют этот процесс [Изотова 2004]:

- отрыв эмоции и эмоциональной реакции от конкретной ситуации;
- увеличение, рост эмоционального опыта. Ребенок расширяет сферу общения со сверстниками и взрослыми, получая новый эмоциональный опыт;
- основным видом деятельности дошкольника является игра, а у старшего дошкольника – сюжетно-ролевая игра. Именно в игре дети взаимодействуют друг с другом, учатся пони-

мать выражения лица и различать разные эмоциональные состояния;

- эмоции и их выражение становятся все более социальными. Дети учатся управлять своими эмоциями и эмоциональными вспышками. При этом они научаются контролировать свои состояния и экологично выражать эмоции;
- развивается и обогащается словарь эмоций;
- расширяя свой опыт общения, дети все больше узнают об эмоциях и не только об их названиях, но и их смысловой стороне;
- дети учатся понимать причины эмоций, смысл и способ выражения своего эмоционального состояния, появляется механизм эмоционального «предвосхищения», то есть предвидения отдаленных последствий своих поступков.

С точки зрения деятельностного подхода смысл возрастного эмоционального развития составляют новые эмоциональные комплексы, называемые эмоциональными новообразованиями, которые формируются на разных этапах развития личности (Л.И. Божович, Г.М. Бреслав, А.В. Запорожец, Я.З. Неверович, И.М. Юсупов и другие).

Г.М. Бреслав, Л.И. Божович, А.В. Запорожец, Е.И. Изотова, Я.З. Неверович, И.М. Юсупов, рассматривающие эмоциональное развитие детей с позиций деятельностного подхода, выявили ряд особенностей. Они отмечали, что в онтогенезе эмоциональные новообразования формируются следующим образом.

1. «Комплекс оживления» – эмоция появляется в результате практического взаимодействия ребенка со значимым взрослым и проявляется в виде улыбки, гуления, усиленных движений ног и рук. По представлению А.В. Запорожца, эта эмоция является основой для всего дальнейшего эмоционального формирования человека. Появляется группа морально-нравственных эмоций, которая играет важную роль в формировании индивидуальности ребенка, в становлении его активной жизненной позиции. Происходит усвоение созданных обществом ценностей.

2. Происходит социализация эмоций в виде эмоциональной децентрации, которая рассматривается в отечественной психологии как инструмент совладания со своей эгоцентричностью, т. е. способность встать на позицию другого человека. В дальнейшем появляются более сложные и новые для ребенка формы переживаний, такие как эмпатия, проявляющиеся в виде сопереживания, сочувствия, содействия. Однако появление эмпатии ставится в тесную зависимость от наличия благоприятных социальных факторов.

3. Появление механизмов регуляции эмоций: эмоционального предвосхищения и эмоциональной коррекции поведения. Эмоциональное предвосхищение (А.В. Запорожец, Я.З. Неверович) проявляется в форме прогнозирования (предвосхищения) ближайших (ранний возраст) и отдаленных (дошкольный возраст) последствий своих и чужих поступков [Запорожец 1986, с. 258–259]. По мнению Е.И. Изотовой, умение регулировать свое поведение является одним из главных эмоциональных комплексов, появляющихся в старшем дошкольном возрасте, и связан он общим ходом когнитивного развития ребенка. Она считает это умение главным механизмом эмоциональной регуляции [Изотова, Никифорова 2004, с. 83].

4. Произвольность эмоциональных процессов (Л.И. Божович, Г.М. Бреслав, А.В. Запорожец, Е.И. Изотова, Я.З. Неверович, Е.В. Никифорова) представляет собой способность ребенка осознанно подчинять свои желания поставленным целям. Она является результатом всего психического развития ребенка на протяжении его детства.

5. Вербализация эмоций (О.В. Гордеева, В.А. Лабунская, М.И. Лисина и другие), т. е. способность ребенка понимать названия эмоций и использовать их для обозначения своих переживаний, которая происходит в соответствии с возрастными нормами усвоения словаря эмоций. По данным зарубежных исследователей, начало усвоения словаря эмоций приходится на ранний возраст (1,5–2 года). В возрасте 1–3 лет дети начинают называть эмоции и других людей не хуже, чем свои. В дальнейшем наблюдается тенденция к обогащению (расширению) словаря эмоций.

В старшем дошкольном возрасте для детей характерно более адекватное проявление эмоций, эмоциональные вспышки становятся менее сильными, а мелкие конфликты перестают вызывать серьезные проблемы. Они научаются контролировать свои эмоциональные состояния и могут самостоятельно выходить из них в соответствии с социальными нормами или правилами игры. Дети начинают осознавать и понимать сложные эмоции, такие как обида, стыд, вина, а к 7 годам они могут распознавать и понимать еще более сложные эмоции, например, отвращение, презрение и удивление.

Увеличивается активный и пассивный словарь обозначения эмоциональных состояний. Благодаря появлению обобщенных понятий обозначение эмоциональных состояний становится вербально более структурированным.

В этом возрасте дети могут осознавать, что можно испытывать как положительные, так и отрицательные эмоции одновременно

в отношении одного и того же человека либо в одной и той же ситуации. Однако им может быть еще трудно смириться с этими смешанными эмоциями или понять их.

Повышается уровень понимания и идентификации детьми эмоциональных состояний, и это не зависит от способа их выражения. Восприятие экспрессии становится более дифференцированным. Ближе к шести годам дети начинают рассматривать состояние человека как объект познания, а экспрессия становится весьма значимым сигналом.

Появляется эмпатийное переживание, содержание которого определяется характером мотивации личности ребенка. При эгоцентрической мотивации эмпатия проявляется как сопереживание, при этом мотивация направлена на удовлетворение личных потребностей. При альтруистической мотивации эмпатия проявляется как сочувствие и направлена преимущественно на удовлетворение потребностей других людей.

Появляется эмоциональная коррекция поведения. Дети начинают осознанно контролировать свои эмоции и подчинять свои непосредственные желания сознательным целям. Ребенок может сознательно и намеренно скрывать свои чувства от других.

Актуальность изучения эмоционального интеллекта и его развития у дошкольников вызывает интерес у множества исследователей, таких как И.Н. Андреева, Н.С. Ежкова, Е.И. Изотова, В.К. Загвоздкин, Р. Нассар, М.А. Нгуен, Е.А. Сергиенко, Н.В. Соловьева, В.С. Юркевич и других. Авторы исследований считают, что эмоциональный интеллект дошкольников развивается по онтогенетическому принципу и характеризуется появлением новых эмоциональных комплексов. Эти эмоциональные комплексы, называемые эмоциональными новообразованиями, включают в себя такие параметры, как отрыв эмоциональной реакции ребенка от конкретной ситуации; амплификацию эмоционального опыта ребенка; способность идентифицировать эмоции по экспрессивным признакам; появление опыта выражения эмоций социально приемлемым способом; появление эмоционального словаря; становление понимания причин возникновения эмоций и последствий, к которым они могут привести; появление опыта управления эмоциями (Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, А.Д. Кошелева, М.А. Нгуен, А.М. Щетинина и другие).

В состав эмоционального интеллекта входит когнитивный, аффективный и реактивный компоненты. Е.И. Изотова считает, что компоненты не имеют четких границ, имеют подвижную структуру и находятся в активном взаимодействии. Кроме того, для каждого возрастного периода (ранний, дошкольный, младший школьный,

подростковый) характерно различное сочетание указанных компонентов.

В старшем дошкольном возрасте дети начинают осознавать и понимать сложные эмоции, такие как обида, стыд, вина, а к 7 годам они могут распознавать и понимать еще более сложные эмоции, например, отвращение, презрение и удивление. У детей появляется вербализация эмоций, то есть словесное их обозначение и соединение слов со смыслом обозначаемой эмоции. В словаре и опыте ребенка появляются названия эмоций и чувств. Ребенок сначала понемногу, а затем все более обширно начинает использовать их в своей жизни. Развивается социализация эмоций, проявляющаяся в виде эмоциональной децентрации; появляются более сложные и новые для ребенка формы переживаний, такие как эмпатия, проявляющиеся в виде сопереживания, сочувствия, содействия. Появляются механизмы регуляции эмоций: эмоционального предвосхищения (в форме предвосхищения отдаленных последствий своих и чужих поступков) и эмоциональной коррекции поведения.

Дети начинают осознанно контролировать свои эмоции и подчинять свои непосредственные желания сознательным целям.

Описание эмпирического исследования

Эмпирическое исследование становления компонентов эмоционального интеллекта было проведено на базе детского сада города Москвы в двух возрастных группах: старшей группы 5–6 лет и подготовительной группы 6–7 лет. Общая выборка составила 30 детей по 15 детей в каждой группе.

Целью исследования было восприятие и понимание эмоций, развитие социальных переживаний и социальных эмоций в составе структуры эмоционального интеллекта дошкольников согласно выбранным методикам, а также описание и анализ результатов.

Исследование проходило в два этапа:

- оценка восприятия и понимания эмоций;
- оценка способности к эмоциональной децентрации (эмпатии) и наличие социальных переживаний (оценка способности к эмоциональному предвосхищению, наличие чувства долга, реакция на успехи сверстников).

В исследовании были использованы следующие методы и методики.

1-й этап – оценка восприятия и понимания эмоций.

Методика «Эмоциональная пиктограмма» разработана

Е.И. Изотовой для детей дошкольного и младшего школьного возраста и предназначена для определения особенностей компонентов (аффективный и когнитивный) эмоционального развития.

2-й этап – оценка способности к эмоциональной децентрации (эмпатии) и наличие социальных переживаний (оценка способности к эмоциональному предвосхищению, наличие чувства долга, реакция на успехи сверстников).

Методики:

1. Рисуночная методика «Рисунок самого красивого – самого некрасивого» (автор Т.Д. Марцинковская) для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Позволяет изучить социальные переживания ребенка старшего дошкольного – младшего школьного возраста, оцениваемые на основании умения отражать в рисунке эмоциональные эталоны противоположных модальностей.

2. Модифицированная методика «Изучение социальных эмоций» (авторы Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина) для детей дошкольного возраста от 3 до 7 лет позволяет определить сформированность социальных эмоций: отношение к сверстникам, понимание эмоционального состояния других людей, проявление заботы в отношении людей или животных, реакция на успехи сверстников (радуется или завидует)¹.

Обработка и анализ результатов

После обработки данных получены следующие результаты.

Основной формой кодирования слов-понятий является в равной степени кодирование через контекстную форму (40%) и через экспрессивный эталон (40%).

Однако если рассматривать возрастной аспект более детально, то видно, что в 5–6-летнем возрасте преобладающим (47%) является контекстное, ситуативное изображение эмоции, а на экспрессивную форму кодирования приходится лишь 33% рисунков. В более старшем возрасте ситуация меняется и мимический эталон использует почти половина детей (47%), а контекстную форму применяет только треть (33%). Смешанная форма кодирования остается на стабильном уровне и не оказывает существенного влияния на возрастную динамику (рис. 1).

---

¹ Урунтаева Г.А., Афонькина Ю.А. Практикум по детской психологии. М.: Просвещение: Владос, 1995. 291 с.

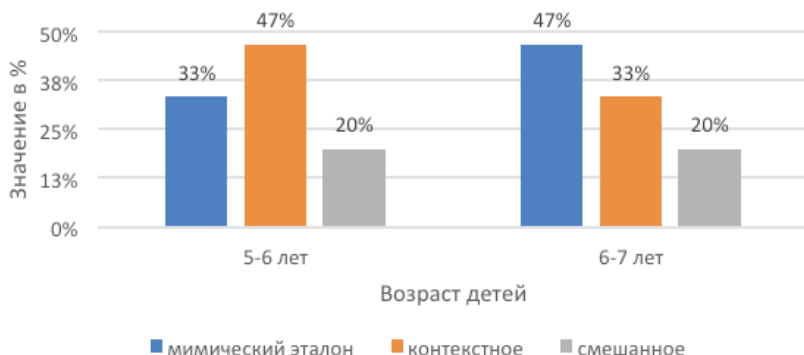

Рис. 1. Формы кодирования слов-понятий по возрасту, %

Основным видом вербализации эмоций в группе детей 5–7 лет стала вербализация через схему (цепочку) действий – 50%, через мимические эталоны – 30% и лишь 10% от общего количества детей могут вербализовать эмоции через обобщенные признаки.

Особенно значимо вербализация через схему действий видна в возрастной категории 6–7 лет (67%), а через мимический эталон и обобщенные характеристики всего лишь по 13%. В возрастной группе 5–6 лет данные показатели существенным образом различаются. Так, через схему действий вербализует свои эмоции только 40% испытуемых, и 47% предпочли способ вербализации через мимический эталон (рис. 2).

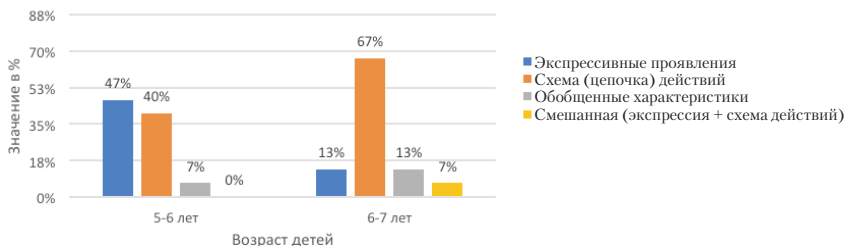

Рис. 2. Вербализация эмоций по возрастам, %

В ходе проведения исследования по данной методике были выявлены слова, которых дети не знают либо не могут объяснить. Можем предположить, что в опыте детей такие слова-понятия либо

отсутствуют, либо представлены минимально. Например, слова «зависть» и «ревность» в словарном запасе детей 5–6 лет отсутствуют (можно сделать вывод, что эти слова детям незнакомы). В группе 6–7-летних эти слова называют всего лишь 20% детей. Слово «зависть» иногда путают с обидой и удивлением.

Дети 5–6 лет часто путают слова: обиду с грустью – 13%; страх со злостью – 20%; не называют слова «стыд» – 67%. Слово «радость» отождествляют с такими словами, как: «радуга», «улыбка», «солнце», «веселье» – 50% детей.

В группе 6–7-летних детей картина меняется. Слово «радость» иными словами («веселье», «смех») называют уже только 7% детей. Слово «обида» путают со словом «грусть» 47% детей (возможно, возрастает эмоциональный опыт детей, и они ассоциируют обиду с ее последствиями, а это именно грусть); страх называют злостью только 7%; стыд путают с обидой 13%; не называют слова «стыд» уже лишь 20% испытуемых.

Преобладающей формой мыслительной деятельности ребенка старшего дошкольного возраста оказалась образная форма мыслительной деятельности (ФМД). Она составляет более 57% и выражается кодированием понятий через персонажи и сюжетные картины и образы. Вторым по частотности проявления – 30% – явилась схематическая ФМД, выражающаяся в кодировании понятий через мимические эталоны и пиктограммы. Знаковая форма в незначительном количестве случаев – 10%, что может говорить о ее несформированности в данном возрасте либо о зачатках ее формирования (рис. 3).

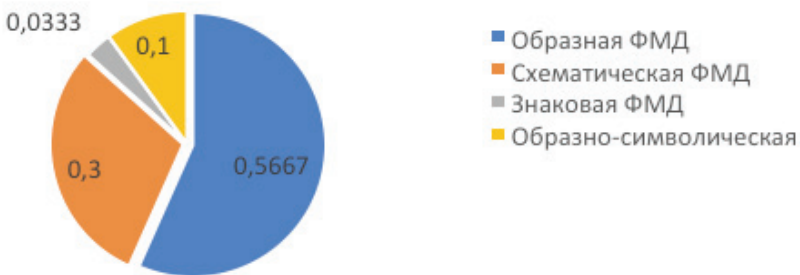

Рис. 3. Преобладающая форма мыслительной деятельности по выборке 5–7 лет, %

Уровень адекватности кодирования эмоций у 73% детей оказался на низком уровне. Низкий уровень предполагает адекватную

шифровку и словесное обозначение 3–6 понятий и недифференцированность эмоций по содержанию и проявлению. Это говорит о том, что основная часть детей после процедуры обследования воспроизводит очень мало слов-понятий, которые они сами закодировали, и образ кодирования не несет для них смысловой нагрузки. В группе 6–7 лет лишь 7% (один ребенок из выборки) имеет высокий уровень адекватности кодирования. Высокий уровень кодирования подразумевает адекватное воспроизведение 9–10 слов-понятий и говорит о том, что образ кодирования несет смысловую нагрузку и ребенок может вспомнить и воспроизвести этот образ. В группе 5–6 лет 27% (четверо) детей не вспомнили ни одного слова. В группе 6–7 лет таких детей уже не оказалось (рис. 4).

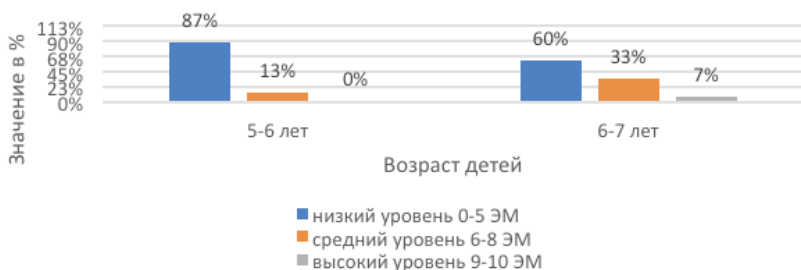

Рис. 4. Поуровневая дифференциация адекватности кодирования по возрастам, %

На основании анализа изображений по методике «Рисунок самого красивого – самого некрасивого» мы сделали вывод о том, что в рисунках детей преобладают рисунки природы (табл. 1).

Такие изображения встречаются в рисунках самого красивого в 37% случаев. Природу дети отображают в виде цветов, деревьев, солнца, моря, песка. Очевидно, что преобладание рисунков природы как самого красивого растет по мере расширения знаний детей об окружающем мире.

В рисунках самого некрасивого изображают природные явления (дождь, гроза, молнии), лужи, грязь, кусающих комаров. В возрасте 5–6 лет природные рисунки присутствуют в 20% случаев, в возрасте 6–7 лет – в 27% случаев. Как видим, здесь разница не столь очевидна, и явления природы в качестве самого некрасивого более связаны с эмоциональными ощущениями страха и отвращения.

Таблица 1

Результаты методики
«Рисунок самого красивого – самого некрасивого», %

Категория изображений	Рисунок самого красивого	Рисунок самого некрасивого
Природа	37	23
Дом	10	7
Транспорт	10	3
Животные	13	7
Люди	10	17
Иное	17	47

В рисунках самого некрасивого лидирует категория «Иное» – 47%, куда вошли абстрактные изображения (привидения, бьяки, каляки-маляки, геометрические фигуры), иные категории (флаги, мусор, картошка в ящике, зубы в ловушке).

13% детей в рисунках самого красивого изобразили животных (единорог, пчела, котик), а в рисунке самого некрасивого животные встречаются лишь в 8% случаев.

Дом, транспорт и люди встречаются в рисунках самого красивого в 10% случаев каждый. Дети рисуют в категории «Транспорт» машинки, поясняя свой рисунок желанием играть или иметь машинку. В категории «Люди» преобладают рисунки родственников в каких-либо сюжетных ситуациях. «Дом» встретился как объект посещения (аквапарк, садик).

Таблица 2

Уровень развития социальных переживаний
по результатам методики
«Самое красивое – самое некрасивое», %

Наименование группы	5–6 лет	6–7 лет
Группа 1: низкий уровень	27	10
Группа 2: средний уровень	55	20
Группа 3: средний уровень	18	50
Группа 4: высокий уровень	0	20

Парная обработка рисунков позволила выделить четыре группы детей, характеризующихся уровнем развития социальных переживаний (табл. 2).

По результатам нашего исследования мы можем сделать заключение о том, что у большинства дошкольников 5–7 лет (группы 2 и 3) сформированы представления о социальных нормах, правилах и ценностях (средний уровень, группа 1 плюс группа 2). В данной группе у детей имеются небольшие сложности с социализацией, недостаток эмоциональности и трудности с усвоением приемлемых способов выражения социальных эмоций. На данные результаты могут влиять различные факторы: условия воспитания в семье, уровень личностного развития ребенка и др. Эмоциональные переживания детей часто бывают невыраженными, они выражаются в формализации соблюдения социальных норм и правил.

Подтверждает этот вывод и показатель количества детей в 1-й группе (низкий уровень). Здесь к группе с низкими социальными переживаниями относится 27% детей 5–6 лет, а к 6–7 годам этот показатель снижается до 10%. Следовательно, к достижению школьного возраста количество детей с низким уровнем социализации уменьшается. Такая динамика дает возможность предположить, что расширение круга общения, расширение знаний и представлений об окружающем мире, получение специальных знаний при подготовке к школе, вовлечение в этот процесс родителей окажет положительное влияние на социализацию детей и их более успешную адаптацию в школе.

Методика «Исследование социальных эмоций» является текстовой и в исходном варианте не содержит количественной оценки. Для выявления наличия и развития социальных эмоций предлагается два вида беседы, которые проводятся индивидуально с каждым ребенком.

В 1-й беседе (первая серия, вопросы 1–6) ребенку предлагаются короткие вопросы о приемлемых и неприемлемых способах поведения в отношении других детей и животных. Вопросы по типу «можно ли?», «нужно ли?» позволяют детям легко угадать желательный ответ. Более значимым является ответ на вопрос «почему?».

Исследовав сформированность социальных эмоций у детей старшего дошкольного возраста, мы получили данные о том, что положительное отношение к сверстникам сформировано у 63% детей. Наиболее частые ответы на соответствующие вопросы:

– Можно ли смеяться, если товарищ упал?

«Нет, ему будет обидно, надо его пожалеть, ему плохо»; «Нет, ему надо помочь, потому что ему больно. Он обидится и не будет дружить»;

«Нет, когда ты упадешь, то он тоже будет смеяться».

– Нужно ли делиться игрушками с другими детьми?

«Да, они мои друзья»; «Да, если попросят, то тоже делиться будут»; «Да, они тоже хотят играть».

– Надо ли сказать, что ты виноват?

«Да, иначе другого накажут»; «Да, нельзя сваливать на другого, его наругают»;

«Да, признаться хорошо, если нет – другого накажут»; «Да, это плохой поступок. Другому ребенку будет плохо, он не ломал, и тебе будет грустно».

– Можно ли шуметь, когда другие отдыхают?

«Нет, это мешает, когда не дают отдыхать»; «Нет, можно помешать (разбудить)»;

«Нет, нельзя мешать, они твои товарищи, иначе они тебе тоже будут мешать».

– Можно ли драться, если отобрали игрушку?

«Нет, может заплакать, и надо извиниться»; «Нет, надо просто попросить»;

«Нет, будет больно, сначала объяснить словами»

Часть детей (33%) предпочла предоставить разрешение ситуации взрослому (воспитателю, родителю). Есть дети, знающие нравственную норму, то есть правило, как надо поступать в той или иной ситуации, но следующие этому правилу просто потому, что так надо. Чем младше ребенок, тем чаще он объясняет необходимость выполнения нормы, ссылаясь на возможные последствия при ее соблюдении для себя или на требования взрослых, например: «Надо говорить правду, это хорошо», «Надо делиться игрушками. А потом кто-нибудь тебе тоже даст». Если дошкольник наглядно видит последствия соблюдения или нарушения нормы, то ему легче понять ее содержание и отнести к себе. Чем конкретнее норма, чем ближе она к собственному опыту ребенка, тем легче она осознается. Возможно, что дети, участвующие в нашем исследовании, не имели личного опыта, подтверждающего необходимость применения нравственной нормы. Возможно, что эта норма не стала еще частью его нравственной самооценки.

И небольшая часть детей (3%) выразили равнодушное, близкое к негативному отношение к сверстникам. Например, что «надо отобрать игрушку, потому что она твоя», или «не надо признаться, что ты виноват, потому что не надо было кидать», «делиться игрушками надо. Но лучше и не надо» и т. д. То есть дети, в нейтральных ситуациях кажущиеся доброжелательными и понимающими, в ситуации нравственного выбора могут принимать сложные и неоднозначные

решения. Ребенок достаточно хорошо знает, что в затруднительной для него ситуации от него ожидают помощи, но стремится от этой помощи уйти и удовлетворить свой интерес (желание поиграть). Данные видны на рис. 5.

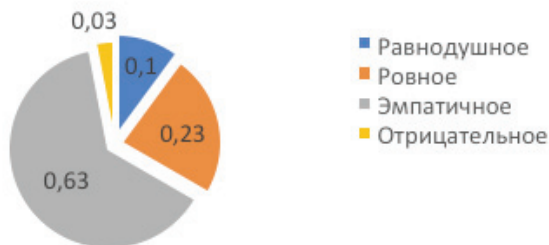

Рис. 5. Отношение к сверстникам, возраст 5–7 лет (Серия 1)

Можно сказать, что дети, показавшие положительное отношение к сверстнику, имеют сформированный уровень эмпатии, выражающийся в форме сопереживания или сочувствия. Для них характерны следующие слова: ему больно, грустно, будет плакать, его надо пожалеть и др. Ответы, выражающие сочувствие или сопереживание, составили 53% от общего количества ответов.

Во 2-й беседе (вторая серия, вопросы 1–7) ребенку предлагается прослушать короткие рассказы, участниками которых являются дети. В качестве компонентов рассказы включают: описание исходной ситуации, действия героев, проблемная ситуация. Такая ситуация предполагает, что вариант решения не является единственным, возможно несколько вариантов, а надо принять и выбрать только одно решение. В таких случаях возможны проявления разной эмоциональной отзывчивости у детей.

В конце рассказа ребенку задается вопрос: что сделал герой в данной ситуации и почему? Эти вопросы не содержат подсказки либо намека на ожидаемый ответ. Ребенок может понять ситуацию и выразить свое отношение к героям в данной ситуации только благодаря собственному опыту. При ответе на вопрос «почему?», дети раскрывают и осознают нравственный смысл предложенной ситуации.

Положительное отношение к сверстникам в ситуации морального выбора по сравнению с первой серией ответов выросло на 4% (67%), отрицательное отношение в данных ситуациях не проявилось (рис. 6). Это можно объяснить тем, что ребенок уже имеет личный эмоциональный опыт и может встать на позицию другого человека.

Эти дети, в зависимости от текущей ситуации, требующей активного участия или хотя бы сочувствия, могут оставаться равнодушными и совершенно безучастными. В случаях, когда дети редко сталкиваются с нравственными дилеммами или событиями, позволяющими показать свою отзывчивость в отношении сверстников, их истинные эмоции и чувства могут маскироваться или не проявляться в должной мере.

Рис. 6. Отношение к сверстникам в ситуации выбора, возраст 5–7 лет (Серия 2)

Количество ответов, выражающих эмпатийное переживание, показали 63% старших дошкольников (5–6 лет – 56%, 6–7 лет – 71%). Результаты нашего исследования (табл. 3) могут свидетельствовать о том, что данная форма выражения социальных эмоций в большей степени формируется уже к школьному возрасту.

Таблица 3

Уровень проявления эмпатии по результатам методики «Исследование социальных эмоций», %

Возрастная группа	Варианты ответов			
	ЭМП	РАВН	РОВН	ОТР
5–6 лет	56	16	22	7
6–7 лет	71	4	18	7
5–7 лет	63	10	20	7

Эмпатию в отношении младших детей и животных проявили подавляющее большинство – 83% детей. Дети считают, что надо взять в игру малыша, не надо шуметь, если младшую сестренку укладывают спать. В ситуации – что сделал Саша, когда увидел дрожащего от холода маленького котенка, который жалобно мяукал –

все дети проявили сочувствие к котенку и захотели взять его домой, чтобы помыть, согреть, накормить.

Реакция на успех и неудачи сверстника. В качестве исследуемой была выбрана ситуация 6, в которой воспитатель похвалил рисунок одного ребенка и ничего не сказал про рисунок другого. В этой ситуации 80% детей отнеслись положительно к похвале только одного ребенка педагогом. Такой высокий процент положительных ответов можно объяснить тем, что в этом возрасте у детей еще не сформированы понятия «зависть» и «ревность». Этот вывод подтверждается нашими исследованиями по методике «Эмоциональная пиктограмма». Наиболее частым является ответ «Она красиво нарисовала», и дети не соотносят это со своей личностью.

Выводы

Обобщив полученные результаты, мы склонны объяснять их исходными объективными и субъективными условиями: знаниями и личным эмоциональным опытом детей, условиями воспитания в семье (пользование гаджетами, телевизор, малое время общения с родителями и др.), качеством обучения в образовательной организации, способностью ребенка к эмпатии.

Учитывая полученные данные о том, что чуть более половины детей 5–7 лет обладают достаточными навыками в эмоциональной сфере, а остальная часть не имеет таких навыков, мы рекомендуем родителям и воспитателям дошкольных образовательных учреждений заниматься с детьми развитием эмоциональной сферы детей с помощью игр и упражнений, чтения книг и просмотра мультфильмов по данной тематике. Полученные впоследствии результаты помогут более успешной адаптации ваших детей к школе, более успешному обучению. Развитые эмоциональные навыки научат их понимать себя и других и быть успешными в разрешении конфликтов, а также снижать тревожность и экологично выражать свои эмоции.

В дальнейшем исследование можно будет продолжить на более широкой выборке или сравнить две различные выборки, обучающиеся в разных системах воспитания.

Литература

Афонькина 2014 – Афонькина Ю.А. Диагностика эмоционального интеллекта у дошкольников // Детский сад: теория и практика. 2014. № 4. С. 7–17.

- Запорожец 1986 – *Запорожец А.В.* Развитие эмоциональной регуляции действий у ребенка // Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1 / Под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко. М.: Педагогика, 1986. С. 258–259.
- Изотова 2015 – *Изотова Е.И.* Динамика эмоционального развития современных дошкольников // Мир психологии. 2015. № 1. С. 65–77.
- Изотова, Никифорова 2004 – *Изотова Е.И., Никифорова Е.В.* Эмоциональная сфера ребенка: Теория и практика. М.: Академия, 2004. 288 с.
- Лаптева 2016 – *Лаптева Ю.А.* Возрастная изменчивость показателей эмоционального развития детей в период дошкольного возраста // Известия ВГПУ. 2016. № 9–10. С. 19–25.
- Лаптева 2017 – *Лаптева Ю.А.* Психолого-педагогическое сопровождение эмоционального развития ребенка на разных этапах дошкольного детства: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2017. 24 с.
- Щетинина 1984а – *Щетинина А.М.* Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека: Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1984.
- Щетинина 1984б – *Щетинина А.М.* Восприятие и понимание дошкольниками эмоционального состояния человека // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 60–66.

References

- Afon'kina, Yu.A. (2014), "Diagnosis of emotional intelligence in preschool children", *Detskii sad: teoriya i praktika*, no. 4, pp. 7–17.
- Izotova, E.I. (2015), "Dynamics of emotional development among modern preschoolers", *World of Psychology*, no. 1, pp. 65–77.
- Izotova, E.I. and Nikiforova, E.V. (2004), *Ehmotsional'naya sfera rebenka: Teoriya i praktika* [Emotional sphere of the child. Theory and practice], Akademiya, Moscow, Russia.
- Lapteva, Yu.A. (2016), "Age changeability of indicators of emotional development of children in preschool period", *Izvestia VGPU*, no. 9–10, pp. 19–25.
- Lapteva, Yu.A. (2017), *Age changeability of indicators of emotional development of children in preschool period*, Abstract of PhD dissertation, Kemerovo, Russia.
- Shchetinina, A.M. (1984a), *Preschoolers' perception and understanding of a person's emotional state: dissertation*. PhD Thesis, Leningrad, USSR.
- Shchetinina, A.M. (1984b), "Preschoolers' perception and understanding of a person's emotional", *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 60–66.
- Zaporozhets, A.V. (1986), "Development of emotional regulation of actions in a child", Davydova, V.V. and Zinchenko, V.P. (eds.), *Izbrannyye psikhologicheskije trudy* [Selected psychological works], vol. 1, Pedagogika, Moscow, Russia, pp. 258–259.

Информация об авторах

Ольга А. Сорокина, кандидат психологических наук, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 29/7, стр. 4; moiolik@inbox.ru

Лариса А. Иванова, магистрант, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119435, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 29/7, стр. 4; ila.rusaeropit@mail.ru

Information about the authors

Ol'ga A. Sorokina, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 29/7, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; moiolik@inbox.ru

Larisa A. Ivanova, master's student, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 29/7, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119435; ila.rusaeropit@mail.ru

УДК 159.922.6

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-112-123

Возрастная специфика психологического благополучия и самоактуализации у сотрудников коммерческой организации

Ирина В. Байер

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия, bayer-iv@ranepa.ru*

Анна П. Яркаева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anna.yarkaeva@gmail.com*

Аннотация. В статье представлено исследование специфики психологического благополучия, самоактуализации и их связи у сотрудников коммерческой организации разного возраста. В исследовании приняли участие 208 человек ($n = 208$), разделенных на три возрастные группы: ранняя ($n = 63$), средняя ($n = 102$) и поздняя ($n = 43$) взрослость. Для изучения возрастной специфики связи психологического благополучия и самоактуализации использовались психологические тесты и опросы для сбора информации и корреляционный и регрессионный анализы для обработки результатов. Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что существует прямая связь психологического благополучия и самоактуализации во все периоды взрослости. В период средней взрослости уровень субъективного счастья значимо выше, чем в период ранней взрослости, уровень целей в жизни значимо выше, чем в периоды ранней и поздней взрослости, позитивные отношения значимо выше, чем в период поздней взрослости. Также было выявлено, что предикторами психологического благополучия являются такие показатели, как самоуважение во все периоды взрослости, ориентация во времени в период ранней и средней взрослости, а ценностные ориентации – только в период средней взрослости.

Ключевые слова: психологическое благополучие, самоактуализация, субъективное счастье, удовлетворенность жизнью, предикторы психологического благополучия

Для цитирования: Байер И.В., Яркаева А.П. Возрастная специфика психологического благополучия и самоактуализации у сотрудников коммерческой организации // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 112–123. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-112-123

© Байер И.В., Яркаева А.П., 2024

Age specificity of psychological well-being and self-actualization among employees of a commercial organization

Irina V. Bayer

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, bayer-iv@ranepa.ru*

Anna P. Yarkaeva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anna.yarkaeva@gmail.com*

Abstract. The article presents a study in the specifics of psychological well-being, self-actualization and their relationship among employees of a commercial organization of different ages. The study involved 208 people ($n = 208$) divided into three age groups: early ($n = 63$), middle ($n = 102$) and late ($n = 43$) adulthood. To study the age-specific relationship between psychological well-being and self-actualization, psychological tests and surveys were used to collect information and the correlation and regression analyses to process the results. The results lead to conclude conclusions that there is a direct link between psychological well-being and self-actualization in all periods of adulthood. During middle adulthood, the level of subjective happiness is significantly higher than during the early one, the level of goals in life is significantly higher than during early and late adulthood, positive relationships are significantly higher than during late adulthood. It was also revealed that predictors of psychological well-being are such indicators as self-esteem during all periods of adulthood, time orientation during early and middle adulthood, and value orientations only during middle adulthood.

Keywords: psychological well-being, self-actualization, subjective happiness, life satisfaction, predictors of psychological well-being

For citation: Bayer, I.V. and Yarkaeva, A.P. (2024), "Age specificity of psychological well-being and self-actualization among employees of a commercial organization", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 112–123, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-112-123

Введение

В последнее десятилетие забота о психологическом благополучии сотрудников приобрела особую актуальность для бизнеса. Проведенные исследования выявили, что психологическое благополучие сотрудников является одним из наиболее важных

факторов успеха и производительности организации и связано с вовлеченностью сотрудников в ее деятельность и проблемы [Sabella et al. 2016].

Существует несколько подходов к пониманию психологического благополучия. Р.М. Райан разделяет все подходы на два направления: гедонистическое и эвдемоническое [Huta, Ryan 2010]. Представители гедонистического направления Н. Бредберн и Э. Динер рассматривают психологическое благополучие как ощущение субъективного счастья и общую удовлетворенность жизнью [Bradburn 1969; Diener 1984]. Представители эвдемонического направления К. Рифф, А. Уотерман считают, что психологическое благополучие – это прежде всего личностный рост [Ryff 1996; Waterman 2008]. К. Рифф предлагает структуру психологического благополучия, включающую шесть компонентов: личностный рост, цель в жизни, самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия и управление средой [Ryff 1996].

Следуя тенденции к объединению различных точек зрения при исследовании феномена психологического благополучия [Huta, Ryan 2010; Разгоняева, Дегальцева 2018], мы поставили задачу комплексно исследовать гедонистическую составляющую как субъективный уровень счастья и эвдемоническую составляющую этого феномена. При этом под психологическим благополучием мы будем понимать субъективное явление, представленное целостным переживанием счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью [Шевеленкова, Фесенко 2005]. Эвдемоническую составляющую будем оценивать, основываясь на модели К. Рифф.

В настоящее время стоит практическая задача – повысить уровень психологического благополучия сотрудников организации. В зоне влияния и контроля специалистов по управлению человеческими ресурсами, руководителей и корпоративных психологов находится возможность повышать уровень психологического благополучия через обучение, развитие и раскрытие потенциала работников, т. е. через их самоактуализацию. Поэтому с прикладной точки зрения было интересно рассмотреть связь психологического благополучия с самоактуализацией.

Под самоактуализацией мы будем понимать полное использование талантов, способностей и возможностей личности [Маслоу 1999] и оценивать показатели самоактуализирующейся личности, основываясь на личностной ориентации Э. Шострома [Гозман и др. 1995].

Связь психологического благополучия и самоактуализации теоретически описывали А. Маслоу, К. Роджерс и С.Л. Рубинштейн [Маслоу 1999; Роджерс 1998; Рубинштейн 1957], пред-

полагая между этими феноменами наличие прямой связи. До сих пор связь этих двух феноменов эмпирически изучена недостаточно и дает противоречивые результаты, одни исследователи находят прямую связь между уровнями психологического благополучия и самоактуализации [Богданова 2021; Идобаева 2013], другие выявляют как прямую, так и обратную связь [Пилишвили и др. 2021], третьи констатируют обратную связь по большинству шкал [Яценко 2012].

Столь разные выводы о связи самоактуализации и психологического благополучия позволяют сформулировать проблему исследования: какова связь психологического благополучия и самоактуализации? Является ли самоактуализация предиктором психологического благополучия? Каковы особенности психологического благополучия, самоактуализации личности и их связи в разные возрастные периоды?

Для исследования возрастной специфики была выбрана возрастная периодизация Д. Бромлей: ранняя зрелость – от 21 до 25 лет, средняя зрелость – от 26 до 40 лет и поздняя зрелость – от 41 до 55 лет [Bromley 1978].

Выборка

В исследовании приняли участие 208 респондентов ($n = 208$) в возрасте от 21 до 55 лет, из них 63 респондента ($n = 63$) в возрасте 21–25 лет – ранняя зрелость, 102 респондента ($n = 102$) в возрасте 26–40 лет – средняя зрелость, 43 респондента ($n = 43$) в возрасте 41–55 лет – поздняя зрелость, 144 женщины и 64 мужчины. Выборку исследования составили сотрудники поддерживающих подразделений (службы кадровых ресурсов, информационных технологий и бухгалтерии) московского центрального офиса международной ритейл-компании.

Методы исследования

Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко [Шевеленкова, Фесенко 2005]. Опросник «Шкала субъективного счастья» Любомирски, Лешпер, 1999 год в адаптации Д.А. Леонтьева, 2003 г. [Осин, Леонтьев 2020]. Самоактуализационный тест в адаптации Ю.Е. Алешинной, Л.Я. Гозман, М.В. Загика и М.В. Кроз [Гозман и др. 1995].

Для выявления значимых различий в полученных данных о психологическом благополучии и самоактуализации в разные возрастные периоды использовались *t*-критерий Стьюдента, *U*-критерий Манна–Уитни, а для выявления связи между показателями опросников использовался метод Пирсона и метод Спирмена в соответствии с правилами и ограничениями применения тех или иных статистических критериев. Для выявления значимых различий в коэффициентах корреляции использовалось *Z*-преобразование Фишера. Для определения предикторов психологического благополучия использовался метод регрессионного анализа.

Результаты исследования возрастных особенностей психологического благополучия в группах ранней, средней и поздней зрелости

Были обнаружены достоверные различия по показателям: «Цели в жизни» (наличие намерений и целей в жизни) между группами ранней и средней зрелости ($U = 2579$, $p = 0,033$) и между группами средней и поздней зрелости ($U = 1768,5$, $p = 0,026$); «Позитивные отношения» (умение выстраивать удовлетворительные, доверительные отношения с окружающими, заботиться о благополучии других) между группами средней и поздней зрелости ($U = 1643$, $p = 0,017$) и между группами ранней и поздней зрелости ($U = 1068$, $p = 0,045$); «Субъективное счастье» (эмоциональное переживание индивидом собственной жизни как целого) между группами ранней и средней зрелости ($U = 2443$, $p = 0,01$) и между группами ранней и поздней зрелости ($U = 1025,5$, $p = 0,034$). По показателям «Автономия», «Самопринятие», «Управление средой» и «Личностный рост» достоверных различий не обнаружено.

Таким образом, у сотрудников в возрасте 26–40 лет выше эвдемическая составляющая психологического благополучия, чем в 21–25 и 41–55 лет, это может быть связано с тем, что в период средней зрелости, согласно Д. Бромлей [Bromley 1978], происходит пик интеллектуальных и профессиональных достижений. В возрасте 21–25 и 26–40 лет сотрудники оценивают свои отношения с окружающими людьми как более удовлетворительные и доверительные, чем в возрасте 41–55 лет. Интересным результатом оказалось то, что показатель «субъективное счастье» у сотрудников компании в период 21–25 лет самый низкий, т. е. у них самая низкая гедонистическая составляющая психологического благополучия.

Результаты исследования возрастной специфики самоактуализации в группах ранней, средней и поздней зрелости

Было обнаружено достоверное различие между группами ранней и средней зрелости по показателям самоактуализации: «Общая самоактуализация» (интегральный показатель по всем шкалам) ($U = 2492$, $p = 0,016$); «Поддержка» (степень независимости ценностей и поведения человека от воздействия извне) ($t = 2,508$, $p = 0,013$); «Контактность» (способность человека к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально насыщенных контактов с другими людьми) ($t = 2,612$, $p = 0,01$); «Сензитивность» (в какой степени человек отдает себе отчет в своих потребностях и чувствах, насколько хорошо ощущает и рефлексировывает их) ($U = 2466,5$, $p = 0,011$); «Спонтанность» (способность индивида спонтанно и непосредственно выражать свои чувства) ($U = 2628,5$, $p = 0,048$); «Представления о природе человека» ($U = 2474,5$, $p = 0,012$); «Принятие агрессии» (способность принимать свое раздражение, гнев и агрессивность как естественное проявление человеческой природы) ($U = 2612$, $p = 0,042$); «Креативность» (характеризует выраженность творческой направленности личности) ($U = 2242$, $p = 0,001$).

Было обнаружено достоверное различие между группами ранней и поздней зрелости по показателям самоактуализации: «Поддержка» ($t = 2,192$, $p = 0,031$); «Сензитивность» ($U = 1044,5$, $p = 0,043$); «Спонтанность» ($U = 978$, $p = 0,014$).

Результаты исследования связи психологического благополучия и самоактуализации в группах ранней, средней и поздней зрелости

Корреляционные связи между психологическим благополучием и показателями самоактуализации в разные периоды зрелости представлены в табл. 1.

Интересно, что в период средней зрелости психологическое благополучие связано со всеми четырнадцатью показателями самоактуализации, в то время как в период ранней зрелости – с десятью, а в период поздней зрелости – только с девятью показателями. На основании Z-преобразования Фишера было выявлено, что связи между феноменами во все возрастные периоды одинаковой силы.

Таблица 1

Корреляционная матрица
для психологического благополучия и показателей самоактуализации сотрудников
в период ранней, средней и поздней взрослости

Шкала самоактуализации	Психологическое благополучие					
	в 21–25 лет		в 26–40 лет		в 41–55 лет	
	r	p	r	p	r	p
Ориентация во времени	0,616** (Пирсон)	0	0,493** (Пирсон)	0	0,316* (Пирсон)	0,039
Поддержка	0,567** (Пирсон)	0	0,567** (Пирсон)	0	0,399** (Пирсон)	0,008
Ценностная ориентация	0,556** (Пирсон)	0	0,657** (Пирсон)	0	0,484** (Пирсон)	0,001
Гибкость поведения	0,462** (Пирсон)	0	0,288** (Пирсон)	0,003	0,05 (Пирсон)	0,748
Сензитивность	-0,029 (Спирмен)	0,824	0,416** (Спирмен)	0	0,442** (Спирмен)	0,003
Слоганность	0,327** (Спирмен)	0,009	0,444** (Спирмен)	0	0,312* (Спирмен)	0,041
Самоуважение	0,689** (Пирсон)	0	0,656** (Пирсон)	0	0,576** (Пирсон)	0
Самопринятие	0,459** (Пирсон)	0	0,325** (Пирсон)	0,001	0,319* (Пирсон)	0,037
Представления о природе человека	0,303* (Спирмен)	0,016	0,368** (Спирмен)	0	0,023 (Спирмен)	0,882
Синергия	0,398** (Спирмен)	0,001	0,409** (Спирмен)	0	0,225 (Спирмен)	0,147
Принятие агрессии	0,021 (Спирмен)	0,873	0,424** (Спирмен)	0	0,315* (Пирсон)	0,04
Контактность	0,377** (Пирсон)	0,002	0,366** (Пирсон)	0	0,286 (Пирсон)	0,063
Познавательные потребности	0,154 (Пирсон)	0,228	0,217* (Спирмен)	0,028	0,151 (Пирсон)	0,335
Креативность	0,2 (Спирмен)	0,117	0,240* (Спирмен)	0,015	0,324* (Пирсон)	0,034

Примечание: корреляция значима на уровне: * $-p < 0,05$; ** $-p < 0,01$.

В результате регрессионного анализа получили, что предикторами психологического благополучия в ранней взрослости являются самоуважение и ориентация во времени ($r = 0,726$, $p = 0,014$), в средней взрослости – ценностная ориентация, самоуважение и ориентация во времени ($r = 0,717$, $p = 0,04$), в поздней взрослости – только самоуважение ($r = 0,576$, $p < 0,01$).

Заключение

Существуют значимые различия между возрастными группами в переживании психологического благополучия. При этом эвдемическая составляющая психологического благополучия выше у сотрудников в возрасте 26–40 лет, чем в 21–25 лет и 41–55 лет, что может быть связано с наступлением пика интеллектуальных и профессиональных достижений в этот возрастной период. Гедонистическая составляющая психологического благополучия, эмоциональное переживание собственной жизни как целого в период 21–25 лет значимо более низкая, чем в возрасте 26–40 лет и 41–55 лет, это, возможно, связано с тем, что уникальный собственный образ жизни в этот возрастной период еще не до конца сформирован.

По показателям самоактуализации также выявлены значимые различия между сотрудниками разных возрастных групп. У сотрудников в 21–25 лет значимо выше такие показатели, как «Поддержка», «Сензитивность» и «Спонтанность», по сравнению с сотрудниками 26–40 и 41–55 лет.

Во все возрастные периоды существует прямая связь психологического благополучия и самоактуализации. При этом в период средней взрослости психологическое благополучие коррелирует со всеми показателями самоактуализации, в отличие от других возрастных периодов, тем не менее значимых различий в коэффициентах корреляции между разными возрастными группами не выявлено.

Важным результатом исследования стало то, что во все возрастные периоды предиктором психологического благополучия является самоуважение, способность ценить свои достоинства и положительные свойства характера. В период ранней и средней взрослости предиктором психологического благополучия дополнительно является ориентация во времени, т. е. способность ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, видеть свою жизнь целостной, умение переживать настоящий момент своей жизни во всей его полноте. И только в период средней взрослости третий предиктор – ценностные ориента-

ции, т. е. ценность жизни, свобода выбора, согласие с собой, со своей биологической природой, принятие социальной жизни и физической реальности.

Исходя из полученных результатов исследования, повышать психологическое благополучие сотрудников в компании можно через повышение их уровня самоуважения и умения переживать настоящий момент своей жизни. Для сотрудников в возрасте 21–40 лет рекомендуется проводить практики, направленные на развитие умения переживать настоящий момент своей жизни, а для сотрудников 26–40 лет дополнительно проводить просветительские мероприятия, нацеленные на осознание ценности свободы выбора. Для руководителей проводить обучение, как выстраивать с сотрудниками отношения, поддерживающие их самоуважение.

Литература

- Богданова 2021 – *Богданова В.Л.* Результаты исследования взаимосвязи самоактуализации, субъективного благополучия и идентификации личности // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70. С. 330–334.
- Гозман и др. 1995 – *Гозман Л.Я., Кроз М.В., Латинская М.В.* Самоактуализационный тест. М.: Рос. пед. агентство, 1995. 43 с.
- Идобаева 2013 – *Идобаева О.А.* Психолого-педагогическая модель формирования психологического благополучия личности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013. 389 с.
- Маслоу 1999 – *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
- Осин, Леонтьев 2020 – *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142.
- Пилишвили и др. 2021 – *Пилишвили Т.С., Савушкина А.И., Данилова А.Л., Соруко Торрес Н.К.* Психологическое благополучие и ценностно-смысловая сфера личности студентов-психологов // Образование и наука. 2021. № 4. С. 126–156.
- Разгоняева, Дегальцова 2018 – *Разгоняева Е.В., Дегальцева Е.А.* Отношение студентов технического вуза к физической культуре и спорту // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в современных социально-экономических условиях: Материалы III Междунар. научно-практич. конф. Чебоксары, 2018. С. 60–65.
- Роджерс 1998 – *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. Е.И. Исениной. М.: Прогресс, 1998. 480 с.
- Рубинштейн 1957 – *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 328 с.

- Шевеленкова, Фесенко 2005 – *Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П.* Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.
- Яценко 2012 – *Яценко Е.Ф.* Самоактуализация и субъективное благополучие как социально-психологические проблемы профессионального образования: студенты и преподаватели университета // Вестник ЮУрГУ, 2012. № 31. С. 56–63.
- Bradburn 1969 – *Bradburn N.* The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. 319 p.
- Bromley 1978 – *Bromley D.B.* The Psychology of Human Ageing. Liverpool, 1978. 441 p.
- Diener 1984 – *Diener E.* Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. No. 3. P. 542–575.
- Huta, Ryan – *Huta V., Ryan R.M.* Pursuing Pleasure or Virtue: The Differential and Overlapping Well-Being Benefits of Hedonic and Eudaimonic Motives // Journal of Happiness Studies. 2010. P. 735–762.
- Ryff 1996 – *Ryff C.D.* Psychological well-being. Encyclopedia of gerontology: age, aging, and the aged. San Diego, CA: Academic Press, 1996. 369 p.
- Sabella et al. 2016 – *Sabella A.R., El-Far M.T., Eid N.L.* The Effects of Organizational and Job Characteristics on Employees' Organizational Commitment in Arts-and-Culture Organizations // International Journal of Organizational Analysis. 2016. Vol. 24. No. 5. P. 1002–1024.
- Waterman 2008 – *Waterman A.S.* Reconsidering happiness: a eudaimonist's perspective // The Journal of Positive Psychology. 2008. No. 3. P. 234–252.

References

- Bogdanova, V.L. (2021), “The results of the study of the relationship between self-actualization, subjective well-being and personal identification”, *Problemy sovremenogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, no. 70, pp. 330–334.
- Bradburn, N. (1969), *The Structure of Psychological Well-Being*, Aldine Pub. Co., Chicago, IL.
- Bromley, D.B. (1978), *The Psychology of Human Ageing*, Liverpool, UK.
- Diener, E. (1984), “Subjective well-being”, *Psychological Bulletin*, vol. 95, no. 3, pp. 542–575.
- Gozman, L.Y., Kroz, M.V. and Latinskaya, M.V. (1995), *Samoaktualisazionnyi test* [Self-actualization test], Ros. Ped. Agentstvo, Moscow, Russia.
- Huta, V. and Ryan, R.M. (2010), “Pursuing Pleasure or Virtue: The Differential and Overlapping Well-Being Benefits of Hedonic and Eudaimonic Motives”. *Journal of Happiness Studies*, pp. 735–762.
- Idobaeva, O.A. (2013), *Psychological and pedagogical model for the formation of psychological well-being of the individual*: Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.

- Maslow, A. (1999), *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality], Evraziya, Saint Petersburg, Russia.
- Osin, E.N. and Leontiev, D.A. (2020), "Brief Russian-language diagnostic scales of subjective well-being. Psychometric characteristics and comparative analysis", *Monitoring of Public Opinion: Economic social changes Journal*, no. 1, pp. 117–142.
- Pilishvili, T.S., Savushkina, A.I., Danilova, A.L. and Soruko Torres, N.K. (2021), "Psychological well-being and value-semantic sphere of personality among psychology students", *The Education and Science Journal*, no. 4, pp. 126–156.
- Razgonyaeva, E.V. and Degal'tseva, E.A. (2018), "Attitude of technical university students to physical culture and sports", *Aktualnye problemy fizicheskoi kultury i sporta v sovremennykh sozhalno-ekonomicheskikh usloviyakh: Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current issues of physical culture and sports in modern socio-economic conditions. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference], Cheboksary, Russia, pp. 60–65.
- Rogers, K. (1998), *Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [On Becoming a Person: A Therapists View of Psychotherapy], Progress, Moscow, Russia.
- Rubinstein, S.L. (1957), *Bytie i soznanie* [Being and consciousness], AN SSSR, Moscow, Russia.
- Ryff, C.D. (1996), *Psychological well-being. Encyclopedia of gerontology: age, aging, and the aged*, Academic Press, San Diego, CA.
- Sabella, A.R., El-Far, M.T. and Eid, N.L. (2016), "The Effects of Organizational and Job Characteristics on Employees' Organizational Commitment in Arts-and-Culture Organizations", *International Journal of Organizational Analysis*, vol. 24, no. 5, pp. 1002–1024.
- Shevelenkova, T.D. and Fesenko, T.P. (2005), "Psychological well-being of the personality", *Psychological diagnostics*, no. 3, pp. 95–121.
- Waterman, A.S. (2008), "Reconsidering happiness: a eudaimonist's perspective", *The Journal of Positive Psychology*, no. 3, pp. 234–252.
- Yashchenko, E.F. (2012), "Self-actualization and subjective well-being as socio-psychological issues of vocational education. University students and teachers", *Vestnik YUGU*, vol. 31, pp. 56–63.

Информация об авторах

Ирина В. Байер, кандидат психологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 82; bayer-iv@ranepa.ru

Анна П. Яркая, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; anna.yarkaeva@gmail.com

Information about the authors

Irina V. Bayer, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119571; bayer-iv@ranepa.ru

Anna P. Yarkaeva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; anna.yarkaeva@gmail.com

Толерантность к ситуации неопределенности
и совладание с болезнью
у одиноких и семейных пациентов,
страдающих онкологическим заболеванием

Анна С. Нелюбина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nelubina-anna@mail.ru*

Лали М. Когония

*Московский областной научно-исследовательский
клинический институт имени М. Ф. Владимирского,
Москва, Россия, lali51@yandex.ru*

Александра И. Батрак

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sashka.batrak@gmail.com*

Аннотация. В работе проведен сравнительный анализ уровня толерантности к ситуации неопределенности и стратегий совладания со стрессом, вызванным тяжелым заболеванием у одиноких и имеющих семью пациентов. Выборку составили 50 пациенток, страдающих II–IV стадией рака молочной железы и проходивших лечение в МОНКИ им. М.Ф. Владимирского; средний возраст – $54,38 \pm 10,28$ лет; длительность заболевания – от 3 месяцев до 8 лет. Выборка разделена на 2 подвыборки по семейному статусу: 23 одинокие женщины и 27 женщин, имеющих семью. Методики исследования: клиническое полуструктурированное интервью (на основе модели А. Клеймана); Шкала IUS (Freeston et al., 1994, в рус. адаптации А.Ш. Тхостов, А.С. Нелюбина, А.А. Разлуцкий, А.М. Мерзлякова, 2022); опросник COPE (Carver et al., 1989, в рус. адаптации Е.И. Рассказова, Т.О. Гордеева и Е.Н. Осин, 2013); Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР) (Т.В. Корнилова, 2013); тест «ВДИО» (А.Ш. Тхостов, С.П. Елшанский, 2003; модификация А.С. Нелюбиной, А.Ш. Тхостова, 2013). Выявлено, что одинокие пациентки значимо чаще, чем имеющие семью, использовали такие адаптивные стратегии, как бдительность, планирование и принятие. При этом пациентки обеих групп не прибегали к поиску социальной поддержки при совладании с заболеванием. Чем выше интолерантность к неопределенности у пациентки, тем чаще она выбирала

неадаптивные стратегии совладания, такие как сверхбдительность, прокрастинация и избегание.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, совладание с болезнью, рак молочной железы, телесный опыт, семья

Для цитирования: Нелюбина А.С., Когония Л.М., Батрак А.И. Толерантность к ситуации неопределенности и совладание с болезнью у одиноких и семейных пациентов, страдающих онкологическим заболеванием // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 124–137. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-124-137

Tolerance to uncertainty and coping in single and family patients suffering from cancer

Anna S. Neliubina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anna-nelubina@mail.ru*

Lali M. Kogoniya

*Moscow Regional Research and Clinical Institute, Moscow, Russia,
lali51@yandex.ru*

Alexandra I. Batrak

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sashka.batrak@gmail.com*

Abstract. The article provides a comparative analysis of the level of tolerance to uncertainty and strategies of coping with stress caused by a serious illness in single and family women patients. The sample consisted of 50 women patients suffering from stage II–IV breast cancer, the average age was 54.38 ± 10.28 years; the duration of the disease ranged from 3 months to 8 years. The sample is divided into 2 subsamples by marital status: 23 single women and 27 women with a family. Research methods: clinical semi-structured interview (based on the A. Kleiman model); IUS scale (Freston et al., 1994, in Russian adaptation by A.Sh. Tkhostov, A.S. Nelyubina, A.A. Razlutsky, A.M. Merzlyakova, 2022); COPE (Carver et al., 1989, in Russian adaptation by E.I. Rasskazova, T.O. Gordeeva and E.N. Osin, 2013); Melbourne Decision-Making Questionnaire (MDMQ) (T.V. Kornilova, 2013); test “The choice of descriptors of intraceptive sensations” (A.Sh. Tkhostov, S.P. Elshansky, 2003; modification by A.S. Nelyubina, A.Sh. Tkhostov, 2013). It was revealed that single patients significantly more often than those with a family used such adaptive strategies as vigilance, planning and acceptance. At the same time,

patients of both groups did not resort to seeking social support in coping with the disease. The higher the patient's tolerance to uncertainty, the more often she chose maladaptive coping strategies such as over-vigilance, procrastination and avoidance.

Keywords: tolerance to uncertainty, coping, breast cancer, bodily experience, family

For citation: Neliubina, A.S., Kogoniya, L.M., Batrak, A.I. (2024), "Tolerance to uncertainty and coping in single and family patients suffering from cancer". *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 124–137, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-124-137

Введение: постановка проблемы

Актуальность исследования обусловлена высоким уровнем смертности в России от онкологических заболеваний (по данным Росстата¹, 2-е место среди причин смерти в 2021 г.). Среди женщин наиболее распространенным из онкологических заболеваний является рак молочной железы (18,3%), но данная патология при своевременном выявлении и лечении характеризуется высокой выживаемостью². Доступности и высокотехнологичности медицинской помощи (как на этапе раннего выявления заболевания, так и на этапах лечения и реабилитации) недостаточно без своевременного обращения пациенток и их приверженности лечению. Пациент, страдающий онкологическим заболеванием, находится в ситуации неопределенности, поскольку точный прогноз – возможность выздоровления, отсутствие рецидивов, качество жизни и пр. – не может дать даже лечащий врач.

Пациентке, попавшей в ситуацию угрожающего жизни заболевания, приходится совладать со стрессом, вызванным болезнью, изменением внешности, нарушением репродуктивной функции, а также непредсказуемостью исхода и последствий лечения. Соправдая со стрессом, больная вырабатывает стратегии совладания с опорой на стилевую копинг, и эти стратегии могут быть разной степени эффективности (как помогать совладать и придерживать-

---

¹ Число умерших по причинам смерти в 2021 году. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 1 декабря 2023).

² Состояние онкологической помощи населению России в 2021 году / Под ред. А.Д. Каприна, В.В. Старинского, А.О. Шахзадовой. М.: МНИОИ им. П.А. Герцена – филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России, 2022.

ся терапии, так и быть неадаптивными, приводящими к отказу от лечения или его нарушению).

В исследованиях J. Fasano [Fasano et al. 2020] показано, что высокая интолерантность к ситуации неопределенности, вызванной заболеванием раком молочной железы, является предиктором усугубления стрессового состояния у пациенток и, как следствие, менее эффективного копинга. Интолерантность к неопределенности рассматривается как стилевое качество личности, рано формируемое и опосредующее то, как человек воспринимает малопредсказуемые, малоконтролируемые ситуации, расцениваемые им как угрожающие. Высокая интолерантность к неопределенности при нозогнозии может проявляться в постоянном мониторинге своих телесных ощущений, пристальном внимании к любым ощущениям, не только четко локализованным в теле, но и диффузным, многие из которых означаются как относящиеся к онкологическому заболеванию. Этот феномен в когнитивно-бихевиоральном подходе получил название соматосенсорной амплификации [Martinez et al. 1999]. При ипохондрической фиксации, нозоцентричности пациент может инициировать постоянные проверки (скрининги), в том числе опасные, связанные с облучением (например, МРТ), боясь пропустить рецидив или использовать травматические виды интервенции без достаточных оснований (только для того, чтобы как-то активно совладать с ситуацией). Таким образом, оказываются связаны между собой уровень интолерантности к неопределенности, особенности восприятия и означивания телесного опыта болезни и выбора стратегий совладания с нею.

Еще одним фактором, рассматриваемым в нашем исследовании, является семейный статус пациенток – как наличие социальной поддержки в виде семьи связано с совладающим поведением больных.

Цель исследования – выявить, как уровень толерантности к неопределенности связан с выбором стратегий совладания у одиноких и имеющих семью пациенток, страдающих раком молочной железы.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 50 пациенток с достоверно подтвержденным диагнозом рака молочной железы II–IV стадии, проходящих на момент исследования химиотерапевтическое лечение в условиях стационара. Возраст пациенток варьируется от 34 до 75 лет (средний возраст пациенток составил $54,38 \pm 10,28$ лет).

Длительность заболевания находится в диапазоне от 3 месяцев до 8 лет. По семейному статусу выборка была разбита на две подгруппы: 27 состоящих в браке женщин в возрасте от 34 до 71 года ($M = 53,52$; $SD = 10,82$) и 23 одиноких пациентки в возрасте от 38 до 75 лет ($M = 55,39$; $SD = 9,74$). К одиноким нами были отнесены: женщины, не состоявшие в браке (2 человека), разведенные (11 человек) и вдовы (10 человек).

Исследование проводилось очно, в стационаре онкологического отделения противоопухолевой лекарственной терапии в ГБУЗ МО МОНИКИ им. В.Ф. Владимирского.

С каждой пациенткой проводилось клиническое полуструктурированное интервью, в основу которого легла модель нарратива болезни Kleinman's Explanatory Model of Illness [Kleinman 1988]. Вопросы касались субъективного понимания причин болезни, ее проявлений, механизма развития заболевания, необходимости лечения и представлений о его действии, прогноза, а также того, от чего зависит выздоровление пациентов, по их мнению.

Кроме того, были использованы следующие психодиагностические методики.

Intolerance of Uncertainty Scale – IUS (Freeston et al., 1994) русскоязычной адаптации «Шкала интолерантности к неопределенности» [Тхостов и др. 2022] – для выявления уровня интолерантности к неопределенности.

Coping Orientations to Problems Experienced (COPE) Scale (Carver et al. 1989) русскоязычной адаптации «Опросник совладания со стрессом» [Рассказова и др. 2013] – для выявления стратегий совладания со стрессом.

Melbourne Decision-Making Questionnaire – MDMQ (Mann et al. 1997) русскоязычной адаптации «Мельбурнский опросник принятия решений (МОПР)» [Корнилова 2013] – для изучения типичного (стилевого) копинга в стрессовой ситуации.

Тест «Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений» (А.Ш. Тхостов, С.П. Елшанский, 2003; модификация А.С. Нелюбиной, А.Ш. Тхостова, 2013) – для исследования телесного опыта болезни, особенностей вербализации и категоризации телесных ощущений.

Статистическая обработка данных производилась при помощи пакета программ SPSS 16.0. Использовались: описательные статистики и частотный анализ; U-критерий Манна–Уитни применялся для выявления различий показателей уровня интолерантности к неопределенности, выбора стратегий совладания со стрессом одиноких и имеющих семью пациенток и для оценки статистических различий в объемах словарей интрацептивных ощущений высоко-

и низкотолерантных к неопределенности пациенток; коэффициент ранговой корреляции Ч. Спирмена для выявления статистически значимых связей между уровнем интолерантности к неопределенности, стратегиями совладания, стилями принятия решения (стилевым копингом).

Результаты и их обсуждение

Сравнение частоты выбора стратегий совладания по опроснику COPE выявило статистически значимые различия по шкалам «Принятие» и «Планирование» (при $p < 0,05$). Одиноким пациентки выбирали эти стратегии чаще, чем имеющие семью, т. е. использовали копинг-стратегии, направленные на планирование дальнейших действий для совладания с болезнью и на принятие, адаптацию к факту заболевания. Отметим, что в обеих выборках стратегия совладания, связанная с поиском социальной поддержки (шкалы «Поиск социальной поддержки инструментального характера» и «Поиск социальной поддержки по эмоциональным причинам»), не была наиболее используемой (ее выбрало менее половины опрошенных в каждой группе), и выборки статистически не различались по этому параметру. В клиническом интервью пациентки также не сообщали о поиске социальной поддержки для того, чтобы справиться с болезнью. Схожие данные мы находим в руководстве по онкопсихологии³. Авторы отмечают, что отказ от поиска социальной поддержки обусловлен, вероятно, спецификой онкологического заболевания. Пациентки нередко предпочитают умалчивать о своем диагнозе в кругу коллег, друзей и даже иногда семьи, они не дают себя жалеть, пытаются справляться со своими переживаниями самостоятельно. Отметим, что другие исследователи, напротив, описывали поиск социальной поддержки как часто используемую стратегию пациенток, страдающих раком молочной железы [Сирота, Московченко 2015]. Противоречие этих данных требует их дальнейшего изучения и обсуждения. По частоте выбора других стратегий совладания статистически значимых различий между одинокими и замужними пациентками обнаружено не было.

---

³ Онкопсихология для врачей-онкологов и медицинских психологов: Руководство. 2-е изд, доп. / Под ред. А.М. Беляева, В.А. Чулковой, Т.Ю. Семиглазовой, М.В. Рогачева. СПб.: Изд-во АНО «Вопросы онкологии», 2018.

По данным клинического интервью, наиболее частыми стратегиями совладания с болезнью пациентки называли: лечение, «оптимистичный настрой», «веру в Бога, надежду на него», «укрепление организма витаминами, правильным питанием и пр.». Эти данные согласуются с данными, полученными нами ранее [Когония и др. 2020].

Помимо стратегий совладания, группы сравнивались по типичному (стилевому) копингу в стрессовой ситуации, исследуемому при помощи Мельбурнского опросника принятия решений. Одинокие пациентки статистически значимо чаще (при $p < 0,05$), чем имеющие семью пациентки, выбирали стратегию бдительность (вигильность). Этот копинг заключается в рациональном, последовательном взвешивании альтернатив при выборе стратегий поведения в стрессовой ситуации. Учитывая различия между группами пациенток по опроснику COPE, можно предположить, что одинокие пациентки чаще самостоятельно решают возникшие у них проблемы со здоровьем, рационально планируя свои дальнейшие действия.

Прежде чем перейти к описанию обнаруженных корреляционных связей между переменными, представим распределение пациенток выборки по уровням интолерантности к неопределенности (табл. 1).

Таблица 1

Распределение выборки по группам
в зависимости от уровня интолерантности к неопределенности

Уровень интолерантности к неопределенности	Показатель IUS	Количество человек
Высокий	27–62	9
Средний	63–98	25
Низкий	99–135	16

Рассмотрим результаты исследования связи уровня толерантности к ситуации неопределенности и частоты выбора определенных стратегий совладания. Данные корреляционного анализа между этими переменными представлены в табл. 2.

Таблица 2

Связь показателей
Шкалы интолерантности к неопределенности (IUS)
и Мельбурнского опросника принятия решений (МОПР)
по выборке в целом

Стилевой копинг	Интолерантность к неопределенности
Вигильность / бдительность	0,259
Избегание	0,197
Прокрастинация	0,117
Сверхбдительность	0,570**

** – $p < 0,01$

Выявлена статистически значимая прямая корреляционная связь между выбором стратегии «сверхбдительность» и уровнем интолерантности к неопределенности. Вероятно, интолерантные к неопределенности пациентки в стремлении совладать с труднопереносимой неопределенностью будут более склонны «метаться» между различными альтернативами, совершать непродуманные действия. Эти «действия ради действия» могут не только не разрешать ситуацию лечения позитивно, но и приводить к ухудшению состояния пациентки. Чем более выражена толерантность к неопределенности пациентки, тем с большей вероятностью она будет откладывать, например, визит к врачу или начало радикального лечения, бросать назначенное лечение, заменяя его на другое, считая, что оно слишком медленно действует, менять лечащего врача, прибегать к нетрадиционной медицине и т. д.

Анализируя то, как восприятие телесных проявлений болезни, их категоризация зависит от уровня интолерантности пациентки к ситуации неопределенности, рассмотрим данные корреляционного анализа этих параметров. Устанавливалась корреляционная связь между уровнем интолерантности (по шкале IUS) и объемом словарей интрацептивных ощущений (тест «ВДИО»): «знакомые ощущения», «ощущения из-за болезни», «опасные ощущения» и «часто испытываемые ощущения».

Статистически значимая корреляционная связь была обнаружена только между объемом словаря «часто испытываемых ощущений» и уровнем интолерантности к неопределенности. Данные корреляционного анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

Связь показателей
Шкалы интолерантности к неопределенности (IUS)
и объемов словарей методики
«Выбор дескрипторов интрацептивных ощущений»

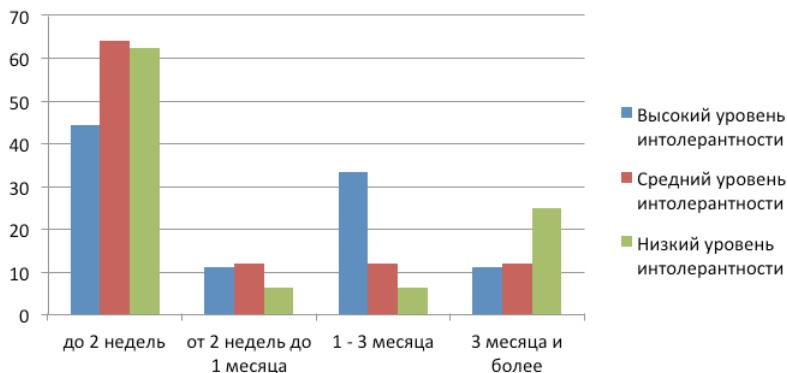
Общий показатель интолерантности к неопределенности	Коэффициент корреляции по Спирмену
Объем словаря частых ощущений (ВДИО)	0,320*

* $p < 0,05$

То есть чем более высокий уровень интолерантности к неопределенности у пациентки, тем большее количество ощущений она отмечает как часто испытываемые в последнее время ощущения, связанные с болезнью, и наоборот, чем ниже уровень интолерантности к неопределенности, тем меньшее количество ощущений будет отмечаться пациентками как частые. Тяжело перенося ситуацию неопределенности, такие пациентки «сканировали» свое тело в поисках признаков заболевания, признаков ухудшения состояния и находили их. В когнитивно-бихевиоральном подходе данный феномен называется «соматосенсорная амплификация», которая связана с ипохондризацией и повышенной тревогой в целом [Martinez et al. 1999]. Это согласуется с данными об ипохондрической фиксации части онкологических пациенток и связи между такой фиксацией и высокой интолерантностью к неопределенности. Как следствие, интолерантные к неопределенности пациентки, стремясь избавиться от ситуации неопределенности, которая вызывает у них сильную тревогу, будут более склонны к частым, даже чрезмерным, скринингам и обследованиям, чем пациентки, которые более терпимы к неопределенности и к хаотичной смене схем лечения и экспертов, к которым они обращаются за помощью.

Обсуждая связь уровня интолерантности с тем или иным соладающим поведением, приведем данные клинического интервью – вопроса о скорости обращения за медицинской помощью при появлении первых жалоб. Отметим, что мы не делили выборку на подгруппы по длительности заболевания (от 3 месяцев до 8 лет), и субъективное ощущение времени, тем более отдаленных во времени событий, может отличаться от реального. По данным норвежского исследования К.В. Хаген с соавторми [Hagen et al. 2015],

у пациенток, страдающих раком молочной железы сравнительно недавно, уровень неопределенности в ситуации болезни был ниже, чем у пациенток, имеющих этот диагноз год и более.

Рис. 1. Скорость обращения к врачу после появления первых жалоб у пациенток с разным уровнем интолерантности к неопределенности

Большая часть выборки (60%) вне зависимости от уровня интолерантности к неопределенности сообщила, что обратилась к врачу в первые две недели после появления недомогания. При этом толерантные к неопределенности пациентки чаще более интолерантных обращаются к врачу только спустя три и более месяца после обнаружения симптомов. Комментируя в клиническом интервью, почему так нескоро обратились к врачу, пациентки говорили:

Я решила, что разберусь с этим позже, мне надо было работать, у меня много людей в подчинении, просто так пропасть я не могу.

Нашупала шишечку маленькую, решила оставить, как есть, она не болела, ничего не беспокоило, так она долго такой маленькой и была, год, а то и больше... не помню, когда уже начала расти – я пошла к врачу.

Возможно, что скорость обращения к врачу зависела и от того, квалифицировала ли пациентка обнаруженные проявления как опасные, угрожающие ее жизни и, соответственно, испытывала ли тревогу.

Выводы

1. Пациентки, проходящие лечение по поводу злокачественных новообразований молочных желез, различались в совладающем поведении в зависимости от семейного статуса. Одиноким пациенткам значимо чаще, чем замужним, выбирали стратегии «планирование» и «принятие», направленные на самостоятельное планирование дальнейших действий для совладания с болезнью и на принятие, адаптацию к факту заболевания. А также в качестве стилевого (типичного) копинга в стрессовой ситуации одинокие значимо чаще, чем замужние, выбирали бдительность/бдительность как ведущую стратегию совладания.

2. Не было обнаружено значимых различий в частоте выбора стратегии совладания в виде поиска социальной поддержки, и саму стратегию выбрали менее половины пациенток. Данное поведение отражает самостигматизацию пациенток, эмоциональное дистанцирование. Учитывая противоречивые данные в исследованиях по этому параметру, аспект поиска социальной поддержки онкобольным требует дальнейших исследований.

3. Чем выше уровень интолерантности к ситуации неопределенности у пациентки, тем чаще она выбирает сверхбдительность как типичную стратегию совладания в стрессовой ситуации. То есть при непереносимости стрессовой ситуации (в том числе болезни) пациентка склонна к неадаптивным стратегиям совладания – хаотично перебирать различные способы лечения, экспертов в области здоровья, возможно, нетрадиционные методы лечения только для того, чтобы не бездействовать. Такое поведение может приводить к неэффективному лечению и ухудшению состояния пациентки.

4. Чем выше уровень интолерантности к неопределенности, тем большее количество внутренних, телесных ощущений пациентка склонна приписывать заболеванию. Это приводит к ипохондрической фиксации и возрастанию тревоги. Как следствие, интолерантные к неопределенности пациенты, желая избавиться от ситуации неопределенности, которая вызывает у них сильную тревогу, будут более склонны к частым, избыточным скринингам, чем пациенты, которые более терпимы к неопределенности.

5. При низком уровне интолерантности к неопределенности и не расценивании телесных проявлений болезни как опасных, угрожающих жизни пациентки были склонны затягивать обращение к врачу, отвлекаясь на другие сферы жизни, погружаясь в работу.

Литература

- Когония и др. 2020 – Когония Л.М., Нелюбина А.С., Маркарова Е.В., Туицова Е.Е. Представления о болезни у пациенток со злокачественными и доброкачественными новообразованиями молочных желез // Клинический разбор в общей медицине. 2020. № 3. С. 49–52.
- Корнилова 2013 – Корнилова Т.В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/671> (дата обращения 1 декабря 2023)
- Рассказова и др. 2013 – Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Коупинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики Core // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
- Сирота, Московченко 2015 – Сирота Н.А., Московченко Д.В. Совладающее поведение и когнитивная оценка прогрессирования заболевания у женщин с онкологическими заболеваниями репродуктивной системы // Психическое здоровье. 2015. № 11 (114). С. 19–26.
- Тхостов и др. 2022 – Тхостов А.Ш., Нелюбина А.С., Разлуцкий А.А., Мерзлякова А.М. Апробация русскоязычной версии «шкалы интолерантности к неопределенности (IUS)» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. № 4. С. 43–59.
- Fasano et al. 2020 – Fasano J., Shao T., Huang H., Kessler A.J., Kolodka O.P., Shapiro C.L. Optimism and coping: do they influence health outcomes in women with breast cancer? A systemic review and meta-analysis // Breast Cancer Res Treat. 2020. Vol. 183. P. 495–501.
- Hagen et al. 2015 – Hagen K.B., Aas T., Lode K., Gjerde J., Lien E., Kvaloy J.T., Lash T.L., Soiland H., Lind R. Illness uncertainty in breast cancer patients: validation of the 5-item short form of the Mishel Uncertainty in Illness Scale // European Journal of Oncology Nursing. 2015. April. № 19 (2). P. 113–119.
- Kleinman 1988 – Kleinman A. The illness narratives. Suffering, healing, and the human condition. New York: Basic Books, 1988.
- Martinez et al. 1999 – Martinez M.P., Belloch A., Botella C. Somatosensory amplification in hypochondriasis and panic disorder // Clinical Psychology and Psychotherapy. 1999. № 6. P. 46–53.

References

- Fasano, J., Shao, T., Huang, H., Kessler, A.J., Kolodka, O.P. and Shapiro, C.L. (2020), “Optimism and coping: do they influence health outcomes in women with breast cancer? A systemic review and meta-analysis”, *Breast Cancer Research and Treatment*, vol. 183, pp. 495–501.

- Hagen, K.B., Aas, T., Lode, K., Gjerde, J., Lien, E., Kvaløy, J.T., Lash, T.L., Søiland, H. and Lind, R. (2015), "Illness uncertainty in breast cancer patients: validation of the 5-item short form of the Mishel Uncertainty in Illness Scale", *European Journal of Oncology Nursing*, April, no. 19 (2), pp. 113–119.
- Kleinman, A. (1988), *The illness narratives. Suffering, healing, and the human condition*, Basic Books New York, USA.
- Kogoniya, L.M., Nelyubina, A.S., Markarova, E.V. and Tuntsova, E.E. (2020), "Illness concepts among patients with benign and malignant mammary tumors", *Klinicheskii razbor*, no. 3, pp. 49–52.
- Kornilova, T.V. (2013), "Melbourne decision making questionnaire: a Russian adaptation", *Psychological Studies*, vol. 6, no 31, available at: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/671> (Accessed 1 December 2023).
- Martinez, M.P., Belloch, A. and Botella, C. (1999), "Somatosensory amplification in hypochondriasis and panic disorder", *Clinical Psychology and Psychotherapy*, no. 6, pp. 46–53.
- Rasskazova, E.I., Gordeeva, T.O. and Osin, E.N. (2013), "Coping strategies in the structure of activity and self-regulation. Psychometric characteristics and possibilities of using the technique Cope", *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 10, no. 1, pp. 82–118.
- Sirota, N.A. and Moskovchenko, D.V. (2015), "Coping behavior and cognitive assessment of disease progression in women with cancer of the reproductive system", *Mental health*, vol. 11 (114), pp. 19–26.
- Thostov, A.Sh., Nelyubina A.S., Razlutskiy, A.A. and Merzlyakova, A.M. (2022), "Approbation of 'Intolerance of uncertainty scale' (IUS) in Russian language", *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psihologiya*, no. 4 (15), pp. 43–59.

Информация об авторах

Анна С. Нелюбина, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nelubina-anna@mail.ru

Лали М. Когония, доктор медицинских наук, профессор, Московский областной научно-исследовательский клинический институт имени М.Ф. Владимирского, Москва, Россия; 129110, Россия, Москва, ул. Щепкина, д. 61/2; lali51@yandex.ru

Александра И. Батрак, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sashka.batrak@gmail.com

Information about the authors

Anna S. Neliubina, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *nelubina-anna@mail.ru*

Lali M. Kogoniya, Dr. of Sci. (Medicine), professor, Moscow Regional Research and Clinical Institute, Moscow, Russia; bld. 61/2, Shchepkina street, Moscow, Russia, 129110; *lali51@yandex.ru*

Alexandra I. Batrak, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *sashka.batrak@gmail.com*

УДК 159.922

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-138-154

Взаимосвязь детско-родительских отношений и саморазрушающее поведение у подростков

Татьяна П. Авдулова

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, avdulova@bk.ru*

Анастасия Н. Горожанкина

*Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, n.gorozhankina@yandex.ru*

Аннотация. Актуальность исследования определяется растущей распространенностью в подростковой среде саморазрушающего поведения как реакции на сложное психическое состояние, стрессы и переживание кризиса. С другой стороны, многочисленные исследования показывают доминанту фактора родительско-детских отношений в картине эмоциональных сложностей подростков. Представлены данные эмпирического исследования, в котором приняли участие 60 подростков. В исследовании изучались представления подростков о родительском отношении к ним, воспитательной позиции родителей; склонность к отклоняющемуся поведению, в том числе самоповреждающему; склонность к суицидальным реакциям. Полученные эмпирические данные, обобщенные закономерности составляют серьезное основание для выделения фактора деструктивных детско-родительских отношений как одной из причин саморазрушающего поведения подростков. Родительско-детские отношения изучались в представлениях подростков о стиле родительского воспитания, характере родительского отношения.

Ключевые слова: саморазрушающее поведение, детско-родительские отношения, суицид, аддикция, «селфхарм»

Для цитирования: Авдулова Т.П., Горожанкина А.Н. Взаимосвязь детско-родительских отношений и саморазрушающее поведение у подростков // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 138–154. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-138-154

The relationship of child-parent relationships and self-destructive behavior in adolescents

Tat'yana P. Avdulova

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
avdulova@bk.ru*

Anastasiya N. Gorozhankina

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
n.gorozhankina@yandex.ru*

Abstract. The relevance of the study is determined by the increasing prevalence in the adolescent environment of self-destructive behavior as a reaction to a complex mental state, stress and the experiencing a crisis. On the other hand, numerous studies show the factor of parent-child relationships dominating in the picture of emotional difficulties of adolescents. Data from an empirical study involving 60 adolescents are presented. The study analyzed the perceptions of adolescents about parental attitudes towards them, the educational position of parents; a tendency to deviate behavior, including self-harm; a tendency to suicidal reactions. The empirical data obtained, generalized patterns constitute a serious basis for highlighting the factor of destructive child-parental relations as one of the reasons for the self-destructive behavior of adolescents. Parent-child relations were studied in adolescents' perceptions of parenting style and the nature of parental attitude.

Keywords: self-destructive behavior, child-parental relations, suicide, addiction, "self harm"

For citation: Avdulova, T.P. and Gorozhankina, A.N. (2024), "The relationship of child-parent relationships and self-destructive behavior in adolescents", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 138–154, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-138-154

Постановка проблемы

В последние десятилетия саморазрушающее (селфхарм) поведение подростков стало весьма актуальной проблемой во многих странах. Вместе с тем изучение причин, факторов и психологического содержания саморазрушающего поведения находится в начале пути. Собственно, пубертат уже ведет к ухудшению привычного психического состояния и физиологического функционирования, а кризисные явления отрочества усиливают дестабилизацию, разрушая эмоциональное благополучие подростка.

В связи с возникновением селфхарм поведения у молодых людей все больше снижаются проявления положительных чувств, и стратегии совладания фокусируются на аутоагрессии. Изучение проблемы склонности к саморазрушающему поведению, искажающему самоотношение, нарушающему правила личной безопасности, общения и взаимодействия, ценностные ориентиры, требует изучения как психологической реальности и как социальный ответ на текущее состояние общества [Ташева и др. 2022].

Селфхарм поведение среди современных молодых людей, особенно младшего подросткового возраста, достигает масштабов эпидемии, однако конкретных и системных действий по решению данной проблемы явно недостаточно ни на уровне образовательных организаций, ни в профилактической работе с семьей. Причинами феномена являются нарушения самоотношения и особенности взаимоотношений с ближайшим и широким социальным окружением.

Одной из первых концепция саморазрушающего поведения (далее СРП) человека была сформулирована Норманом Фарбероу [Farberow 1980]. По его мнению, саморазрушающее поведение – это различные формы поведения человека, которые негативно влияют на разум или тело, однако не ставят целью уход из жизни, но становятся отражением физиологической и психической дезадаптации. Это может принимать разные формы, и люди часто не осознают вред, который их саморазрушительное поведение наносит им самим или другим. Вместе с тем убийство самого себя, по мнению Н. Фарбероу, является крайней формой саморазрушающего поведения [Farberow 1980].

Селфхарм поведение ведет, по мнению Ю.В. Попова, не столько к физическому разрушению, сколько к дисфункции личности [Попов 1991]. Исследования нарушений психики и аддиктивного поведения А.Г. Амбрумовой, А.Е. Личко, Т.А. Моисеева позволяют характеризовать саморазрушающее поведение как результат взаимодействия определенных качеств личности с социальным окружением, в котором функционирует индивид [Моисеева 2019]. Мы можем выделить, опираясь на исследования Т.А. Моисеевой, первую группу факторов, наиболее распространенных, к которым отнесем отчужденность родителей и других взрослых, игнорирующих особенности развития в подростковом возрасте; фасилитацию конфликта; неадекватную интерпретацию поведения подростка, когда ему приписываются целенаправленные злонамеренные действия; перфекционизм в требованиях и ожиданиях в отношении подростков [Моисеева 2019]. Ко второй группе факторов необходимо отнести факторы явно травмирующего, преступного

воздействия: сексуальное или физическое насилие; вовлечение в наркотическую или алкогольную зависимости.

Все эти факторы, особенно в совокупности, ведут к возникновению и прогрессивному усилению у подростков чувства вины, собственной никчемности, негативному самоотношению.

Г.В. Старшенбаум и А.А. Крылов акцентируют в саморазрушающем поведении выраженные негативные эмоциональные реакции: тревожность, аутоагрессивность, чувство вины, стыда, страха, агрессивность и чувство неполноценности¹ [Старшенбаум 2006]. Селфхарм усиливает негативные переживания и ведет к обесцениванию личности.

Выделим наиболее распространенные признаки саморазрушительного поведения.

1. *Депрессия или пессимизм.* Для подростков с саморазрушающим поведением характерна вера в то, что жизнь плохая и будет продолжать ухудшаться. У такого подростка глубокое убеждение, что он недостоин добра и хорошей жизни, он не видит положительных перспектив.

2. *Гиперчувствительность или эмоциональное онемение.* Когда подростки склонны взрываться или казаться равнодушными, они находятся в режиме саморазрушения. Они могут пытаться оттолкнуть других, или они могут быть настолько поглощены своей болью, что им все равно, что происходит вокруг них. Одновременно такое состояние может сменяться потерей чувствительности, эмоциональной блокадой, и тогда физическая боль возвращает способность чувствовать.

3. *Навязчивое или аддиктивное поведение.* Склонные к саморазрушающему поведению подростки часто демонстрируют компульсивное или зависимое поведение, когда они чувствуют себя обязанными действовать определенным образом. Зависимости, такие как злоупотребление алкоголем, никотином и психоактивными веществами, азартные игры и членовредительство, обычно являются признаками внутренней боли и незащищенности, которые необходимо каким-то образом облегчать.

Саморазрушающее поведение – это не расстройство само по себе, а показатель расстройств, лежащих в его основе. Жертвам обычно не хватает здоровых механизмов преодоления беспрецедентной тревоги. Они могут намеренно демонстрировать некомпетентность, чтобы дистанцироваться от требований, которые они считают невыполнимыми, но они также могут подвергаться множеству других эмоциональных воздействий. Часто самораз-

---

¹ Крылов А.А. Психология: Учеб. М.: Проспект, 2005. 496 с.

рушающее поведение игнорируется как несущественное, а эмоциональные переживания, связанные с ним, представляются как черты личности, которые необходимо терпеть как часть психики человека.

Жертвы саморазрушающего поведения чаще всего пытаются справиться с проблемой, используя стихийные средства самотерапии в качестве основного решения, потому что сопротивление изменениям и необходимость чувствовать контроль являются неотъемлемыми чертами их стратегий избегания и могут демотивировать их на получение профессиональной консультации.

Саморазрушающее поведение приносит облегчение или даже удовольствие в краткосрочной перспективе, но в конечном итоге мешает полноценной жизни. Сцепленными расстройствами становятся злоупотребление алкоголем или наркотиками, переедание, хроническое избегание. Саморазрушающее поведение субъективно становится для подростка копингом, тогда как на самом деле ухудшает психическое состояние и наносит большой вред здоровью. В то же время такое поведение также является фактором риска, потенциально ведущим к самоубийству. К. Гуан пишет, что при отсутствии вмешательства саморазрушающее поведение может с высокой вероятностью трансформироваться в суицид у подростков [Guan et al. 2012].

Многие исследователи связывают феномен саморазрушающего поведения с деструктивными детско-родительскими отношениями. К. Томассин основывается на биосоциальной модели, которая утверждает, что неэффективная семейная среда является важной причиной саморазрушающего поведения, а игнорирование детских эмоций родителями и жестокое обращение с детьми может напрямую привести к данному поведению [Thomassin et al. 2016]. Неблагоприятные отношения между родителями и детьми могут быть связаны с формированием и устойчивым развитием саморазрушающего поведения у подростков. Тревожные типы привязанности становятся поддерживающими селфхарм моделями, а детские травмы возвращают подростка в негативное состояние, и порочный круг саморазрушения замыкается. Текущие стрессы отбрасывают таких подростков в детские травмы и вновь запускают очередной виток саморазрушающего поведения.

Цель исследования – изучение саморазрушающего поведения подростков, факторов данного поведения, влияние детско-родительских отношений на саморазрушающее поведение подростков.

Процедура и методики исследования

Выборка

В исследовании в общей сложности приняли участие 60 подростков. Респондентами явились подростки от 14 до 18 лет, средний возраст которых 16,5 лет. В состав выборки вошли 29 девушек (48%) и 31 юноша (51%). Эмпирической базой исследования были Государственные бюджетные общеобразовательные учреждения города Москвы. Исследование проводилось в учебном классе. Исследование проводилось очно.

Методики исследования

Для эмпирического психологического исследования были выбраны следующие методики.

1. «Подростки о родителях» ADOR (автор Е. Шафер, модификация З. Матейчика и П. Ржичана).

2. Методика определения склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел)².

3. Методика выявления склонности к суицидальным реакциям П.И. Юнацкевич³.

Результаты исследования

На первом этапе анализа данных были определены уровни по шкалам каждой методики у подростков, а затем подсчитано соотношение каждого уровня в выборке. Это позволило определить преобладающие типы поведения родителей (в представлениях подростков), отклоняющегося поведения, а также выраженности суицидальных тенденций.

Результаты по методике «Подростки о родителях» ADOR представлены на рис. 1.

---

² Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: Учеб. пособие для вузов. М.: ТЦ Сфера, 2001. 160 с.

³ Методические рекомендации по диагностике суицидального поведения / Под ред. О.Ю. Голубева, Т.Н. Гуренкова, А.А. Тарасова. М., 2009. 108 с.

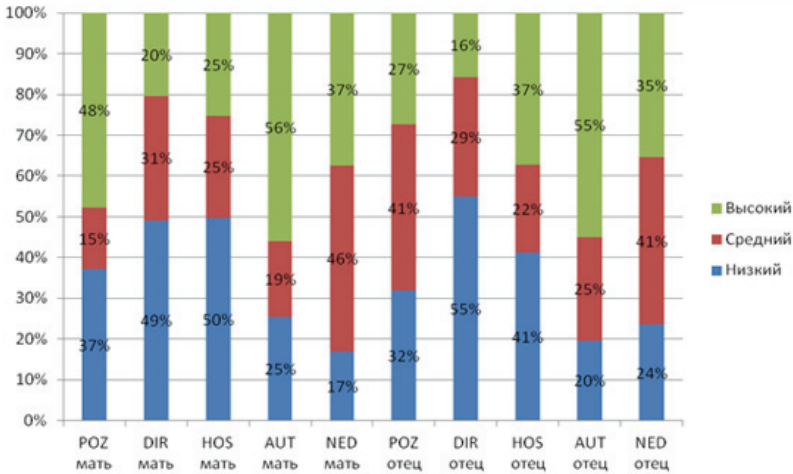

Рис. 1. Соотношение уровней выраженности родительского поведения по методике «Подростки о родителях»

По шкале директивности со стороны матери у 49% подростков отмечен низкий уровень, у 31% – средний, у 20% – высокий. Подростки с высокими значениями по данной шкале чувствуют чрезмерное давление со стороны матери, ее стремление контролировать. Подростки отмечают властность матери и собственные ограничения в самовыражении. Также подростки с высокими значениями по данной шкале могут отмечать проявление матерью жертвенности в отношении ребенка, что вызывает у подростка чувство вины.

По шкале враждебности со стороны матери у 50% подростков отмечен низкий уровень, у 25% – средний, у 25% – высокий. Подростки с высокими значениями по данной шкале отмечают строгость и агрессивность матери, попытки самоутвердиться за счет ребенка, а также властность.

По шкале автономности со стороны матери у 25% подростков отмечен низкий уровень, у 19% – средний, у 56% – высокий. Подростки-девушки с высокими значениями по данной шкале воспринимают матерей как нетребовательных и незаинтересованных, в то время как для юношей высокие значения по данной шкале позволяют говорить о сильной авторитарности и властности матери.

По шкале директивности со стороны отца у 49% подростков отмечен низкий уровень, у 31% – средний, у 20% – высокий. Подростки с высокими значениями по данной шкале чувствуют чрез-

мерное давление со стороны отца, его стремление контролировать. Подростки отмечают склонность отца доминировать в общении, влиять на поведение подростка, а также ограничивать подростка.

По шкале враждебности со стороны отца у 41% подростков отмечен низкий уровень, у 22% – средний, у 37% – высокий. Подростки с высокими значениями по данной шкале отмечают властность отца, повышенную требовательность, при этом эмоциональную холодность и отстраненность. Также отмечается ориентация в воспитании ребенка на определенный идеальный образ.

По шкале непоследовательности со стороны отца у 24% подростков отмечен низкий уровень, у 41% – средний, у 35% – высокий. Подростки с высокими значениями по данной шкале отмечают непредсказуемость поведения отца, например невозможность предвидеть, как отец отреагирует на ошибку подростка – сильным гневом и агрессией либо спокойным принятием.

Можно подчеркнуть, что подростки чаще отмечают позитивное отношение матери в сравнении с отцом. При этом слабая выраженность позитивного отношения отца и матери встречается примерно одинаково. Оценка директивности практически совпадает со стороны матери и отца, с небольшим преобладанием директивности со стороны матери. При этом враждебность подростки чаще замечают именно со стороны отца – средние баллы встречаются практически с одинаковой частотой, но низкий уровень чаще встречается в отношении матери, а высокий – отца. Разница частоты встречаемости высоких баллов по показателю враждебности составляет более 10%. Выраженная автономность отмечается с одинаковой частотой и у матерей, и у отцов, однако низкий уровень автономности подростки отмечают со стороны матери чаще. Выраженная непоследовательность также отмечается примерно одинаково у матери и отца, но низкая непоследовательность чаще встречается у отцов.

Рассмотрим результаты, полученные по методике отклоняющегося поведения А.Н. Орел. На рис. 2 представлены результаты диагностики склонности к отклоняющемуся поведению в выборке.

По шкале установок на социально желательные ответы 17% респондентов получили менее 50 баллов, что говорит об открытости и отсутствии корректировки своих ответов.

По шкале склонности к преодолению норм и правил у 22% опрошенных получены значения, попадающие в диапазон от 50 до 70 баллов. Этот результат говорит о склонности таких подростков к нарушению норм и правил, склонности действовать «наперекор» другим, активно выражать свои собственные установки и мнения и следовать им, даже если это противоречит групповым нормам.

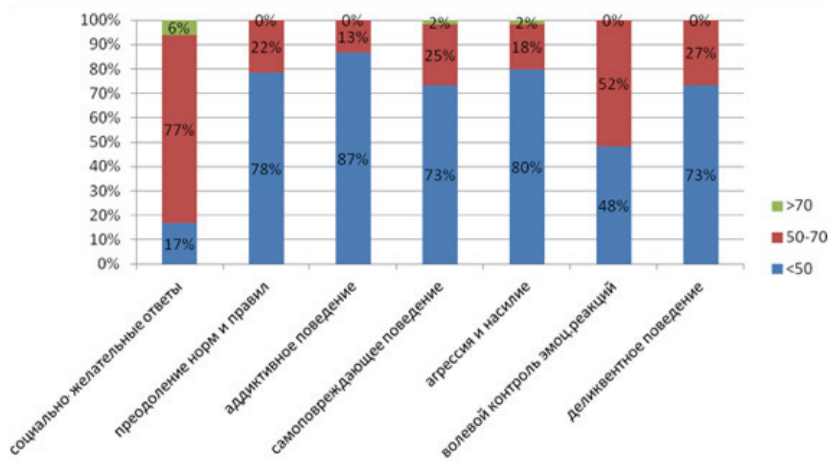

Рис. 2. Соотношение уровней выраженности типов отклоняющегося поведения по методике «Склонность к отклоняющемуся поведению»

По шкале склонности к аддиктивному поведению у 13% опрошенных отмечены баллы более 50, но менее 70. Такие подростки имеют предрасположенность к вовлечению в те или иные действия, которые приводят к измененному состоянию сознания или сопряжены с высоким риском формирования зависимости. У таких подростков отмечается склонность уходить в фантазии и иллюзии в попытках справиться с проблемами внешнего мира.

По шкале самоповреждающего поведения для 25% подростков получены баллы от 50 до 70, что свидетельствует о наличии тенденций к самоповреждению, риску для себя, сниженной ценности жизни, склонности проявлять внутренние проблемы через телесную сферу. Может отмечаться попытка выразить психологическую боль через соматическую.

По шкале склонности к деликвентному поведению у 27% подростков получены результаты более 50 баллов, что говорит о низком социальном контроле и готовности к реализации аддиктивного поведения.

Рассмотрим результаты, полученные по методике выявления склонности к суицидальным реакциям П.И. Юнацкевич (рис. 3).

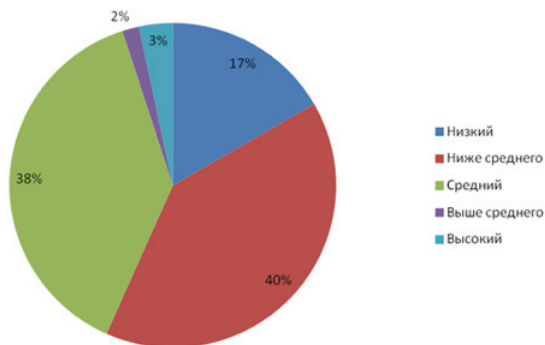

Рис. 3. Соотношение выраженности склонности к суицидальным реакциям среди подростков

Наиболее часто в выборке встречаются средний уровень склонности к суицидальным реакциям (38%) и уровень ниже среднего (40%). Данный результат свидетельствует о том, что большинство опрошенных подростков имеют определенную устойчивость к негативным событиям и могут проявить суицидальные тенденции при воздействии значительных стрессовых и травмирующих факторов.

Уровень «выше среднего» наблюдается у 2% подростков, что свидетельствует о выраженной склонности к суицидальным тенденциям при различных проблемных и стрессовых ситуациях.

У 3% подростков высокая склонность к суицидальным реакциям, что выражается в суицидальных тенденциях даже на незначительные стрессовые факторы. Данная ситуация является критической и требует психологической помощи подростку.

Статистический анализ данных

Дальнейший анализ данных осуществлялся с применением программы статистической обработки данных SPSS, 21.0, методом корреляционного анализа. Применялись критерий ранговой корреляции Спирмена и U критерий Манна–Уитни.

В табл. 1 представлены результаты проведенного корреляционного анализа между показателями оценки родителей, отклоняющегося поведения и склонности к суицидальным тенденциям подростков.

Таблица 1

Результаты анализа корреляций
между типами родительского поведения и типами отклоняющегося поведения подростков

		Социально желательные ответы	Преодоление норм и правил	Аддитивное поведение	Самоповреждающее поведение	Агрессия и насилие	Деликventное поведение
AUT мать	г	-,326*	,062	,197	-,101	,068	,208
	р	,012	,639	,135	,446	,609	,115
DIR отец	г	,341*	,274	,181	,362**	,190	,032
	р	,014	,052	,203	,009	,182	,825
HOS отец	г	,049	,190	,251	,177	,358**	,311*
	р	,732	,182	,076	,213	,010	,026
AUT отец	г	-,351*	-,167	,079	-,252	-,087	-,098
	р	,011	,242	,583	,075	,543	,494
NED отец	г	,088	,419**	,300*	,535**	,380**	,270
	р	,540	,002	,032	,000	,006	,055

* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

Отмечена обратная статистически значимая связь автономии со стороны матери и ориентацией на социально желательные ответы ($r = -0,326$, при $p \leq 0,05$), то есть чем сильнее выражена автономность, тем меньше подросток ориентирован на социально желательные ответы.

В выборке отмечена прямая связь директивности со стороны отца и ориентацией на социально желательные ответы ($r = 0,341$, при $p \leq 0,05$), а также склонностью к самоповреждениям ($0,362$, при $p \leq 0,01$), то есть чем сильнее выражена директивность отца, тем больше подросток ориентирован на социально желательные ответы, и тем сильнее у него проявляется склонность к самоповреждающему поведению.

Отмечена прямая связь враждебности со стороны отца и склонности к агрессии ($r = 0,358$, при $p \leq 0,01$), а также склонности к делинквентному поведению ($0,311$ при $p \leq 0,05$), то есть чем сильнее выражена враждебность, тем сильнее у подростка выражена склонность к агрессии и делинквентному поведению.

Отмечена обратная связь автономии со стороны отца и ориентации на социально желательные ответы ($r = -0,351$, при $p \leq 0,05$), то есть чем сильнее выражена автономность, тем меньше подросток ориентирован на социально желательные ответы.

Отмечена прямая связь непоследовательности со стороны отца и склонности к преодолению норм и правил ($r = 0,419$, при $p \leq 0,01$), склонности к аддиктивному поведению ($r = 0,300$, при $p \leq 0,05$), склонности к самоповреждающему поведению ($r = 0,535$, при $p \leq 0,01$), склонности к агрессии и насилию ($r = 0,380$, при $p \leq 0,01$), то есть чем сильнее выражена автономность, тем выше у подростка склонность к нарушению норм, зависимому поведению, самоповреждениям, а также агрессии.

Также были проанализированы различия между результатами юношей и девушек по всем методикам (табл. 2). Различия оценивались с помощью U-критерия Манна–Уитни.

Значимые различия были обнаружены по шкалам установки на социально желательные ответы, склонности к самоповреждениям, оценки враждебности и автономии со стороны матери, а также директивности и автономии со стороны отца.

Согласно средним значениям, ориентация на социально желательные ответы сильнее выражена у юношей (значимость различий $p = 0,011$). Склонность к самоповреждениям сильнее выражена у юношей (значимость различий $p = 0,022$). Также юноши в большей степени склонны оценивать мать как враждебную (значимость различий $p = 0,016$).

Таблица 2

Результаты анализа различий типов родительского поведения и отклоняющегося поведения у подростков разного пола

	Установка на социально желательные ответы	Самоповреждения	HOS мать	AUT мать	DIR отец	AUT отец
Статистика U Манна-Уитни	280,500	295,500	280,000	261,500	192,500	218,500
Статистика W Уилкоксона	715,500	730,500	686,000	757,500	492,500	596,500
Z	-2,530	-2,288	-2,402	-2,727	-2,585	-2,094
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,011	,022	,016	,006	,010	,036
Девушки	24,67	25,19	24,50	36,16	20,52	30,40
Юноши	35,95	35,47	34,97	24,44	30,87	22,09

Девушки в большей мере отмечают автономность матери (значимость различий $p = 0,006$). Юноши отмечают более высокую директивность отца (значимость различий $p = 0,010$). Девушки в большей мере склонны оценивать отца как проявляющего автономность (значимость различий $p = 0,036$).

Анализ полученных математических закономерностей позволяет в совокупности говорить о том, что для подростков, особенно для юношей, принципиально важным фактором, участвующим в становлении саморазрушающего поведения, является позиция отца, его отношение к подростку. Действенными показателями этого отношения являются уровень директивности отцов (прямая связь) и уровень непоследовательности воспитательной позиции отцов (прямая связь).

Показатель суицидальности, полученный по выборке, позволяет предположить, что саморазрушающее поведение подростков напрямую не ведет к суицидальным мыслям или действиям. Саморазрушающее поведение разворачивается, по всей видимости, как самостоятельное явление. Этот результат, с одной стороны, хорошо согласуется с исследованиями, рассматриваемыми нами при постановке проблемы [Farberow 1980]. Однако такие выводы требуют надежного обоснования и дополнительной проверки, так как связаны с чрезвычайно значимой и ответственной проблематикой.

Выводы

Гипотеза исследования в целом подтвердилась: существуют различия в показателях склонности к саморазрушающему поведению подростков с разными типами взаимоотношений с родителями. Показатели склонности к саморазрушающему поведению выше в случае, когда подросток ощущает враждебность и директивность со стороны родителей, в отличие от ситуаций, когда родители проявляют доброжелательность и позитивный интерес к подростку.

1. Обнаружена прямая статистически значимая связь непоследовательности и директивности со стороны отца со склонностью к самоповреждающему поведению. Также обнаружена обратная статистически значимая связь автономии со стороны матери и ориентацией на социально желательные ответы, прямая статистически значимая связь директивности со стороны отца и ориентацией на социально желательные ответы, прямая статистически значимая связь враждебности со стороны отца и склонности к агрессии, склонности к делинквентному поведению, обратная статистически значимая связь автономии со стороны отца и ориентации на соци-

ально желательные ответы, прямая статистически значимая связь непоследовательности со стороны отца и склонности к преодолению норм и правил, склонности к аддиктивному поведению, склонности к агрессии и насилию.

2. Обнаружены значимые различия в представлениях юношей и девушек о родительской позиции. Согласно анализу различий, ориентация на социально желательные ответы сильнее выражена у юношей, склонность к самоповреждениям сильнее выражена у юношей, также юноши в большей степени склонны оценивать мать как враждебную. Девушки в большей мере отмечают автономность матери, юноши отмечают более высокую директивность отца, девушки в большей мере склонны оценивать отца как проявляющего автономность.

Заключение

Изучение феномена СРП следует строить в направлении дифференциации различных факторов такого поведения: семейных, широких социальных, личностных. Влияние семейного фактора нашло подтверждение в нашем исследовании на уровне статистической значимости. Дальнейший шаг должен строиться в направлении анализа не только представлений подростков, но и изучения позиции родителей в опросах самих родителей. Кроме того, необходимо увеличивать выборку, что позволит уточнить возрастную динамику проявления феномена СРП. Одновременно должна разрабатываться практика масштабной психологической помощи и психопрофилактики СРП.

Литература

- Моисеева 2019 – *Моисеева Т.А.* Саморазрушающее поведение подростков как скрытый суицид // Молодой ученый. 2019. № 22 (260). С. 642–644.
- Попов 1991 – *Попов Ю.В.* Границы и типы саморазрушающего поведения у детей и подростков // Саморазрушающее поведение у подростков: Сб. науч. тр. Л., 1991. С. 5–9.
- Старшенбаум 2006 – *Старшенбаум Г.В.* Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей. М.: Когито-Центр, 2006. 285 с.
- Ташева и др. 2022 – *Ташева А.И., Арпентьева М.Р., Гриднева С.В.* Диагностика и коррекция девиаций в вузе // Вестник Прикамского социального института. 2022. № 2 (92). С. 89–101.
- Farberow 1980 – *Farberow N.L.* Indirect self-destructive behavior: Classification and characteristics // The Many Faces of Suicide / Ed. by N.L. Farberow. New York: McGraw-Hill Book Company, 1980.

- Guan et al. 2012 – Guan K., Fox K.R., Prinstein M.J. Nonsuicidal self-injury as a time-invariant predictor of adolescent suicide ideation and attempts in a diverse community sample // *Journal of consulting and clinical psychology*. 2012. Т. 80. № 5. С. 842–849.
- Thomassin et al. 2016 – Thomassin K. et al. Specificity of childhood maltreatment and emotion deficit in nonsuicidal self-injury in an inpatient sample of youth // *Psychiatry research*. 2016. Т. 244. С. 103–108.

References

- Farberow, N.L. (1980), “Indirect self-destructive behavior: Classification and characteristics”, Farberow, N.L. (ed.), *The Many Faces of Suicide*, McGraw-Hill Book Company, New York, USA.
- Guan, K., Fox, K.R. and Prinstein, M.J. (2012), “Nonsuicidal self-injury as a time-invariant predictor of adolescent suicide ideation and attempts in a diverse community sample”, *Journal of consulting and clinical psychology*, vol. 80, no. 5, pp. 842–849.
- Moiseeva, T.A. (2019), “Self-destructive behavior of adolescents as a hidden suicide”, *Young scientist*, no. 22 (260), pp. 642–644.
- Popov, Yu.V. (1991), “Boundaries and types of self-destructive behavior in children and adolescents”, *Samorazrushayushchee povedenie u podrostkov: Sb. nauch. tr.* [Self-destructive behavior in adolescents], Leningrad, pp. 5–9.
- Starshenbaum, G.V. (2006), *Addiktologiya: psikhologiya i psikhoterapiya zavisimosti*, [Addictology: psychology and psychotherapy of addictions], Kogito-Tsentr, Moscow, Russia.
- Tashcheva, A.I., Arpent'eva, M.R. and Gridneva, S.V. (2022), “Diagnostics and correction of deviations in University”, *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, no. 2 (92), pp. 89–101.
- Thomassin, K. et al. (2016), “Specificity of childhood maltreatment and emotion deficit in nonsuicidal self-injury in an inpatient sample of youth”, *Psychiatry research*, vol. 244, pp. 103–108.

Информация об авторах

Татьяна П. Авдулова, кандидат психологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; avdulova@bk.ru

Анастасия Н. Горозжанкина, магистрант, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; n.gorozhankina@yandex.ru

Information about the authors

Tat'yana P. Avdulova, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991; avdulova@bk.ru

Anastasiya N. Gorozhankina, master student, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Malaya Pirogovskaya Street, Moscow, Russia, 119991; n.gorozhankina@yandex.ru

Работы молодых ученых

УДК 159.922:004.738.5

DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-155-173

Психологические особенности людей с разным предпочтением виртуального пространства в 2021 и 2023 гг.

Ольга С. Филиппова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, philippova.o.s@gmail.com*

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ психологических характеристик людей с разным предпочтением виртуального пространства в 2021 г. и в 2023 г. В исследовании приняли участие 351 респондент в возрасте от 17 до 35 лет. Использовались следующие шкалы: «Общая шкала проблемного использования интернета» (GPIUS3), «Пятифакторный опросник осознанности» (FFMQ), «Шкала психологического благополучия».

Результаты показали, что в целом группе респондентов 2023 г. по сравнению с респондентами 2021 г. характерно реже отдавать свой выбор в пользу онлайн-коммуникации; иметь меньше негативных последствий использования интернета, отражающихся на повседневной жизни; обладать большим чувством личностного развития. Различия в психологических характеристиках между подгруппами людей, предпочитающих реальное взаимодействие с миром и комбинацию реального и виртуального взаимодействия с миром в 2023 г. практически отсутствует и характеризуется лишь большим ощущением личностного прогресса у последних. Ситуация 2021 г. обратная: люди, предпочитающие реальное взаимодействие с миром, демонстрируют более высокий уровень благополучия и менее выраженные факторы проблемности использования интернета. Респонденты, предпочитающие комбинацию реального и виртуального взаимодействия с миром в 2023 г., чувствуют себя более благополучно, а использование ими виртуальной реальности носит более адаптивный характер. Респонденты, отдающие предпочтение виртуальной форме взаимодействия с миром в 2023 г., имеют значительные различия в психологических характеристиках как в сравнении с другими респондентами выборки 2023 г., так и с подгруппой с аналогичным предпочтением виртуального взаимодействия в 2021 г. Они также имеют значительно более низкий уровень психологического благополучия.

© Филиппова О.С., 2024

Ключевые слова: проблемное использование интернета, адаптивное использование интернета, психологические ресурсы, психологические характеристики

Для цитирования: Филиппова О.С. Психологические особенности людей с разным предпочтением виртуального пространства в 2021 и в 2023 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 1. С. 155–173. DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-155-173

Psychological characteristics of people with different preferences for virtual space in 2021 and 2023

Ol'ga S. Philippova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
philippova.o.s@gmail.ru*

Abstract. The article presents a comparative analysis of the psychological characteristics of people with different preferences for virtual space in 2021 and 2023. The study involved 351 respondents aged 17 to 35 years. The following scales were used: General Problematic Internet Use Scale (GPIUS3), Five-Factor Mindfulness Questionnaire (FFMQ), Psychological Well-Being Scale.

The results showed that, in general, the group of respondents in 2023, compared with respondents in 2021, is less likely to choose online communication; have fewer negative consequences of Internet use that affect everyday life; have a great sense of personal development. The difference in psychological characteristics between subgroups of people who prefer real interaction with the world and a combination of real and virtual interaction with the world in 2023 is practically absent and is characterized only by a greater sense of personal progress among the latter. The situation in 2021 is the opposite; people who prefer real interaction with the world demonstrate a higher level of well-being and less pronounced factors of problematic Internet use. Respondents who prefer a combination of real and virtual interactions with the world in 2023 feel more favorably, and their use of virtual reality is more adaptive. Respondents who prefer a virtual form of interaction with the world in 2023 have significant differences in psychological characteristics, both in comparison with other respondents in the 2023 sample, and with a subgroup with a similar preference for virtual interaction in 2021. They also have significantly lower levels of psychological well-being.

Keywords: problematic use of the Internet, adaptive use of the Internet, psychological resources, psychological characteristics

For citation: Philippova, O.S. (2024), "Psychological characteristics of people with different preferences for virtual space in 2021 and 2023", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 155–173, DOI: 10.28995/2073-6398-2024-1-155-173

Введение

Одной из сущностных характеристик современного общества является понятие «транзитивность», представляющее собой как некий переходный, промежуточный между двумя состояниями период общественного развития, отличающийся неопределенностью, изменчивостью и многообразием. В таких условиях немаловажное значение в жизни человека имеет виртуальное пространство, которое рассматривается не только с точки зрения информационных возможностей, но и с точки зрения возможностей для коммуникации, в основном для молодежи. В ситуациях жесткой (кризисной) и текучей транзитивности психологическое благополучие может быть обусловлено стилем информационной идентичности, который предполагает большую гибкость и приспособляемость к изменениям. «Прозрачность» сети, как ее специфическая особенность, оказывает негативное влияние на субъективное ощущение благополучия в условиях жесткой транзитивности лиц, склонных к получению готового решения. С точки зрения Т.Д. Марцинковской, обратной стороной расширения цифровой информационной социализации является сочетание снижения межличностной интолерантности и повышения толерантности к неопределенности [Марцинковская 2019].

Изучение предпочтения человеком виртуального пространства насчитывает уже несколько десятилетий и исчисляется множеством опубликованных исследований, что подтверждает актуальность исследования данного феномена. Изучению подвергались особенности сетевой активности¹; специфика социальной и когнитивной активности в Интернете [Кузнецова, Чудова 2011]. Было проведено масштабное исследование личности интернет-зависимых пользователей, в том числе особенностей эмоционально-личностной сферы пользователей, склонных к интернет-зависимости [Спиркина 2008].

За последние несколько лет были получены новые данные об особенностях чрезмерного использования виртуального про-

---

¹ *Белинская Е.П.* Психология Интернет-коммуникации: Учеб. пособие. М: МПСУ, 2013. 192 с.

странства. При изучении взаимосвязи проблемного использования Интернета и психоэмоционального состояния было показано, что проблемное использование Интернета может привести к возникновению тревоги, гнева, враждебности или депрессии [Tomska et al. 2022]. Выявлено, что факторами, потенциально ухудшающими использование Интернета, могут выступать более раннее начало использования виртуального пространства, а также отсутствие близких романтических взаимоотношений [Maia, Morgado 2022].

Изучение когнитивного аспекта проявления проблемного использования Интернета позволило продемонстрировать повышение эмоциональной уязвимости в отношении таких убеждений, как одобрение, любовь, достижение, автономия с выраженностью проблемного использования Интернета [Вишняков и др. 2022].

На выборке лиц подросткового и юношеского возраста были выделены предикторы, способствующие формированию чрезмерного использования виртуального пространства, которыми являются неуверенность в себе, подчиняемость и зависимость от поведения окружающих в сочетании с выраженным стремлением в Интернете представить другим нереалистичный образ себя [Щукина, Мартела 2022].

На фоне пандемии COVID-19 показано негативное влияние условий самоизоляции, введения дистанционной формы учебы на выраженность рискованного/импульсивного использования Интернета [Кучма и др. 2022]; повышение выраженности негативных последствий использования Интернета, отмечена взаимосвязь увеличения конфликтности в семейных взаимоотношениях с усилением проблемности использования Интернета [Герасимова, Холмогорова 2020].

Помимо этого, продолжалось проведение исследований, посвященных специфике сетевой активности, в результате которых было выявлено, что факторами, способствующими формированию проблемного использования Интернета, выступают использование социальных сетей в развлекательных целях, для поиска разнородной информации о людях и событиях, а также для общения и самопрезентации, в то время как активное сознательное использование виртуального пространства для учебных целей способствует снижению выраженности проблемного использования Интернета [Холмогорова и др. 2022].

В эмпирических исследованиях последних лет, в которых изучение проблемного использования Интернета проводилось с разных сторон, прослеживается представление проблемного использования Интернета в качестве компенсаторного механизма, используемого людьми в том числе в ситуациях высокой стрессо-

генности, как, например, пандемия COVID-19. Согласно теории Д.А. Леонтьева, ресурсы как определенные средства, способствующие достижению цели и поддержанию благополучия, включают в себя, в том числе, и психологические факторы – личностные черты, жизнестойкость, психологическое благополучие и особенности саморегуляции. При этом, согласно энергетическим процессам, лежащим в основе личностного потенциала, дефицит одних ресурсов может компенсироваться за счет других [Леонтьев 2016]. В соответствии с этим представляется целесообразным рассматривать использование виртуального пространства как одного из возможных способов саморегуляции, используемого для компенсации дефицита личностных ресурсов.

Таким образом, несмотря на значительный объем проведенных исследований, остаются актуальными вопросы о психологических характеристиках людей, отдающих предпочтение виртуальному пространству, и специфике компенсаторного характера этого предпочтения.

Цель исследования – выявление психологических характеристик людей с разными особенностями взаимодействия с виртуальным пространством.

Общей гипотезой стало предположение о том, что существует различие в психологических характеристиках людей, активно использующих виртуальное пространство в 2021 и 2023 гг.

Методы, методика

В основе проведенного исследования лежит субъектно-личностный подход. Использован комплекс следующих методик:

- пятифакторный опросник осознанности (Five Facet Mindfulness Questionnaire, FFMQ) Р. Баера в адаптации Н.М. Юмартовой, Н.В. Гришиной для оценки пяти аспектов «осознанности» или «полноты сознания» [Юмартова, Гришина 2013];
- опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко для определения уровня психологического благополучия и определения характера соотношения его компонентов [Шевеленкова, Фесенко 2005];
- общая шкала проблемного использования Интернета (GPIUS3) С. Каплана в адаптации А.А. Герасимовой, А.Б. Холмогоровой для диагностики пяти факторов проблемного использования интернета [Герасимова, Холмогорова 2018].

Статистическая обработка полученных данных осуществлялась при помощи пакета программ SPSS Statistics 26.0. Предварительно была проведена оценка нормальности распределения показателей посредством расчетов критерия согласия Колмогорова–Смирнова. В результате было выявлено несоответствие данных критериям нормальности, в связи с чем в последующем была использована непараметрическая статистика для проведения дальнейшего анализа. Различия между группами были оценены с помощью критерия Манна–Уитни. Корреляционный анализ был проведен с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Описание выборки

Выборку, полученную весной 2021 г. (далее – исследование 1.0), составили 182 респондента в возрасте от 17 до 32 лет ($21,10 \pm 2,6$) из различных регионов Российской Федерации (преимущественно) и ряда иностранных государств, из них женщин – 107, мужчин – 75. Выборку, полученную летом 2023 г. (далее – исследование 2.0), составили 169 респондентов в возрасте от 17 до 35 лет ($26,02 \pm 4,66$) из различных регионов Российской Федерации (преимущественно) и ряда иностранных государств, из них женщин – 115, мужчин – 54. Соотношение достоверное не различается ($\chi^2 = 3,230$, $p > 0,05$). Сбор эмпирических данных осуществлялся с использованием онлайн-сервиса Гугл Формы (Google Forms). Все респонденты были уведомлены о цели исследования и дали согласие на обработку персональных данных и использование результатов примененных методик в научных интересах.

Обе выборки были разбиты на три подгруппы, согласно результатам авторской анкеты. К подгруппе «реальная» были отнесены респонденты, которые, отвечая на вопросы о предпочтительных формах взаимодействия с миром (покупки, общение, работа и т. д.), выбирали преимущественно реальное, непосредственное взаимодействие. К подгруппе «смешанная» были отнесены респонденты, которые, отвечая на вопросы о предпочтительных формах взаимодействия с миром, выбирали комбинацию реального и онлайн-взаимодействия. К подгруппе «виртуальная» были отнесены респонденты, которые, отвечая на вопросы о предпочтительных формах взаимодействия с миром, выбирали преимущественно виртуальное взаимодействие.

Результаты исследования

В ходе проведенного исследования было выявлено, что респонденты, участвовавшие в опросе весной 2021 г., достоверно отличаются по ряду психологических характеристик от респондентов, прошедших опрос в 2023 г. Группа 2021 г. демонстрирует большее предпочтение онлайн-общению наряду с более высоким уровнем негативных последствий использования Интернета, а также более сдержанное ощущение личностного роста, более высокий уровень нереагирующего отношения к своему опыту по сравнению с респондентами группы 2023 г. (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ психологических характеристик людей групп исследования 1.0 и исследования 2.0

Шкала	Исследование 1.0		Исследование 2.0		U	p
	M	σ	M	σ		
Личностный рост	57,29	9,37	60,66	13,94	11223	0,01
Нереагирующее отношение к своему опыту	23,32	3,59	22,19	4,73	10791	0,018
Предпочтение онлайн-общения	12,03	4,89	10,34	4,96	10855,5	0,004
Негативные последствия	5,82	3,16	4,46	2,96	9823,5	0

Остальные показатели в обеих группах находятся на среднем уровне и достоверно не различаются.

Обе группы респондентов были разбиты в соответствии с результатами авторской анкеты о предпочтении виртуального мира на три подгруппы. Предпочтение реальному взаимодействию с миром отдали 33 человека из 1-го этапа и 33 человека из 2-го этапа. Комбинации реального и виртуального взаимодействия с миром отдали 95 и 100 человек соответственно. Виртуальный мир предпочли 31 и 33 человека соответственно.

Респонденты, отдавшие предпочтение реальному, непосредственному взаимодействию с миром, в исследовании 1.0 достоверно отличаются от двух других подгрупп по ряду показателей.

В сравнении с подгруппой «смешанной» формы предпочитаемого взаимодействия с миром они отличаются более высоким уровнем психологического благополучия, в частности более доверительными отношениями с окружающими, большей независимостью от мнения окружающих, более сильным ощущением личностного роста, большей осмысленностью жизни, более позитивным отношением к себе. Вместе с тем люди, предпочитающие реальный мир, имеют более развитый навык описания опыта и умение действовать с осознанностью. Все факторы проблемного использования интернета в «реальной» подгруппе достоверно менее выражены, чем в «смешанной» подгруппе. Люди, предпочитающие комбинацию виртуальной и реальной формы взаимодействия с миром, закономерно отдают большее предпочтение онлайн-коммуникациям, а не лицом к лицу; чаще прибегают к виртуальному пространству с целью улучшения эмоционального состояния; имеют больше трудностей в планировании своего пребывания в сети и контроле мыслей о возвращении в Интернет; чаще сталкиваются с негативным влиянием Интернета на повседневную жизнь (табл. 2).

Таблица 2

Значимые различия психологических характеристик подгрупп «реальной» и «смешанной» формы предпочитаемого взаимодействия с миром
1 этап (весна 2021 г.)

Шкала	«реальная»	«смешанная»	U	p
	М	М		
Психологическое благополучие	371,24	328,93	1053	0
Позитивные отношения	61,73	54,27	1196	0,005
Автономия	59,42	53,8	1161	0,003
Личностный рост	63,88	55,47	920	0
Цели в жизни	62,33	54,89	1059	0,001
Самопринятие	62,12	54,73	1108	0,001
Навык описания опыта	30,18	26,54	1120,5	0,001
Умение действовать с осознанностью	26,79	22,65	1267	0,014
Предпочтение онлайн-общения	6,55	12,26	507	0
Регуляция настроения	8,36	11,7	917	0

Окончание табл. 2

Шкала	«реальная»	«смешанная»	U	p
	М	М		
Когнитивная поглощенность	6,42	10,9	662,5	0
Компульсивное использование	6,76	10,84	761,5	0
Негативные последствия	4,03	6,75	891	0

Результаты сравнительного анализа подгрупп «реальной» и «виртуальной» формы предпочитаемого взаимодействия с миром говорят о том, что достоверных различий между ними меньше, чем между группами «реальной» и «смешанной» форм. Из всех показателей психологического благополучия есть отличие только в ощущении личностного роста. У респондентов, выбирающих реальное взаимодействие с миром, оно выше, как и способность не цепляться за мысли, которую отражает показатель нереагирующего отношения к своему опыту. Все факторы проблемного использования Интернета, за исключением негативных последствий влияния Интернета на повседневную жизнь, в «реальной» подгруппе достоверно менее выражены, чем в «виртуальной», речь идет о значительно менее выраженном предпочтении онлайн-общения, о меньшей мотивации использовать Интернет с целью регуляции настроения, о меньшем уровне когнитивной поглощенности и компульсивном использовании (табл. 3).

Таблица 3

Значимые различия психологических характеристик подгрупп «реальной» и «виртуальной» формы предпочитаемого взаимодействия с миром
1 этап (весна 2021 г.)

Шкалы	«реальная»	«виртуальная»	U	p
	М	М		
Личностный рост	63,88	56,55	288,5	0
Нереагирующее отношение к своему опыту	24,42	21,45	280,5	0
Предпочтение онлайн-общения	6,55	17,06	41	0
Регуляция настроения	8,36	13,71	191	0
Когнитивная поглощенность	6,42	13,23	142,5	0
Компульсивное использование	6,76	11,32	245,5	0

Психологические характеристики людей «смешанной» и «виртуальной» подгрупп имеют множество различий. Люди, предпочитающие комбинацию реальной и виртуальной форм взаимодействия с миром, отличаются более развитым навыком замечать, отслеживать свой внешний и внутренний опыт, большей осознанностью действий, лучшей способностью не увлекаться мыслями, а также меньшей когнитивной поглощенностью Интернетом, предпочтением чаще общаться лицом к лицу, чем респонденты, отдающие предпочтение «виртуальной» форме взаимодействия с миром. Особый интерес представляет то, что «виртуальная» подгруппа на фоне перечисленных отличий демонстрирует более высокий уровень психологического благополучия, самопринятия и меньшую степень негативных последствий использования Интернета, сказывающихся на повседневной жизни (табл. 4). Вероятно, речь идет о следствии практически полной интеграции виртуального пространства в повседневную жизнь.

Таблица 4

Значимые различия психологических характеристик подгрупп «смешанной» и «виртуальной» формы предпочитаемого взаимодействия с миром
1 этап (весна 2021 г.)

Шкала	«смешанная»	«виртуальная»	U	p
	M	M		
Психологическое благополучие	328,93	348,55	1130	0,01
Самопринятие	54,73	59,48	1201,5	0,02
Навык наблюдения	27,03	25,19	1238	0,03
Умение действовать с осознанностью	26,54	24,81	1225	0,03
Нереагирующее отношение к своему внутреннему опыту	23,51	21,45	1055	0
Предпочтение онлайн-общения	12,26	17,06	602,5	0
Регуляция настроения	11,7	13,71	1242	0,03
Когнитивная поглощенность	10,9	13,23	1176	0,01
Негативные последствия	6,75	4,55	982,5	0

В исследовании 2.0, проведенном летом 2023 г., подгруппы респондентов «реальная» и «смешанная» достоверно различаются только показателем «личностный рост», во второй подгруппе он выше (ср. знач. 58,84 и 64,7; $U = 1146$ при $p = 0,01$). На основании этого было принято решение объединить подгруппы «смешанная» и «реальная» для сравнительного анализа с подгруппой «виртуальная». В результате было выявлено, что комбинированная и «виртуальная» подгруппы имеют значительные различия в психологических характеристиках. Комбинированная подгруппа отличается значительно менее выраженными факторами проблемного использования интернета, в том числе когнитивной поглощенностью, компульсивным использованием, использованием Интернета с целью регуляции настроения. При этом респонденты комбинированной подгруппы демонстрируют более высокие значения показателей факторов психологического благополучия, таких как наличие доверительных отношений, способность противостоять социальному давлению, способность управляться с повседневными делами, ощущение непрерывного саморазвития, наличие целей в жизни, позитивное отношение к себе. Важно отметить, что два показателя осознанности, отображающие способность быть включенным в настоящий момент и умение безоценочно принимать любой внутренний опыт, у людей, предпочитающих виртуальное пространство, выше, чем у остальных (табл. 5). Ни в одном из случаев в исследовании 1.0 «виртуальная» подгруппа не отличалась более высокими показателями осознанности, а даже наоборот, были отмечены эти же показатели как более низкие в сравнении со «смешанной» группой.

Таблица 5

Значимые различия психологических характеристик комбинированной подгруппы и «виртуальной»
2 этап (лето 2023 г.)

Шкала	«реальная» + «смешанная»	«вирту- альная»	U	p
	М	М		
Психологическое благополучие	346,08	295,97	983,5	0
Позитивные отношения	57,75	47,41	917	0
Автономия	55,73	49,94	1353,5	0,005
Управление средой	56,17	48,69	1205	0,001
Личностный рост	60,66	50,56	1003,5	0

Окончание табл. 5

Шкала	«реальная» + «смешанная»	«вирту- альная»	U	p
	M	M		
Цели в жизни	58,47	48,91	1030	0
Самопринятие	57,3	50,47	1302	0,002
Умение действовать с осознанностью	23,93	27,03	1084	0
Безоцен. отн. к внутр. опыту	21,46	24,74	1232,5	0,004
Предпочтение онлайн-общения	10,34	15,42	569,5	0
Регуляция настроения	12,04	14	1382	0,013
Когнитивная поглощенность	9,67	13,16	992,5	0
Компульсивное использование	10,36	14,1	925	0

Для более подробного изучения различий подгрупп двух выборок был проведен попарный сравнительный анализ между подгруппами с одинаковым предпочтением виртуальной реальности исследования 1.0 и исследования 2.0.

Подгруппы респондентов, предпочитающих «реальную» форму взаимодействия с миром, достоверно отличаются только значениями показателей факторов осознанности. Респонденты, участвовавшие в исследовании 1.0 весной 2021 г., обладают более развитым навыком словесного описания своего внутреннего опыта, умением безоценочно относиться к любому внутреннему опыту и способностью не цепляться за мысли, не увлекаться ими (табл. 6).

Говоря о результатах сравнительного анализа между «смешанными» подгруппами, можно отметить, что все факторы проблемного использования Интернета в выборке лета 2023 г. ниже, а уровень психологического благополучия в целом и по частным показателям выше. Респонденты «смешанной» подгруппы исследования 2.0 отличаются более высокими значениями показателей, отображающих наличие доверительных отношений, автономию в принятии решений, ощущение личностного роста, осмысленность жизни, поддержание позитивного отношения к себе. Можно предположить, что сегодня «смешанная» форма взаимодействия с миром стала более адаптивной, чем два года назад (табл. 7).

Таблица 6

Значимые различия психологических характеристик подгрупп «реальной» формы предпочитаемого взаимодействия с миром (весна 2021 г. и лето 2023 г.)

Шкала	«реальная» 1.0	«реальная» 2.0	U	p
	М	М		
Навык описания опыта	30,18	26,30	275,5	0,011
Безоценочное отношение к своему внутреннему опыту	24,70	20,17	318,5	0,024
Нереагирующее отношение к своему опыту	24,42	21,86	292,5	0,014

Таблица 7

Значимые различия психологических характеристик подгрупп «смешанной» формы предпочитаемого взаимодействия с миром (весна 2021 г. и лето 2023 г.)

Шкалы	«смешанная» 1.0	«смешанная» 2.0	U	p
	М	М		
Психологическое благополучие	328,93	363,03	3339,5	0
Позитивные отношения	54,27	61,09	3062,5	0
Автономия	53,8	57,71	3826,5	0,003
Личностный рост	55,47	64,7	2814	0
Цели в жизни	54,89	61,79	3263	0
Самопринятие	54,73	59,24	3674	0,001
Предпочтение онлайн-общения	12,26	9,16	3038,5	0
Когнитивная поглощенность	10,9	8,83	3437	0
Компульсивное использование	10,84	9,73	4103	0,043
Негативные последствия	6,75	4,13	2583,5	0

В ходе сравнения подгрупп респондентов, предпочитающих виртуальное взаимодействие с миром, выявлено, что выборка исследования 1.0 весны 2021 г. отличается значительно более высоким уровнем психологического благополучия, он находится на среднем уровне, тогда как у респондентов исследования 2.0 лета 2023 г. он уже попадает в категорию низкого. Низкие значения показателей психологического благополучия подгруппы 2.0 говорят о том, что у респондентов трудности в выстраивании доверительных отношений, присутствует озабоченность оценками других, есть ощущение личностной стагнации, отсутствуют убеждения, придающие цели жизни, в то время как у респондентов исследования 2.0 все эти показатели находятся на среднем уровне. Вместе с тем у респондентов 2023 г. больше трудностей в планировании своего времени пребывания в Сети, но их показатель умения действовать с осознанностью выше, чем у респондентов исследования 1.0 (табл. 8).

Таблица 8

Значимые различия психологических характеристик
подгрупп «виртуальной» формы
предпочитаемого взаимодействия с миром
(весна 2021 г. и лето 2023 г.)

Шкала	«вирту- альная» 1.0	«вирту- альная» 2.0	U	p
	М	М		
Психологическое благополучие	348,55	295,97	250,5	0,001
Позитивные отношения	56,71	47,41	270,5	0,002
Автономия	59,23	49,94	286,5	0,004
Личностный рост	56,55	50,56	351	0,046
Цели в жизни	57,52	48,91	258,5	0,001
Самопринятие	59,48	50,47	309	0,01
Умение действовать с осознанностью	24,81	27,03	302,5	0,012
Компульсивное использование	11,32	14,1	313,5	0,018

Обсуждение результатов

В ходе проведенного исследования гипотеза о том, что существует различие в психологических характеристиках людей, активно использующих виртуальное пространство в 2021 и 2023 гг., была подтверждена. В целом группа 2021 г. демонстрирует большее предпочтение онлайн-общению наряду с более высоким уровнем негативных последствий использования Интернета, отражающихся на повседневной жизни, а также более сдержанное ощущение личностного роста и более высокий уровень способности не цепляться за мысли по сравнению с респондентами группы 2023 г. В исследовании 1.0 подгруппы, созданные на основе предпочитаемой формы взаимодействия с миром, все достоверно отличаются друг от друга по ряду показателей. В сравнении с подгруппой «смешанной» формы предпочитаемого взаимодействия с миром «реальная» отличается более высоким уровнем психологического благополучия. Вместе с тем люди, предпочитающие реальный мир, имеют более развитый навык описания опыта и умение действовать осознанно. Все факторы проблемного использования интернета в «реальной» подгруппе достоверно менее выражены, чем в «смешанной» подгруппе. В исследовании 2.0, проведенном летом 2023 г., подгруппы респондентов «реальная» и «смешанная» достоверно различаются только показателем «личностный рост», во второй подгруппе он выше, что противоположно результатам предыдущего этапа.

Анализируя различия подгрупп с одинаковым предпочтением виртуальной реальности в разный период времени, также можно пронаблюдать некоторые изменения. Менее всего по своим психологическим характеристикам различаются подгруппы людей, предпочитающих реальное, непосредственное взаимодействие с миром. Респонденты, участвовавшие в исследовании 1.0 весной 2021 г., обладают более развитым навыком словесного описания своего внутреннего опыта, умением безоценочно относиться к любому внутреннему опыту и способностью не цепляться за мысли, не увлекаться ими. Сравнение «смешанных» подгрупп показало, что все факторы проблемного использования Интернета в выборке лета 2023 г. ниже, а уровень психологического благополучия в целом и по частным показателям выше.

На контрасте со «смешанной» подгруппой подгруппа респондентов, предпочитающих виртуальное взаимодействие с миром, в 2023 г. отличается значительно более низким уровнем психологического благополучия, чем «виртуальная» подгруппа 2021 г., а также в сравнении с остальными респондентами из выборки 2023 г.

Их средний уровень благополучия попадает в категорию низкого, что говорит о трудностях в выстраивании доверительных отношений, озабоченности оценками других, ощущении личностной стагнации, недостаточности убеждений, придающих жизни осмысленность. Они также имеют больше трудностей в планировании своего времени пребывания в Сети, тем не менее их показатель способности действовать с осознанностью и пребывать в моменте «здесь и сейчас» выше, чем у респондентов исследования 1.0.

Выводы

В заключение можно обобщить полученные результаты в специфике психологических особенностей лиц с разным предпочтением виртуального пространства в исследованиях 1.0 и 2.0.

1. В целом группе респондентов 2023 г. по сравнению с респондентами 2021 г. характерно реже отдавать свой выбор в пользу онлайн-коммуникации; иметь меньше негативных последствий использования интернета, отражающихся на повседневной жизни; обладать большим чувством личностного развития. Все это на фоне более низкого показателя, отображающего способность не цепляться за мысли.

2. Различие в психологических характеристиках между подгруппами людей, предпочитающих реальное взаимодействие с миром и комбинацию реального и виртуального взаимодействия с миром, в 2023 г. практически отсутствует и характеризуется лишь большим ощущением личностного прогресса у последних. Ситуация 2021 г. обратная: люди, предпочитающие реальное взаимодействие с миром, демонстрируют более высокий уровень благополучия и менее выраженные факторы проблемности использования Интернета. Если результаты 2021 г. в некотором роде подтверждают предположение о компенсаторном характере использования Интернета «смешанной» подгруппой, то результаты 2023 г. могут говорить уже об изменении роли виртуального пространства в жизни человека, о том, что виртуальное пространство становится продолжением реального.

3. Респонденты, предпочитающие комбинацию реального и виртуального взаимодействия с миром в 2023 г., чувствуют себя более благополучно, а использование ими виртуальной реальности носит более адаптивный характер, что подтверждает снижение показателей проблемности использования Интернета.

4. Респонденты, отдающие предпочтение виртуальной форме взаимодействия с миром в 2023 г., имеют значительные отличия в

психологических характеристиках как в сравнении с другими респондентами выборки 2023 г., так и с подгруппой с аналогичным предпочтением виртуального взаимодействия в 2021 г. Они имеют более низкий уровень психологического благополучия, который может говорить о трудностях в выстраивании доверительных отношений, озабоченности оценками других, ощущении личностной стагнации, недостаточности убеждений, придающих жизни осмысленность. Они также имеют больше трудностей в планировании своего времени пребывания в Сети, тем не менее их показатель способности действовать с осознанностью и пребывать в моменте «здесь и сейчас» выше, чем у респондентов исследования 1.0.

Литература

- Вишняков и др. 2022 – *Вишняков А.В., Злоказова М.В., Леушина Е.С., Буфетова А.М.* Проблемное использование интернета и профиль дисфункциональных убеждений у студентов медицинского вуза // Вятский медицинский вестник. 2022. № 4 (76). С. 75–80.
- Герасимова, Холмогорова 2018 – *Герасимова А.А., Холмогорова А.Б.* Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 56–79.
- Герасимова, Холмогорова 2020 – *Герасимова А.А., Холмогорова А.Б.* Стратегии совладания, психологическое благополучие и проблемное использование интернета в период пандемии // Психологическая наука и образование. 2020. № 6. С. 31–40.
- Кузнецова, Чудова 2011 – *Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В.* Психология жителей Интернета. М.: ЛКИ, 2011. 224 с.
- Кучма и др. 2022 – *Кучма В.Р., Макарова А.Ю., Нарышкина Е.В., Ямщикова Н.Л., Бражников А.Ю., Федорин А.А., Лапонова Е.Д., Демина Н.Н.* Использование Интернета как фактор рискованного поведения молодежи в условиях дистанционного обучения при COVID-19 // Анализ риска здоровью. 2022. № 3. С. 63–71.
- Леонтьев 2016 – *Леонтьев Д.А.* Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 18–37.
- Марцинковская 2019 – *Марцинковская Т.Д.* Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 77–96.
- Спиркина 2008 – *Спиркина Т.С.* Личностные особенности пользователей сети Интернет, склонных к интернет-зависимости // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 473–477.

- Холмогорова и др. 2022 – Холмогорова А.Б., Казаринова Е.Ю., Рахманина А.А. Позиция обучающихся в учебной деятельности и предпочитаемый ими контент в интернете как факторы проблемного использования пространства Всемирной сети // Психологическая наука и образование. 2022. № 3. С. 104–116.
- Шевеленкова, Фесенко 2005 – Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.
- Щукина, Мартела 2022 – Щукина М.А., Мартела А.И. Социально-психологические особенности пользователей подросткового и юношеского возраста с проблемным использованием интернета // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 4 (146). С. 149–158.
- Юмартова, Гришина 2013 – Юмартова Н.М., Гришина Н.В. Осознанность (mindfulness). Психологические характеристики и инструменты измерения // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2013. № 1 (1). С. 267–273.
- Maia, Morgado 2022 – Maia B.R., Morgado P. Generalized problematic internet use, emotional regulation and self-esteem in adults // European Psychiatry. 2022. № 65. P. 815–816.
- Tomska et al. 2022 – Tomska N., Ryl A., Turoń A., Rotter I. Emotional State of Young Men in Relation to Problematic Internet Use // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. № 19.

References

- Gerasimova, A.A. and Kholmogorova, A.B. (2018), “The generalized problematic Internet use scale 3 modified version: approbation and validation on the Russian sample”, *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 26, no. 3, pp. 56–79.
- Gerasimova, A.A. and Kholmogorova, A.B. (2020), “Coping Strategies, Psychological Well-Being and Problematic Internet Use During a Pandemic”, *Psychological Science and Education*, no. 6, pp. 31–40.
- Kholmogorova, A.B., Kazarinova, E.Yu. and Rakhmanina, A.A. (2022), “Learning Position and Preferred Internet Content as Factors of Problematic Internet Use in Students”, *Psychological Science and Education*, no. 3, pp. 104–116.
- Kuchma, V.R., Makarova, A.Yu., Naryshkina, E.V., Yamshchikova, N.L., Brazhnikov, A. Yu., Fedorin, A.A., Laponova, E.D. and Demina, N.N. (2022), “Problematic internet use as youth’s risky behavior under distance learning during the COVID-19 pandemic”, *Health Risk Analysis*, vol. 3, pp. 63–71.
- Kuznetsova, Yu.M. and Chudova, N.V. (2011), *Psikhologiya zhitelei Interneta* [Psychology of Internet residents], LKI, Moscow, Russia.
- Leont’ev, D.A. (2016), “Autoregulation, resources and personality potential”, *Siberian Journal of Psychology*, no. 62, pp. 18–37.
- Maia, B.R. and Morgado, P. (2022), “Generalized problematic internet use, emotional regulation and self-esteem in adults”, *European Psychiatry*, vol. 65, pp. 815–816.

- Martsinkovskaya, T.D. (2019), "Information Space of a Transitive Society: Challenges and Prospects", *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 27, no. 3, pp. 77–96.
- Shchukina, M.A. and Martela, A.I. (2022), "Socio-psychological characteristics of adolescent and adolescent users with problematic Internet use", *Herald of Vyatka State University*, iss. 4 (146), pp. 149–158.
- Shevelenkova, T.D. and Fesenko, T.P. (2005), "Psychological well-being of the person", *Psychological diagnostics*, no. 3, pp. 95–121.
- Spirkina, T.S. (2008), "Personal characteristics of Internet addiction users", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 26 (60), pp. 473–477.
- Tomaska, N., Rył, A., Turoń, A and Rotter, I. (2022), "Emotional State of Young Men in Relation to Problematic Internet Use", *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 19. DOI: 10.3390/ijerph191912153
- Vishnyakov, A.V., Zlokazova, M.V., Leushina, E.S. and Bufetova, A.M. (2022), "Problematic Internet use dysfunctional attitude profiles among medical students", *Medical newsletter of Vyatka*, no. 4 (76), pp. 75–80.
- Yumartova, N.M. (2013), "Mindfulness. Psychological characteristics and measurement tools", *Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakul'teta psikhologii SPbGU* [Graduates' scientific research of the Faculty of Psychology of SPbSU], no. 1 (1), pp. 267–273.

Информация об авторе

Ольга С. Филиппова, магистр психологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; philippova.o.s@gmail.com

Information about the author

Ol'ga S. Philippova, Master in Psychology, graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; philippova.o.s@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Психология. Педагогика. Образование»
№ 1
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73401 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 15.03.2024
Выход в свет 22.03.2024
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 10,9
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1932

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru